

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. А. ФОРМОЗОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНДРОНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ*(Доклад, прочитанный на заседании сектора первобытной археологии
ИИМК 20 мая 1950 г.)*

В 1927 г. С. А. Теплоухов классифицировал погребения эпохи бронзы Южной Сибири и впервые выделил группу памятников «андроновской культуры» (вторая половина II тысячелетия до н. э.), а также группу более ранних памятников «афанасьевской культуры» (вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.)¹. Афанасьевские погребения были исследованы им в Минусинской котловине, для характеристики же андроновской культуры, наряду с минусинским, уже тогда был привлечен материал из Казахстана. Указав на преемственность в типах керамики и могильных сооружений андроновской культуры от афанасьевской, С. А. Теплоухов высказал мысль о генетической связи культур, что было принято и другими исследователями.

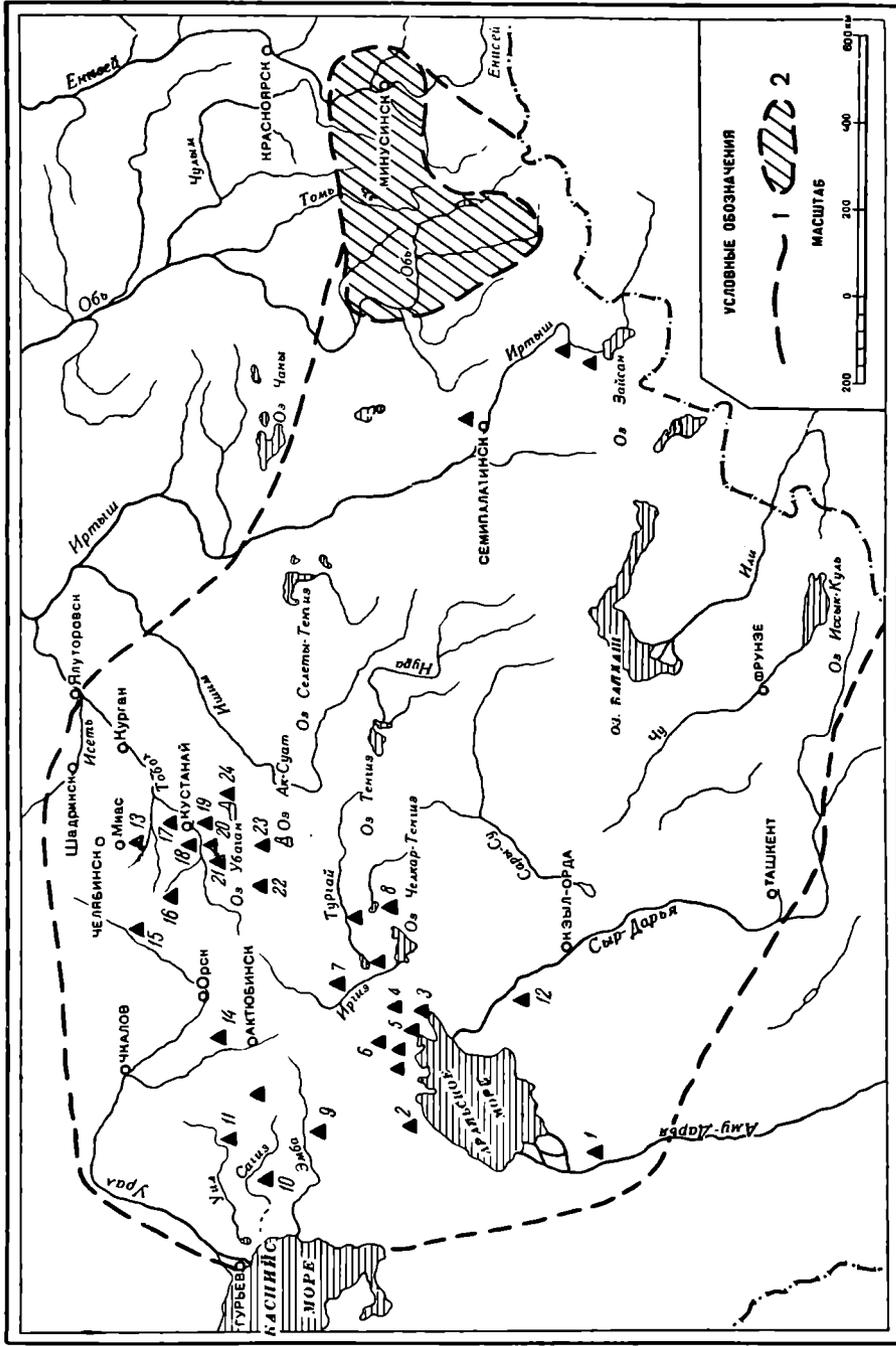
Но за истекший с тех пор период были проведены исследования в Сибири, Казахстане, Средней Азии и на Урале, заставляющие вернуться к вопросу о происхождении андроновской культуры. Дело в том, что новые исследования не расширили территорию распространения афанасьевской культуры (если не считать Алтая, где мало документированный материал был известен и Теплоухову), но показали очень широкое распространение андроновских памятников. Андроновские могильники и стоянки открыты по всей территории Казахстана и доходят на Западе до р. Урала, до границ срубной культуры². На севере андроновские памятники распространены до р. Исети, до района Шадринска-Ялуторовска, а андроновское влияние видно и на памятниках шигирской культуры и на стоянках р. Оби³. В Средней Азии андроновские могилы раскопаны на Тянь-Шане⁴ и известны по случайным находкам в Узбекистане, а поселения найдены в

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927.

² Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Алма-Ата, 1930; М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Сб. «Казак», вып. 2, Л., 1927.

³ К. В. Сальников. Южное Зауралье во II—I тысячелетии до н. э. МИА СССР (печ.); Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940.

⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949.

**ДОАНДРОНОВСКИЕ
СТОЯНКИ**

Кельтеминарские:

1. Джанбас-кала
2. Сам
3. Аральск
4. Приаральские Кара-Кумы
5. Агиспе
6. Саксаульская
7. Иргиз
8. Баше-куль
9. Кок-Тубек
10. Ак-кум-сагыз
11. Кум-жарган
12. Казалинск

Южноуральские:

13. Кысы-куль
14. Каргала
15. Таналык
16. Джандган
17. Светлый Джар-куль
18. "Коль"
19. Затобольская
20. Садчиковка
21. Кара-Тамар
22. Терек-карагай
23. Ак-Суат
24. Убоган

Рис. 1. Карта распространения доандроновских, андроновских и афанасьевских памятников

Условные обозначения: 1 — граница распространения памятников андроновского типа; 2 — область распространения могильников афанасьевского типа

Киргизии¹, и Хорезме². На юге же андроновские влияния доходили до районов распространения культур крашеной керамики, о чем говорят находки керамики андроновского типа на стоянках под Ашхабадом и в Анау III³.

Таким образом, андроновские памятники занимают весь Казахстан, значительную часть Средней Азии, Западной Сибири и Южного Урала, а афанасьевские — лишь восточный угол этой территории (см. карту, рис. 1).

При этом в Казахстане и Приуралье, где известны десятки андроновских памятников, не найдено ни одного афанасьевского погребения или хотя бы сосуда, но зато открыты поселения, несомненно, непосредственно предшествующие андроновским и в то же время не являющиеся афанасьевскими (о них ниже). Отдельные доандроновские погребения, известные в Казахстане, также отличаются от афанасьевских и по обряду (преобладает трупосожжение) и по инвентарю⁴. Повидимому, на запад от Алтая афанасьевская культура не распространялась. Естественно поэтому встает вопрос, только ли от афанасьевской культуры произошла андроновская и не имела ли она предшественников на Западе.

С. С. Черников сделал попытку найти подоснову андроновской культуры в Казахстане, в связи с чем им введено понятие о казахстанской доандроновской «тургайской культуре»⁵. Под этим термином искусственно объединены весьма различные памятники огромной и разнообразной по природным условиям территории Казахстана. Признать существование единой культуры на таком громадном пространстве в эпоху энеолита невозможно. Против этого говорит и археологический материал.

В работах С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова⁶ высказана мысль о том, что андроновские поселения Хорезма являются результатом развития предшествовавшей им кельтеминарской культуры Приаралья. Такая постановка вопроса кажется нам более удачной, так как в качестве второго источника формирования андроновской культуры, помимо афанасьевского, здесь названа другая узко-локальная культура. Нам уже приходилось писать, что поздние кельтеминарские стоянки Казахстана говорят за эту точку зрения⁷.

Так или иначе последние исследования показали, что афанасьевская культура — менее широкое явление, чем андроновская, и что в западной части района распространения андроновской культуры есть памятники, синхронные афанасьевским, но отличающиеся от них. Связь этих памятников с андроновской культурой должна быть выяснена.

Вопрос о происхождении андроновской культуры требует пересмотра и после палеоантропологических исследований Г. Ф. Дебеца, пришедшего к выводу о различии черепов из афанасьевских и андроновских погребений⁸. На основании этого Г. Ф. Дебец говорит об отсутствии преемственной

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки на р. Чу. ПИДО. № 5—6, 1935.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

³ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I. Wash., 1907, t. 15.

⁴ А. А. Формозов. Доандроновские погребения в Казахстане. Изв. АН Каз. ССР, сер. археолог., № 4 (печ.).

⁵ См. ВДИ, 1948, № 4, стр. 168. С. С. Черников. Тургайская культура (доклад на секторе палеолита и неолита ЛОИИМК весной 1949 г.).

⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 76; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1949.

⁷ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949.

⁸ Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения минусинского края в эпоху родового общества. Антропологический журнал, № 2, 1932; он же. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.

связи культур и о приходе андроновцев в Сибирь, вероятно, с запада. Хотя последние исследования в Минусинской котловине только подтверждают наличие переходных от афанасьевских к андроновским типов погребений и керамики¹, а ряд антропологов подчеркивает сходство афанасьевских и андроновских черепов², с наблюдениями Г. Ф. Дебеца нельзя не считаться.

В настоящей статье мы пытаемся разобрать вопрос о происхождении андроновской культуры в свете новых материалов. При этом мы не останавливаемся на характеристике афанасьевской культуры и ее связей с андроновской, отсылая читателя к работам С. В. Киселева и М. Н. Комаровой. Отметим лишь, что отсутствующие в раннем Афанасьеве кольцевые выкладки над могилами, срубы, плиты и накаты в могилах с течением времени появляются в афанасьевских погребениях, делая их все более близкими по типу к андроновским. В керамике также хорошо прослеживается переход от яйцевидных афанасьевских сосудов к баночным, бытующим позднее в андроновской культуре, где керамика сохраняет элементы афанасьевской орнаментации. Указав на эти доказательства генетической связи андроновской культуры с афанасьевской, рассмотрим доандроновские памятники, расположенные к западу от Алтая.

Наиболее известным из них является стоянка кельтеминарской культуры — Джанбас-кала № 4 в низовьях р. Аму-Дарьи, раскопанная С. П. Толстовым в 1940—1945 гг.³ Кремневый инвентарь ее изготовлен из ножевидных пластин, характерны ножи с ретушью, формирующей прямой или выемчатый рабочий край, вытянутые концевые скребки, вкладыши с притупленной спинкой, ассиметричные наконечники стрел с боковой выемкой, выделяющей черешок. Керамика — круглодонная с прямыми венчиками и гребенчатой, нарезной и прочерченной орнаментацией. По орнаменту сосуды делятся на две группы: одни сверху донизу покрыты гребенчатым елочным орнаментом, у других орнамент образует зону под венчиком, заполненную прочерченными параллельными прямыми или волнистыми линиями. Костные остатки со стоянки принадлежат рыбам и диким животным. Поселение на берегу озера — долговременное, жилище — из дерева и камыша со столбовой конструкцией.

С. П. Толстов отнес стоянку Джанбас-кала № 4 к неолиту, к IV тысячелетию до н. э. Эта дата представляется заниженной, так как в инвентаре стоянки есть ряд вещей, типичных для энеолитического времени. Наряду с наконечниками стрел на пластинках здесь представлены наконечники с двусторонней обработкой — листовидные с выемкой в основании⁴ типа характерного для ямных, афанасьевских, энеолитических прибайкальских и т. п. памятников. Ассиметричные наконечники Джанбас-калы № 4 по форме сходны с наконечниками с боковой выемкой с двусторонней обработкой, встречающимися на энеолитических стоянках Нижнего Поволжья и Северного Предкавказья⁵. Совершенно аналогичные кельтеминарским наконечники с боковой выемкой на ножевидных пластинах хорошо представлены на энеолитических стоянках Урала (Татарский бор, 1 и 2 Анд-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР. № 9, 1949; М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

² М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949, стр. 102; Е. В. Жиров. Разновидности брахицефалии. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 73.

³ С. П. Толстов. Указ. соч.

⁴ Там же, рис. 18а, 8.

⁵ Ср. И. В. Синицын. Кремневые орудия с донных стоянок Калм. области. Изв. Нижне-Волж. ин-та краевед., т. IV, Саратов, 1931, табл. II, рис. 53; Б. В. Лукин. Очерки по истории Подонья и Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949, рис. 3; Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, рис. 26.

реевские и др.)¹. Не менее важна находка в Джанбас-кале № 4 каменной колотушки с желобком для привязывания² вещи, известной в афанасьевской культуре и других палеометаллических памятниках. За повышение даты Джанбас-калы № 4 говорит и развитая керамика: плоскодонные блюда и сосуды с окрашенными стенками, подражающие керамике Анау. Поскольку древнейшая крашенная керамика Анау, по последним исследованиям, относится к концу IV — началу III тысячелетия до н. э., керамику, подражающую ей, следует датировать более поздним временем. Все это заставляет считать кельтеминарскую культуру энеолитической и относить ее наиболее древний памятник — Джанбас-калу № 4 самое раннее к первой половине III тысячелетия до н. э., а более поздние кельтеминарские стоянки синхронизировать с афанасьевской культурой.

Стоянки, близкие по характеру кремневого инвентаря и керамики к Джанбас-кале № 4, найдены, помимо Хорезма, в ряде пунктов Северного и Северо-Западного Приаралья и в бассейне рек Сагиза, Уила и Эмбы³. Инвентарь стоянок: пластины с краевой ретушью, иногда с выемчатым краем, пластинки с притупленной спинкой, концевые скребки, режущие острия и проколки на пластинках, резцы на углу сломанной пластинки, трапеции, массивные скребковидные пластины, конические нуклеусы и т. п. Наконечники стрел большей частью с двухсторонней обработкой, листовидные с выемкой в основании, но встречаются и наконечники, сделанные на пластинах, асимметричные с боковой выемкой и подтреугольные (рис. 2). Керамика представлена полуяйцевидными сосудами, покрытыми гребенчатым и нарезным елочным орнаментом, оттисками качалки или имеющими под венчиком зону, заполненную прорезанными прямыми и волнистыми линиями (рис. 3).

Не все стоянки сходны по инвентарю. Поселения близ рек и озер дают много материала, в том числе легкие тонкие стрелы на пластинках, стоянки же в пустыне, вдали от воды, дают мало находок, среди которых нередки массивные кварцитовые дротики. Первые поселения, очевидно, долговременные, в основном рыболовческие, а мелкие стрелы предназначены для охоты на водоплавающую птицу. Вторые — кратковременные стоянки охотников с дротиками, часто переходивших с места на место за стадами джайранов, джегитаев и сайгаков. Воду в пустыне добывали, очевидно, выкапывая колодцы (на глубине около 2 м можно дойти до грунтовых вод).

Выделяется и третий тип кельтеминарских поселений. Для него характерна очень большая стоянка в пустыне близ современных колодцев у ст. Саксаульской, давшая, в отличие от других пустынных стоянок, обильный подъемный материал и выходы насыщенного культурного слоя. Находка костей домашней овцы и коровы (наряду с костями джегитая) говорит о переходе к скотоводству, обеспечившему оседлость и вдали от рек. Кости овцы известны и с другой стоянки в пустыне — Агиспе, по материалу более близкой к Джанбас-кале № 4, чем к Саксаульской. Материал из Саксаульской сходен с описанным выше, но керамика имеет ряд поздних признаков. Это — плоскодонность сосудов, имеющих развившуюся из

¹ П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в Восточно-Уральском родовом обществе. ИГАИМК, вып. 106, 1934, рис. 17, 10; он же. Вторая Андреевская стоянка, ТГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 99.

² С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155.

³ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950. Используя в дальнейшем подъемный материал, мы ссылаемся лишь на стоянки с находками микролитов вместе с доандроновской керамикой и без всяких поздних находок. На вопросе о сосуществовании микролитов с керамикой ранней бронзы после работ В. В. Гольмстен, М. Е. Фосс, О. Н. Бадера и др., пожалуй, можно не останавливаться.

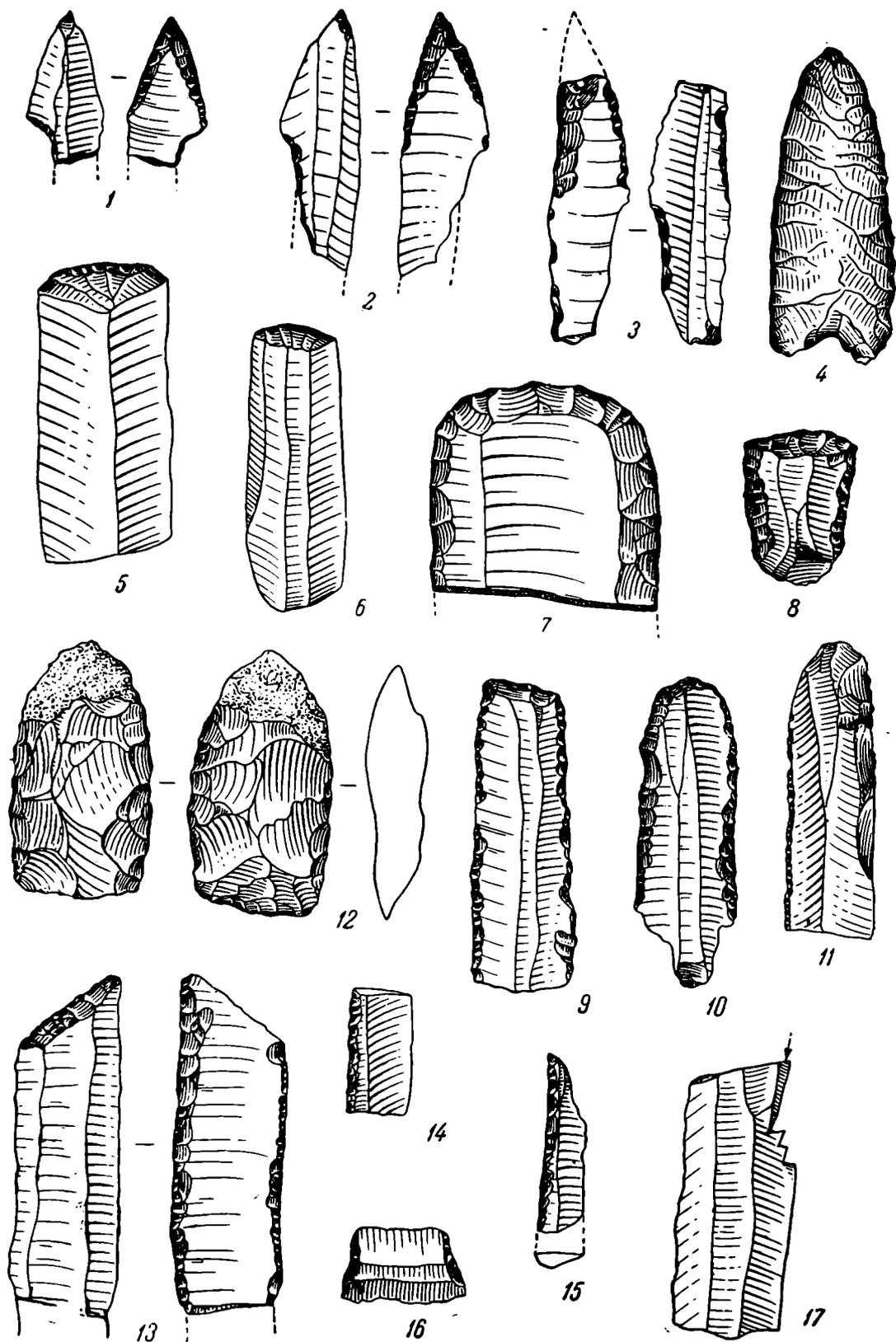

Рис. 2. Кремневый инвентарь кельтеминарских стоянок Казахстана
 1-4, 7-11, 14 — Ак-кум-сагия; 5-6 — Саксаульская; 12-13 — Агиспе; 15-17 — Баше-куль

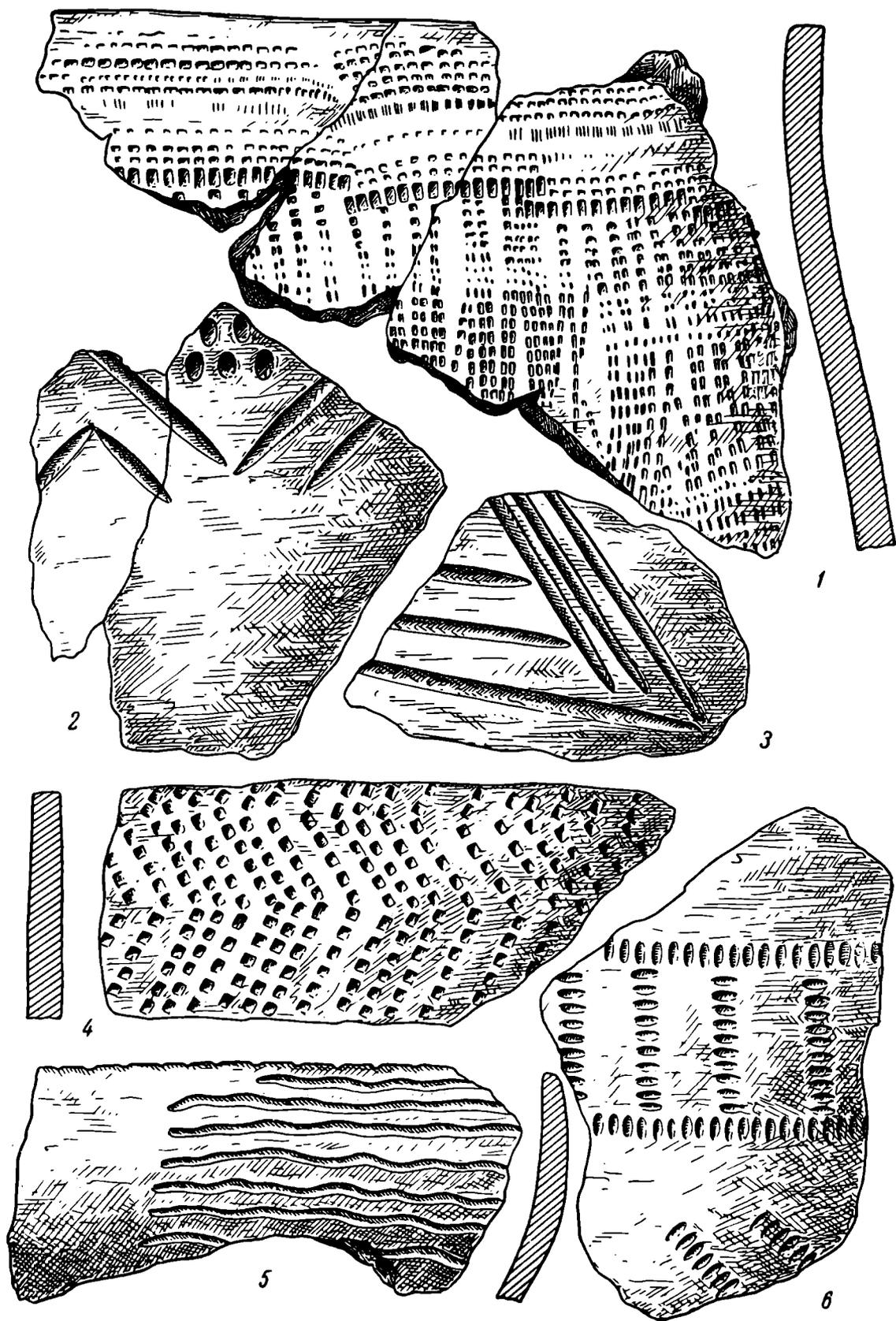

Рис. 3. Керамика кельтеминарских стоянок Казахстана
 1 — Агиспе; 2—6 — Саксаульская

полуяйцевидной баночную форму, и веревочный орнамент в виде горизонтальной лесенки, известный в позднем Триполье (Городск)¹ и в полтавской культуре, характерный для начала II тысячелетия до н. э. Ряд орнаментов керамики обнаруживает близкое сходство с андроновскими; так, заштрихованные зоны переходят в заштрихованные ромбы андроновского типа. Интересен представленный на стоянках Саксаульская, Аккум-сагиз и Сага орнамент из нарезных треугольников, спускающихся от венчика вершинами вниз и заполненных ямками. Он напоминает орнамент баночных андроновских сосудов из Батеней, Степняка, Ближних Елбан и т. д.²

Итак, на позднем этапе кельтеминарской культуры появляются скотоводство, прочная оседлость, плоскодонная баночная керамика, сохранившая елочный орнамент и украшенная упростившимся до заштрихованных ромбов зональным орнаментом, и т. д. О развитии металлургии в это время говорит находка на стоянке Сага в бассейне р. Уила четырехгранного шильца, характерной для эпохи ранней бронзы формы. Таким образом, энеолитическая кельтеминарская культура, распространенная в Приаралье и восточной части бассейна Каспийского моря, к началу II тысячелетия до н. э. достигла уровня развития афанасьевской культуры и так же, как эта последняя, обнаруживает ряд переходных к андроновской культуре черт.

Переходим на север территории распространения андроновской культуры. На Южном Урале раскопан лишь один доандоновский памятник — стоянка Кысы-куль близ Миаса, исследованная К. В. Сальниковым в 1937 г.³ Дата стоянки — начало II тысячелетия до н. э., установленная по находке медного ланцетовидного ножа, не возбуждает сомнений. По материалу поселение отличается от стоянок кельтеминарской культуры. Здесь основным полуфабрикатом для орудий служили не пластины, а отщепы. По данным отчета К. В. Сальникова, пластин найдено 19, отщепов — 185. Из пластин делали подтреугольные наконечники стрел с пильчатой краевой ретушью и концевые скребки, но большая часть скребков — на отщепах округлых очертаний. Интересна группа орудий с двусторонней обработкой, сделанных из галек, называемых К. В. Сальниковым «рубильцами». Керамика представлена как полуяйцевидными, так и более профилированными сосудами с отогнутыми шейками. В глине — примесь талька, характерная для Приуралья, не известная в кельтеминарской керамике, имеющей примесь дресвы и раковин. Орнамент керамики Кысы-куля отличается от кельтеминарского широким применением ямочных вдавлений и гребенчатых штампов в ущерб нарезным и прочерченным линиям. По отчету К. В. Сальникова, гребенчатого орнамента — 80%, ямочного — 12%, резного — 6%. Среди гребенчатых встречаются елочные орнаменты и совсем не известные в Приаралье пояса гусеничных отпечатков. Ямки обычно располагаются поясом по венчику. Ряд орнаментов приближается к андроновским, это — ромбы и заштрихованные треугольники. Из других находок интересна зернотерка. Поселение в основном рыболовецкое (много грузил), долговременное, жилище — полуземляночное со столбовой конструкцией. Таким образом, по типу жилища и керамике стоянка Кысы-куль

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА СССР, вып. 10, 1949, рис. 96.

² С. А. Теплоухов. Указ. соч., табл. VII, рис. 4, 5; коллекции из Степняка — в МАЭ, из Елбан — в ГЭ.

³ Коллекции Челябинского музея. См. В. В. Гольмстен. Обзор археологических работ в 1937 г. ВДИ, 1938, № 3; К. В. Сальников. Древнейшее население Челябинской области. Челябинск, 1948; он же. Отчет об археологических исследованиях в 1937 г. (Архив ЛОИИМК, д. 233 за 1937 г.).

приближается к андроновским памятникам. В то же время по материалу эта стоянка не афанасьевская и не кельтеминарская.

Близкие к ней по материалу памятники известны в Северном Казахстане в бассейне р. Тобола и в районе Орска в бассейне р. Урала. Это кустанайские стоянки: Терсек-карагай, Ак-суат, Светлый Джар-куль, Кайран-коль и др.¹, стоянка близ Актюбинска на р. Джаман-каргале² и Орские стоянки у Таналыка и Джаилгана³. Все они характеризуются применением орудий и на пластинах и на отщепах. Из первых делались подтреугольные наконечники стрел с пильчатой ретушью (тип редкий на кельтеминарских стоянках), вкладыши с притупленной спинкой и концевые скребки. Из вторых — большая часть скребков и остроконечники. Скребки на отщепах — двух типов: округлые и концевые подтреугольные, довольно массивные. Остроконечники, представленные и в Кысы-куле, с двусторонней обработкой, а чаще с краевой ретушью, имеют режущие функции. Встречаются «рубильца» — пиковидные орудия с двусторонней обработкой и сработанным при рубящих ударах рабочим краем. Наконечники стрел с двусторонней обработкой — листовидные с выемкой в основании, отличаются от кельтеминарских большей вытянутостью (рис. 4).

Керамика стоянок плохо сохранилась, но по орнаменту близка к Кысыкульской (рис. 4). Обычны ямочные пояса под венчиком, орнамент из отпечатков гусеничного штампа и гребенчатых зигзагов. В некоторых стоянках в тесто сосудов примешивался тальк. Ряд орнаментов приближается к андроновским; это — заштрихованные треугольники (Терсек-карагай, Кайран-коль, Коль, Затобольская и Садчиковская II стоянки в Кустанайской области) и меандриды (Терсек-карагай). Интересно также распространение наконечников стрел с двусторонней обработкой с намечающимся черешком — прототипа андроновских наконечников (стоянки Таналык Б, Светлый Джар-куль, Терсек-карагай). По сходству материала стоянок с Кысы-кулем и наличию в них андроновских элементов большинство стоянок надо, по видимому, датировать началом II тысячелетия до н. э.

Поселения можно разделить на две группы. Первые — приозерные и приречные, в основном рыболовецкие, характеризуются микролитичностью инвентаря, легкими пластинчатыми наконечниками стрел для охоты на водоплавающую птицу. Вторые, приуроченные к нынешним островным лесам, оставлены охотниками на марала, косулю, кабана. Такова стоянка Терсек-карагай, расположенная в сосновом лесу на ручье, вдали от озер, давшая множество находок наконечников стрел и дротиков с двусторонней обработкой, массивные скребки, пики и т. д. Возможность существования здесь лесов во II тысячелетии до н. э. доказывают как анализы пыльцы из кустанайских торфяников, показавшие преобладание в это время сосны, так и срубы в Челябинских андроновских погребениях, кости бобра в Алексеевской стоянке и т. д. По видимому, обитатели южно-уральских стоянок типа Кысы-куля жили в лесо-степных условиях, а не в степных и полупустынных, как кельтеминарцы.

Находка в Терсек-карагае (вместе с костями марала) костей коровы и лошади говорит о переходе от охоты к скотоводству. Кости домашней лошади найдены и на Затобольской стоянке под Кустанаем, кости овцы и коровы — в Светлом Джар-куле. Итак, в Южном Приуралье намечается другая предандроновская культура, к началу II тысячелетия до н. э. пере-

¹ А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. «Бюлл. ком. по изуч. четверт. периода», № 15, М.—Л., 1950, коллекции Кайран-коля в музее этнографии народов СССР. № 2571.

² Коллекции Актюбинского музея.

³ А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951 г.

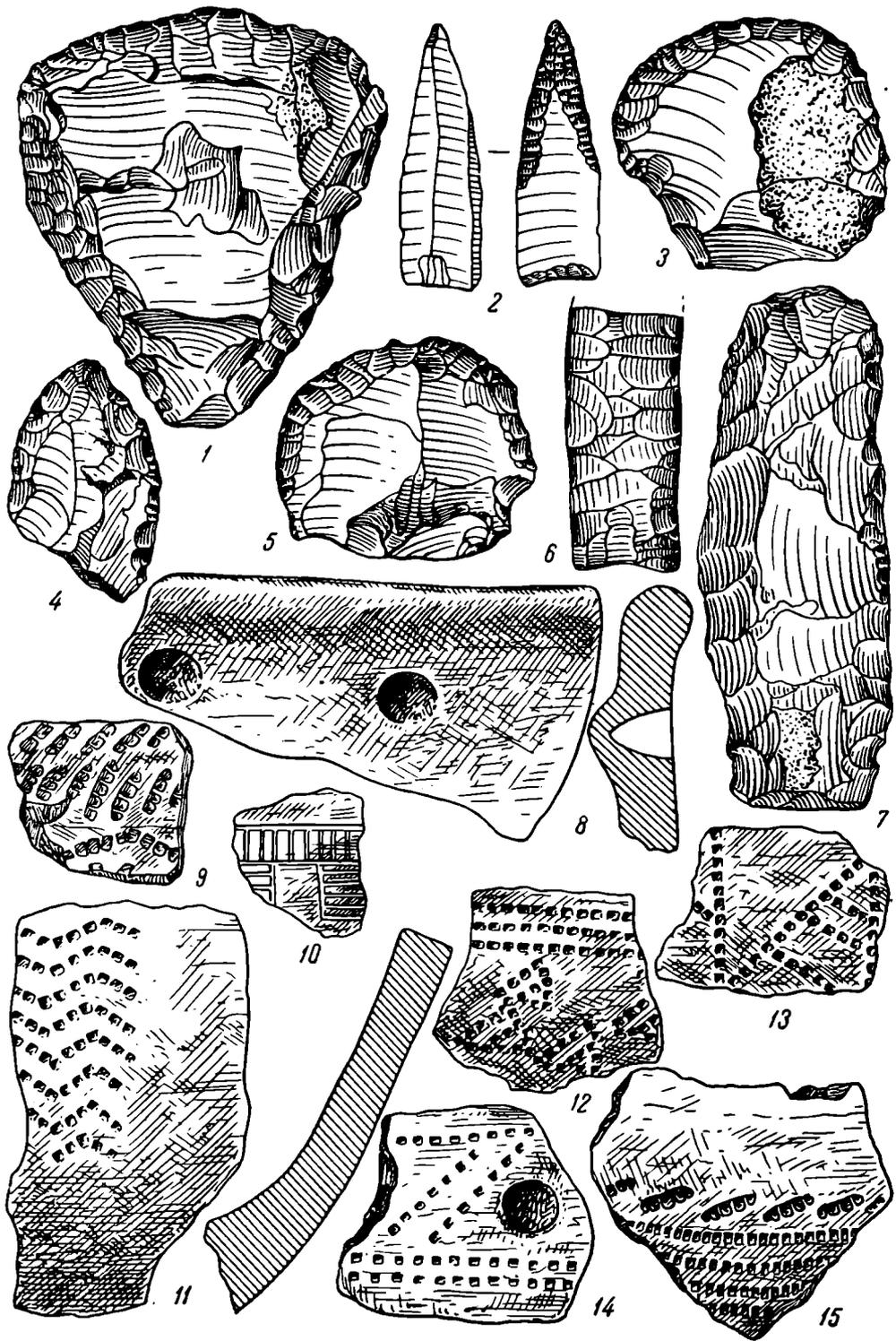

Рис. 4. Характерные типы орудий и керамики стоянок Кустанайской области
 1, 4-6, 10, 13, 14 — Терсек-карагай; 2, 15 — Светлый Джар-куль; 3, 8, 11 — Ак-суат;
 7, 9, 12 — «Коль»

ходящая к скотоводству и, возможно, к земледелию (зернотерка в Кысы-куле). Здесь складывается полуземляночный тип жилища, характерный для андроновских стоянок Алексеевской, Садчиковской, Замараевской, появляются близкие к андроновским орнаменты на керамике, имеющей, как и андроновская, примесь талька. Находки металла известны не только в Кысы-куле, но и в кустанайских стоянках. В Кара-тамаре найдено медное шильце, в Затобольской — медная проволока, в стоянке Коль — секторо-видная пластинка и проволока.

К сожалению, мы не имеем даже столь отрывочных данных об энеолитических стоянках Восточного Казахстана, где находки кремня малочисленны и обычно не сопровождаются керамикой, так как последняя почти не сохраняется на солончаках. Большой материал имеется только из-под Семипалатинска и со стоянок Зайсанского района Семипалатинской области (по Белому Иртышу), но на этих дюнных стоянках обычно смешаны вещи разного времени, что заставляет оперировать с ними с осторожностью. К тому же собиратели почти не разделяли коллекций по месту находки¹. Тем не менее, просмотр вещей убеждает в отличии их как от афанасьевских, так и от южно-уральских. Особенно характерна серия более чем из 100 мелких наконечников стрел с двусторонней обработкой. Преобладают наконечники в виде правильных почти равносторонних треугольников с легкой выемкой в основании и листовидные короткие наконечники с очень широкими основаниями с выемками. Таких коротких наконечников с самой широкой частью в основании нет ни на севере, ни на западе Казахстана. Нередки также вытянутые листовидные наконечники с округлым основанием, приближающиеся к афанасьевским (рис. 5). Среди другого кремневого инвентаря, принадлежность которого к энеолиту не может быть доказана, преобладают вкладыши на пластинках, округлые скребки на отщепках и не представленные нигде на западе скребла с крутым рабочим краем. Г. П. Сосновский относил их к палеолиту², но они найдены вместе с энеолитическими стрелами и не отличаются от них по материалу. Долгое же бытование скребел палеолитического облика в Сибири засвидетельствовано рядом находок их в исаковских погребениях Прибайкалья и находкой скребла в слое с андроновской керамикой под Каркаралинском³.

Керамика Семипалатинских стоянок интересна для нас по наличию ряда своеобразных орнаментов, помимо обычных гребенчатых и нарезных зигзагов (рис. 5). Во-первых, ряд сосудов был сплошь покрыт от венчика до плоского дна поясами гребенчатых отпечатков, причем зубцы штампа были иногда не квадратными, а треугольными в сечении. Во-вторых, очень распространен был орнамент в виде желобков с углублениями внутри, нанесенный путем прочерчивания палочкой с нажимом через определенные промежутки. Это, так же как и находка ряда черепков с «псевдотекстильной» поверхностью, обработанной лопаточкой, сближает семипалатинскую керамику с керамикой той «провинции», которую А. П. Окладников намечает для энеолита Восточного Приуралья и Западной Сибири⁴.

¹ Коллекции МАЭ, № 3211 (Белослюдовская коллекция из-под Семипалатинска), № 1726 (коллекция В. И. Каменского с Белого Иртыша). Из литературы см. К. М. Рычков. Систематический каталог коллекций музея Семипалатинского подотдела Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва. В кн. «Записки Семипал. подотд. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва», вып. VIII. Семипалатинск, 1914; А. А. Спицын. Археол. альбом. ЗОРСА, II, 1915; С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. Изв. АН Каз. ССР, сер. археол., № 2, 1949.

² Г. П. Сосновский. О поисках палеолита в Казахстане. Изв. АН Каз. ССР, сер. археол., № 1, 1949.

³ ГИМ, № 80515.

⁴ А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири. В кн. «1-е Уральское археологическое совещание». Молотов, 1948, стр. 19—20.

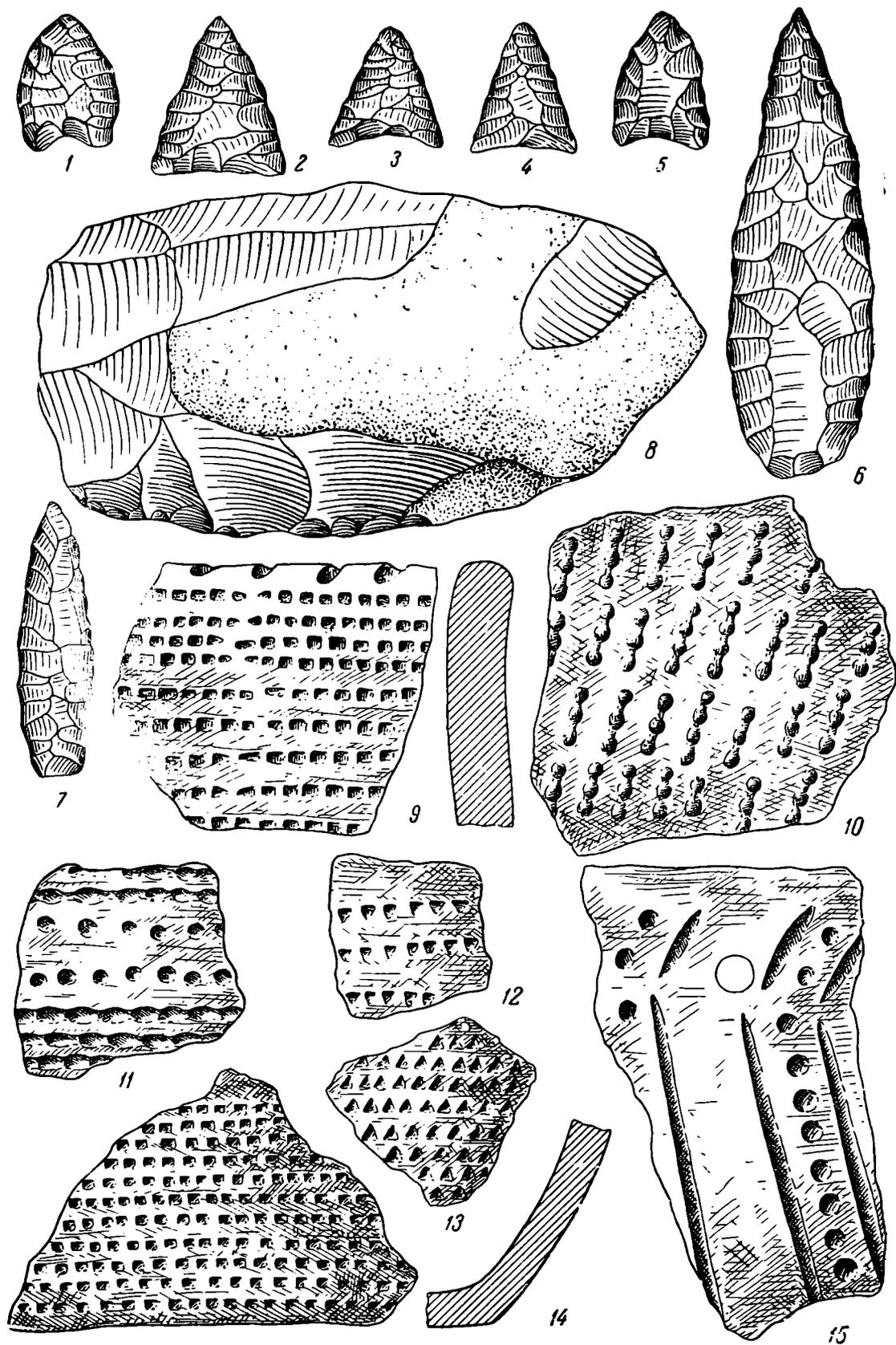

Рис. 5. Характерные типы орудий и керамики Семипалатинских стоянок

1—4, 7, 8, 10, 15 — донные стоянки под Семипалатинском; 5, 6, 9, 11—14 — донные стоянки по Б. Иртышу в б. Зайсанском у.

Отметим также несколько раз встречавшийся на керамике с Семипалатинских стоянок орнамент в виде нарезных вертикальных зигзагов, поля между которыми через одно заполнены ямками. Керамики с орнаментом из округлых, вытянутых и подквадратных ямочных вдавлений довольно много. Итак, несмотря на плохую документацию коллекций семипалатинских стоянок, мы видим, что они образуют особую группу, тяготеющую к сибирскому кругу культур, с своеобразным кремневым инвентарем и керамикой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в энеолите на территории распространения андроновской культуры существовала не одна афанасьевская культура и не единая всеказахстанская «тургайская», а ряд культур. Мы можем сказать, что афанасьевская культура не заходила далеко на территорию Казахстана, где намечаются три группы энеолитических стоянок: семипалатинская, южно-уральская и приаральская — (кельтеминарская культура). Дальнейший сбор материала для Восточного Казахстана и Средней Азии, вероятно, позволит наметить границы еще нескольких предандроновских культур. Анализ материала доандроновских стоянок привел нас к выводу, что можно говорить об элементах перехода к андроновской культуре для кельтеминарской и южно-уральской культур. При этом мы не отрицаем и генетической связи андроновской и афанасьевской культур, а видим в Афанасьеве лишь один из источников для формирования андроновской культуры.

Какие же причины привели к сложению из ряда локальных культур единства на большой территории в андроновскую эпоху? Нам кажется, что надо различать две стороны этого явления. С одной стороны, несомненно, сложению андроновского единства способствовали переход от охоты и рыболовства к скотоводству и земледелию и появление металла.

Культуры племен энеолита отличались друг от друга, в частности, в силу различия природных условий и занятий населения. Охота на крупных млекопитающих пустыни, рыболовство на озерах в сочетании с охотой на водоплавающую птицу, охота в островных сосновых лесах и т. д. вызывали в каждом случае появление специфического охотничьего инвентаря, сложение особой традиции в производстве его. Распространение повсюду скотоводства и земледелия сделало ненужной эту специализацию. Одинаковый образ жизни вызвал одинаковость типов жилищ и в связи с этим типов сосудов, создал общность земледельческой идеологии и в связи с этим магической орнаментации посуды. Однотипные металлические орудия сменили разнохарактерный кремневый инвентарь.

С другой стороны, сложению из культур энеолита андроновского единства способствовали ничем не затрудненные в степной полосе широкие культурные связи на территории сложения андроновской культуры с сопредельными районами. В результате связей с племенами юга и юго-запада — носителями культуры крашеной керамики — по степи распространяются домашние животные и пшеница. Связь с этими культурами подчеркивает наличие крашеной керамики в Джанбас-кале № 4 и даже одного сосуда с росписью в афанасьевском погребении у с. Тесь¹. Связь с Уралом проявляется в распространении в казахстанских пустынных стоянках орудий из камней, несомненно, уральского происхождения, на что указывал еще А. А. Спицын². Связь с западом отмечалась уже при сравнении орнаментов керамики Саксаульской с городскими и полтавкинскими. Доказывает ее и распространение «кинжальчиков катакомбного типа», известных из Чимбайлыкского клада в Киргизии, из Лугумбека в

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, вып. 9, 1949.

² А. А. Спицын. Древности Средней Азии. Архив ЛОИИМК.

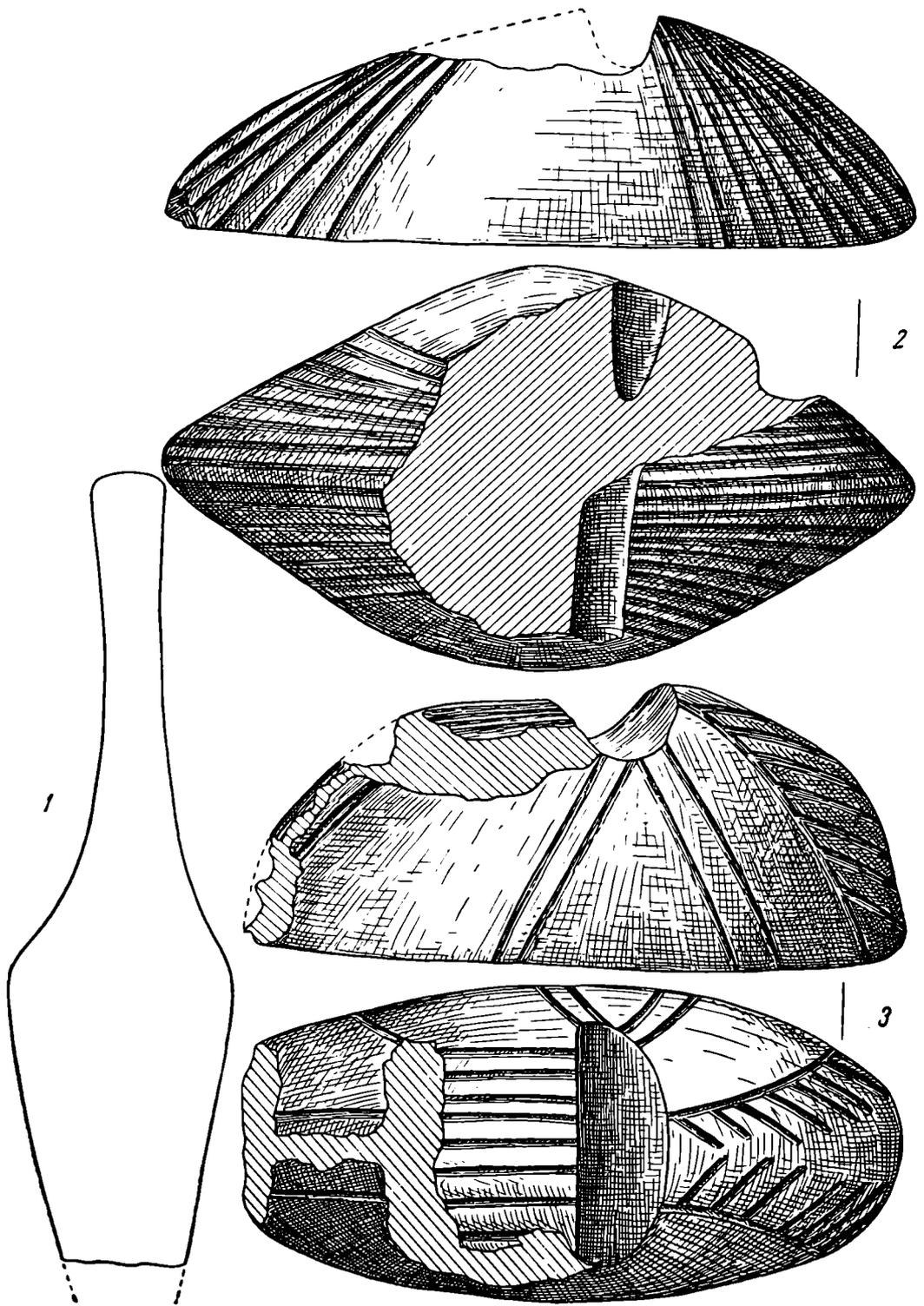

Рис. 6. Вещи катакомбного типа со стоянок Казахстана

1 — кияжальчик (Семипалатинск); 2—3 — утюжки-гладилки (стоянка на р. Каргале под Актюбинском)

Фергане¹, с дюн под Семипалатинском², из афанасьевских погребений (Тесь.). Распространены на востоке и утюжки-гладилки типа катакомбных со стоянок Приднепровья (Собачки и др.) — каменные изделия непонятного назначения с углубленным геометрическим орнаментом (рис. 6). На Джаман-каргалинской стоянке под Актюбинском найдено два утюжка и обломки трех других³, обломок утюжка найден в Терсек-карагае⁴, один утюжок — на стоянке Светлый Джар-куль⁵ и один — на Калбинском хребте⁶. Нельзя забыть и о распространении далеко на восток выпрямителей фатьяновско-катакомбного типа, известных в случайных находках под Челябинском и в Минусинской котловине. Выпрямитель близкого типа найден на кельтеминарской стоянке Ак-кум-сагиз. Давно указывалось также на общность афанасьевских курильниц с ямно-катакомбными. Связь с востоком, с энеолитом Прибайкалья, видна по находке в афанасьевском погребении кинжаловидной привески байкальского типа. Таким образом, через территорию формирования андроновской культуры шли в Сибирь те культурные влияния Причерноморья и Средней Азии, о которых предполагал еще В. А. Городцов⁷ и которым большое значение придает С. П. Толстов⁸.

Культурные связи захватили, конечно, не только окраины интересующей нас области. Взаимодействие шло и внутри нее, о чем свидетельствует быстрое распространение по всей степной полосе скотоводства и земледелия, насколько можно судить, одновременно появившихся в Казахстане, Приуралье и Западной Сибири. Наиболее широкие связи, каких не могло возникнуть в неолите, вызвала металлургия, особенно бронзы, базировавшаяся на алтайском олове. Обмен между металлургами, добывавшими олово на Алтае, и металлургами Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири носил, судя по археологическим данным, самый широкий характер⁹. При всех этих связях происходило не простое перемещение вещей, но вероятно, и передвижение групп населения, вытеснение одних племен другими, скрещения, одним словом, сложная картина племенных взаимоотношений раннекотловодческого общества. За счет этого взаимодействия племен следует, повидимому, отнести изменение антропологического типа жителей Минусинской котловины в андроновскую эпоху. Широкое взаимодействие культур большой территории и, несомненно, разных антропологических типов вызвало сложение не только единой материальной культуры, но и нового антропологического типа¹⁰.

Основным, на чем базировалось это скрещение, были, повторяем, металлургия, скотоводство и земледелие в условиях степной и лесостепной полосы Северной Азии. Поэтому лесные «неолитические племена» Восточного Приуралья и Прибайкалья, продолжавшие заниматься охотой и рыболовством, и земледельцы предгорий — культуры Анау, не приняли участия в сложении андроновской общности. Впоследствии андроновская культура распространяет свое влияние на север в область охотничье-рыболовецких

¹ Т. Г. Оболдуева. Курганы Каунчинской и Джунской культур в Ташкентской области. Киев, 1947; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 70—2.

² МАЭ, № 3211.

³ Актюбинский музей.

⁴ ГИМ.

⁵ Кустанайский музей.

⁶ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата. 1949, табл. IX, рис. 1, 2.

⁷ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1908.

⁸ С. П. Толстов. Аральский узел этногонического процесса. СЭ, т. VI—VII, 1947.

⁹ С. С. Черников. Указ. соч.

¹⁰ При обсуждении нашего доклада Г. Ф. Дебец и М. М. Герасимов согласились с такой трактовкой происхождения антропологического типа андроновцев.

племен. Почему же, могут спросить, в андроновскую область не вошли стелы Причерноморья, где мы видим в начале II тысячелетия тоже скотоводство, земледелие и металлургию? На это следует ответить, что здесь возникла близкая по облику к андроновской скотоводческо-земледельческая срубная культура, но в сложении ее играли важную роль связь с Кавказом, наличие путей по Волге и Днепру, другая конкретно-историческая обстановка.

Мы не считаем, что решили вопрос о происхождении андроновской культуры. С нашим скудным, притом в значительной части подъемным материалом его и трудно было решить. Наша задача — поставить этот вопрос по-новому в свете новых материалов.

В заключение стоит сказать, что наличие общности в андроновскую эпоху на большой территории не исключает возможность выделить локальные варианты Андропова — подлинные культуры отдельных племен. Это тема специальной работы, требующей детального анализа всех андроновских могил. Пока же укажем хотя бы на типичность для челябинских погребений прямоугольных блюд, нигде более не встреченных, широкое распространение трупосожжений в андроновских погребениях Киргизии и юго-востока Казахстана, на типичные лишь для Минусинской котловины каменные стелы, на присутствие лишь на севере и западе культуры горшков с уступчиком и т. д. «Культурами» следует называть именно эти локальные варианты. Термин же «андроновская культура», в который мы не вкладываем того же конкретного содержания, как в понятие о подлинно племенных культурах бронзового века лесной полосы Восточной Европы, должен быть заменен. Пользуясь им здесь условно и по традиции, мы предлагаем в дальнейшем говорить об андроновской «культурной области», как это уже было предложено в литературе¹.

¹ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров на р. Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

А. Л. ЕСИПЕНКО

ПЕТУХОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

(I в. до н. э.—IV в. н. э.)

(По данным археологических раскопок 1949 г.)

К «старейшей форме укреплений» Ф. Энгельс относит частокол, который «вплоть до конца XVIII столетия» применялся у турок и еще в более позднее время сохранил свое значение на Индокитайском полуострове у населения Бирмы¹.

На наличие в Северном Причерноморье в скифское время «старейших» форм укреплений, построенных из бревен, указывает Геродот. Он говорит о том, что «древний город, по имени Гелон»² окружен стеной, которая «с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева»³.

В дальнейшем долговременные оборонительные укрепления переживают изменения и усовершенствования. В фортификации, как указывает Ф. Энгельс, «следующим шагом было сооружение, вместо частокола, каменных стен. Такая система обеспечивала большую долговременность и в то же время делала нападение гораздо более затруднительным»⁴.

«Несомненно, — пишет Ф. Энгельс, — что еще в ранний период был введен также ров»⁵, создаваемый по всему поясу стены с внешней стороны укрепления и являвшийся основным препятствием для неприятеля.

С прибавлением к каменным стенам башен, которые, выступая несколько впереди стен, обеспечивали «боковую защиту при помощи метательных снарядов»⁶, оборонительные свойства их были развиты до высшей точки.

Петуховская оборонительная система рубежа нашей эры относится именно к такого рода укреплениям.

Петуховское городище расположено на возвышенности у Днепровско-Бугского лимана (рис. 7а, б). Основатели этого населенного пункта, превращенного затем в крепость, в связи с созданием здесь системы обороны, избрали для его постройки безопасное место, где были в изобилии вода и трава.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 492.

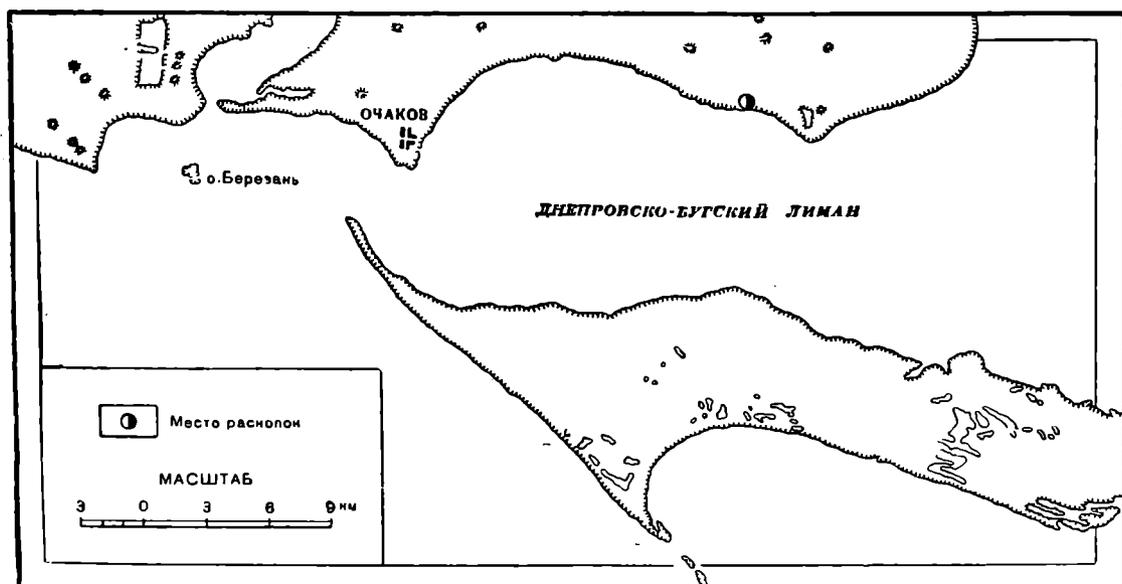
² Геродот, IV, 108, о городе Гелоне в земле будинов. В. В. Латышев. Известия..., 1890, стр. 42.

³ Там же.

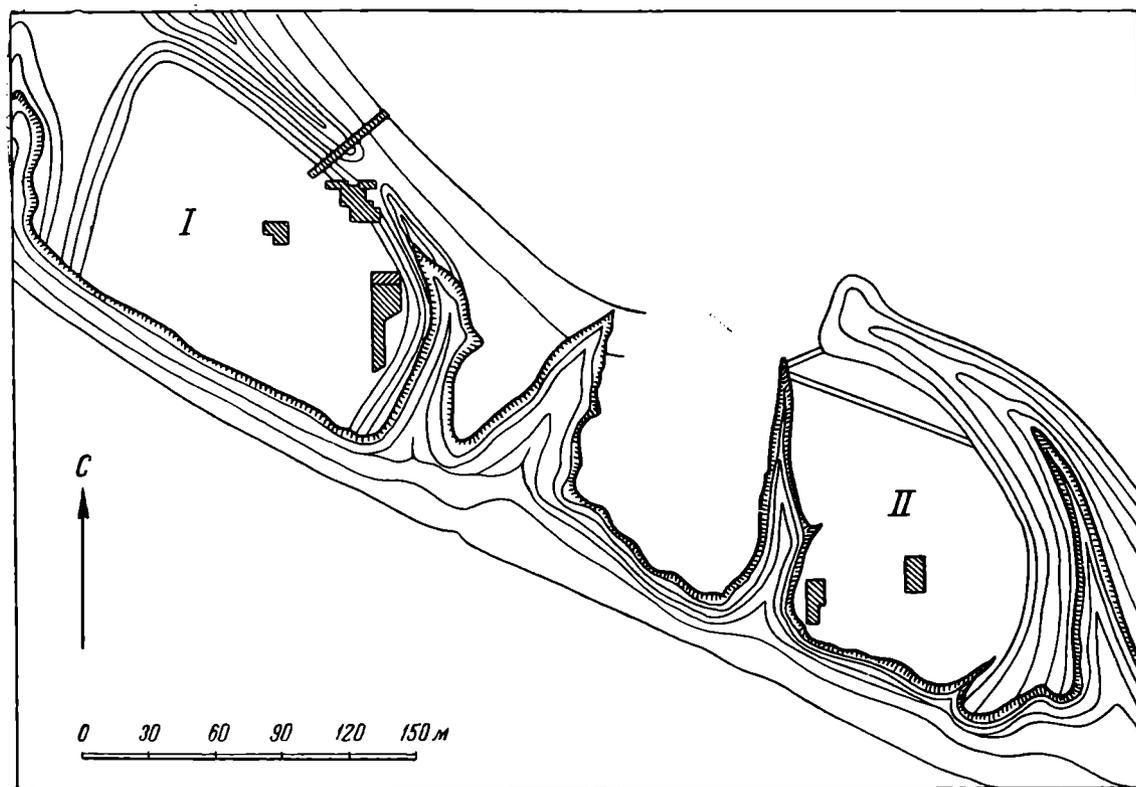
⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 492.

⁵ Там же, стр. 493.

⁶ Там же.

а

б

Рис. 7. Петуховское городище

а — Район археологических раскопок Одесского государственного археологического музея 1949 г. (х. Петухово, Дмитриевского с/с, Очаковского р-на, Николаевской обл.); б — План Петуховского городища: I — первое городище, II — второе городище

С Петуховской возвышенности, господствующей над окрестностями, хорошо просматривается не только довольно широкий лиман (12—18 км), но и противоположный его берег. Местность, выбранная под городище, гарантирована также от заливания водой. Со стороны степи, откуда скорее всего могла угрожать опасность, жители древнего Петуховского поселения и, надо полагать, других окрестных поселений, создали оборонительные сооружения, которые высятся над равниной и сейчас, напоминая вал.

Время очень видоизменило внешний вид оборонительной системы и самого городища: строения затянулись землей, заросли травой, и только раскопки, произведенные Одесским государственным археологическим музеем, помогли в известной мере воскресить былую мощь сооружений¹. С крепостной стены появление противника могло быть замечено на значительном расстоянии. Это давало возможность не только своевременно подготовиться к нападению, но и принять под защиту крепостных стен живущее вблизи население. Разведка, проведенная сотрудниками экспедиции в ближайших окрестностях, подтвердила наличие существовавших в то время поселений; еще более убедительные данные об этом принесли раскопки поселения, проведенные на расстоянии 1,5 км от Петуховского городища Т. И. Фармаковской в августе 1949 г.

Оборонительные сооружения начинаются у обрыва к лиману на запад от поселения и, постепенно заворачивая направо, идут к северу. Против центра они поворачивают к востоку, а затем к югу и снова выходят к обрыву, образуя неправильной формы подкову. Своими концами «подкова» упирается в обрыв, круто спадающий к лиману.

Такую форму укрепления строителям диктовал профиль местности. Подковообразная форма облегчала защиту и затрудняла действия нападающих, которых защитники могли поражать не только по фронту, но и с флангов. Выгнутой стороной оборонительная система обращена на север, в степь.

В оборонительную систему в Петухове входят природные укрепления (возвышенности, обрывы, широкий лиман) и укрепления шириной в 32,5 м, созданные человеческой рукой: стена, подпорка (контрфорс), ров. Такое сочетание делает ее особенно сильной.

Археологические раскопки производились на месте раскопок 1940 г. ввиду того, что отчет об этих раскопках не сохранился и имелись основания предполагать, что исследования не были доведены до конца. Последнее подтвердилось нашими раскопками.

Разрез оборонительной системы был сделан в той части, где она выходит выгнутой стороной на север, в степь, по прямой линии с юга на север. Сверху стена покрыта землей. Толщина земляного слоя — 10—30 см.

Крепостная стена состоит из нескольких слоев (рис. 8а). При ее сооружении были использованы глина, кирпич-сырец и камень-известняк.

Стена воздвигнута прямо на материке. В ее основании залегает мощная глиняная забивка высотой до 1,70 м. На глиняной забивке покоится кладка из кирпича-сырца вперемежку с камнем, высотой 2,10 м. Высота стены достигает 3,80 м.

Камни положены плашмя и залегают гнездами в сырцовой кладке. Густота залегания камней разная. Кирпич-сырец превратился в сплошную массу. Гнезда известняка наблюдаются в сырцовой кладке на протяжении 6,30 м, достигая в высоту 1,10 м. Начинаются известняковые гнезда на высоте 2,10 м и исчезают на высоте 3,20 м.

По вертикали разрез стены (сырцово-известкового слоя) представляется в таком виде: от места стыка стены с подпоркой на протяжении 0,50 м тянется сырцовая кладка, ее продолжает, как отмечено выше, на протяжении 6,30 м сырцовая кладка с густо расположенными гнездами камня-известняка, затем до самого конца стены (на 7,20 м) тянется кладка из одного кирпича-сырца, где изредка попадаются единичные камни.

Таким образом, слоистость стены наблюдается не только по горизонтали, но и по вертикали.

¹ В раскопках принимали участие: А. Л. Есиенко (директор музея), М. С. Синицын (зав. отделом), В. И. Таганова (научный работник) и студенты Одесского Гос. педагогического ин-та.

Специалисты-инженеры утверждают, что такая многослойность и сочетание нескольких видов строительных материалов придавали стене особую прочность. Это, надо полагать, специальный прием в создании укреплений долговременного действия, но, возможно, однако, что это явилось и причиной разрушения. На такое предположение наводит факт находки отдельных камней в северной части разреза стены и во рву.

Толщина крепостной стены — 14 м. Такая большая толщина, вероятно всего, также диктовалась необходимостью придать стене большую мощь и создать удобства для передвижения по стене. Камня вблизи почти не было, и строителям приходилось применять в основном глину.

Кирпич-сырец от давности превратился в сплошную однообразную массу, но при раскопках были обнаружены и отдельные кирпичи, в изломе которых были видны следы соломы, примешивавшейся при производстве кирпича в глину.

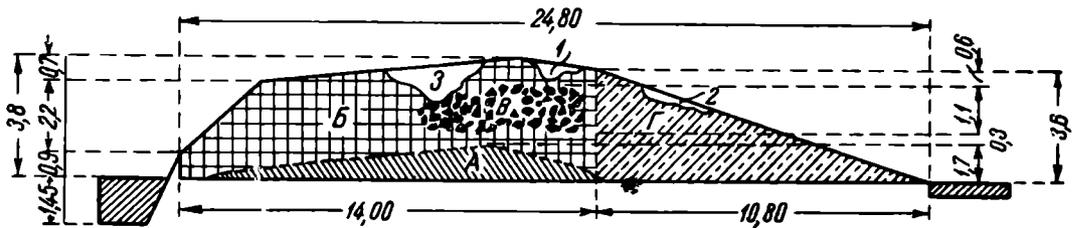

Рис. 8а. Разрез крепостной стены Петуховского городища

А — глиняная забивка; Б — кладка из кирпича-сырца; В — гнезда из камня-известняка; Г — подпорка из глины; 1, 2, 3 — выемки

В центре высота сохранившейся части стены достигает 3,8 м, на северной оконечности — 90 см, а в месте соединения стены и подпорки (контрфорса) — 3,6 м. Понижение стены в сторону рва связано, очевидно, с разрушением. Но, возможно, что такой спуск к глубокому рву исключал мертвое пространство под стеной.

При раскопках глиняной забивки стены на глубине 3,04 м было замечено пятно (диаметром 60 см), выделявшееся наличием большого количества перегоя; здесь же был обнаружен камень, который обращал на себя внимание цветом и внешностью. При извлечении камня было установлено его вторичное употребление. Он был обожженным. Употребление камней, уже побывавших в деле, дает основание утверждать, что в этом месте существовало поселение еще до сооружения крепостной стены.

В северной части стены проходит выемка-яма (рис. 8а — 3); ширина ее — 3 м, глубина — 1,1 м. Яма заполнена зольной массой, напоминающей порошок. В зольной массе встречались остатки керамики и костей животных. Возможно, зольная масса предназначалась на случай благоприятного ветра для создания пылевой завесы против неприятеля, штурмующего укрепление. «Пыль, поднимающаяся по линии фронта, засыпает глаза и заставляет их закрываться», — говорит римский военный историк Вегеций¹. Действительно, прикосновение к зольной массе при малейшем ветре вызывает сплошную тучу пыли, мелкие частицы которой засыпают глаза. Не исключается и то, что выемка могла служить окопом, куда прятались защитники города, находившиеся на стене, от стрел и копий противника.

От центра стены по направлению к подпорке (на юг) идет выемка недавнего происхождения; ее длина — 2 м, глубина — от 10 до 50 см.

¹ Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. ВДИ, 1940, № 1, стр. 269.

Ворота расположены в северо-восточной части крепостной стены и выходят в степь, откуда скорее всего мог появиться неприятель и откуда легче было загнать в крепость скот и принять под защиту окрестное население. При отступлении неприятеля жители городища могли быстро выслать своих воинов для преследования.

В Петуховской оборонительной системе ворота были наиболее уязвимым местом. Но создателями крепости этот момент был учтен. Оборона ворот получила усиление: стена с одной и другой стороны по направлению к воротам постепенно повышается и у ворот достигает самой высокой точки. Концы стены заходят один за другой, т. е. эта часть крепости была

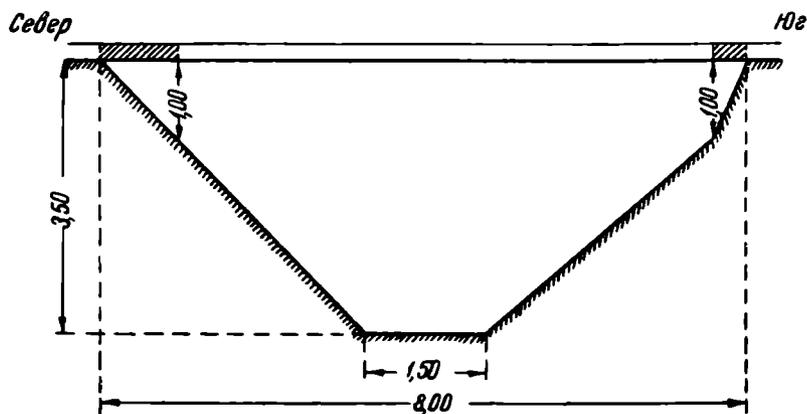

Рис. 86. Разрез крепостного рва Петуховского городища

усилена системой «замка». Это представляло большие преимущества для обороняющихся, так как в случае прорыва противника к самым воротам он попадал под удар не только сверху и с флангов, но и с тыла.

С северо-востока, со стороны хутора Петухово, к воротам ведет выемка. Надо полагать, что здесь в древности проходила главная дорога.

К крепостной стене примыкает сделанная из глины подпорка. Камень-известняк и кирпич-сырец в ней отсутствуют. Подпорка более позднего происхождения и, как видно, сооружалась в несколько приемов. Об этом говорит слоистость строительной массы, наличие разных оттенков в ней. Ширина подпорки — 10,5 м. На юг она сходит на-нет. В точке стыка подпорки со стеной высота первой равна 3,6 м.

Появление подпорки может иметь двойное объяснение. Во-первых, стену надо было укрепить. Во-вторых, эта подпорка могла служить вместо лестницы, облегчая доставку на стену орудий обороны и переброску резервов.

В северной части подпорки имеется выемка позднего происхождения (рис. 8а—2); ее ширина — 3 м, глубина — 70 см.

За крепостной стеной следует глубокий ров, выкопанный в материке (рис. 8б). Глубина рва по центральной линии достигает 3,5 м; его форма конусообразна. Конус как бы поставлен на свою вершину. Ширина рва наверху — 8 м, внизу — 1,5 м, вогнутая линия по дну и стенкам рва равна 11,5 м.

Строительство Петуховской оборонительной системы говорит о довольно развитом хозяйстве коренного населения, о его организованности, большом строительном таланте и обладании опытом создания мощных оборонительных сооружений. Строительство такой крепости, безусловно, требовало огромного напряжения и больших материальных затрат.

Самобытный прогресс строительного искусства у коренного населения Северного Причерноморья при постройке как оборонительных сооружений, так и жилых и общественных зданий не подлежит сомнению и доказан рядом проведенных полевых научных исследований, в том числе и при раскопках на Петуховском городище.

Греки, как известно, строили здания и крепостные стены из тщательно отесанного камня, применяли сухую кладку, а не на глиняном растворе, и не применяли кладки из неотесанного камня с кирпичом-сырцом и глиной. Это можно наблюдать и в Ольвии.

Петуховская оборонительная стена отличается от стен, построенных по греческому образцу в Ольвии, также и своей толщиной, которая достигала, как было указано выше, 14 м. Интересно, что это отличие техники местного строительства оборонительных стен от строительных приемов, применявшихся при постройке стен Ольвии, было отмечено П. Н. Шульцем при раскопках Неаполя Скифского в Крыму. П. Н. Шульц пишет, что городская стена Неаполя Скифского «резко отличается от стен Ольвии и Херсонеса, она значительно толще стен названных городов и на исследованном участке достигает 8,4 м ширины». Стена сложена «не из квадров, а из рваного камня, и не насухо, а на глиняном растворе». Построение стены Неаполя Скифского П. Н. Шульц относит к III в. до н. э.¹

Строительство укрепленных пунктов у римлян, побывавших в I—III вв. н. э. в Северном Причерноморье, также совершенно отлично от того, что мы имеем в Петуховской оборонительной системе. Римляне выкладывали двойные крепостные стены из камней, часто из целых плит довольно большого размера². Это можно видеть в Ольвии, где римляне в свое время сложили такую стену. Пространство между наружной и внутренней частями забивалось землей. Подъем на стену совершался при помощи ступеней — террас, а не по подпорке, как это мы видим в Петуховской оборонительной системе. Правда, древние римляне знали контрфорс, но он употреблялся ими почти исключительно для подпирания каменной одежды платформ, устроенных на склоне возвышенностей. На Петуховском городище не было обнаружено материалов, которые давали бы право связывать возникновение и существование Петуховского поселения и его оборонительных сооружений с пребыванием здесь греков или римлян.

В описываемый период (последние века до н. э. и первые века н. э.) коренное население Северного Причерноморья переживало беспокойное время, подвергаясь набегам со стороны других народов, племена часто враждовали между собой.

Для более полного представления об оборонительной системе Петуховского городища кратко остановимся на раскопках 1949 г., проведенных в разных частях городища внутри крепостной стены и по соседству с ним (раскопки Т. И. Фармаковской).

Были раскопаны большие ямы грушеобразной формы, шириной и глубиной более 3 м. Их обожженные стены, прочность, искусность сооружения и следы на дне долго действовавших костров — неопровержимое свидетельство их жилого назначения в древности. Культурные остатки, извлеченные при расчистке, определяют время использования ям в качестве жилья IV—III вв. до н. э. Об этом свидетельствуют также раскопки, проведенные возле с. Варваровки Николаевской области М. С. Сеницыным в 1938 г. и П. Н. Шульцем в 1939 г.³

¹ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 19.

² Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела. ВДИ, 1940, № 1, стр. 280.

³ П. Н. Шульц. Ямы-жилища в Скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 71—75.

На смену жилой яме приходят наземные постройки из камня и кирпича-сырца. Кладка стен этих зданий отличается также аккуратностью и прочностью. Стороны стен складываются обыкновенно из больших неотесанных камней, середина стены заполняется мелкими камнями. За нижней каменной кладкой — фундаментом следует кладка стены из кирпича-сырца. Планировка зданий выдержана в определенном стиле. Встречаются здания большого размера из нескольких комнат, что может говорить об их общественном назначении и социальной структуре общества. В таком здании могла размещаться большая семья. При раскопках внутри зданий обнаружены очаги, которые могли служить и для обогрева и для приготовления пищи. Рядом или в самом здании были зерновые и хозяйственные ямы.

Большое количество зерновых и хозяйственных ям — неоспоримое свидетельство того, что в Северном Причерноморье было широко развито земледелие и особенно зерновое хозяйство. Обнаружение в 1940 г. на Петуховском городище железного лемеха от плуга, а в 1949 г. — остатков железоделательного производства, подтверждают сказанное выше. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» указывает на то, что в степях к северу от Черного моря население занималось луговодством, скотоводством и культивировало зерновые хлеба. Зерно добывалось для скота, но скоро оно стало пищей и для человека.

Постройки из камня и кирпича-сырца, существование мощной оборонительной системы и т. п. говорят о том, что здесь население на протяжении столетий вело оседлый образ жизни, а его хозяйство было довольно развито. Коренное население стояло на относительно высоком уровне культурного развития. Занятие населения Северного Причерноморья земледелием, скотоводством, рыболовством и железоделательным производством свидетельствует о сложности неуклонно развивающегося хозяйства и относительно высокой развитости края во II—I вв. до н. э. и в первые века н. э.

Наличие построек жилого и, надо полагать, общественного назначения позволяет думать, что Петуховское городище в то время было центром племени или союза племен.

Экспедиция, кроме участка, на котором мне пришлось вести работу, подвергла раскопкам четыре других участка Петуховского городища, где было обнаружено большое количество посуды, разнообразной по форме и размеру. Большие хорошо выполненные, с ногтевым или пальцевым орнаментом лепные сероглиняные сосуды могли служить для хранения зерна, вина, и других продуктов. Рядом, в верхнем слое, была обнаружена сероглиняная посуда, сделанная на гончарном круге, орнаментированная лощеными параллельными линиями. Сооружение крепостной стены и рва, судя по сделанным здесь археологическим находкам, строительным приемам и технике сооружения самой стены, может быть отнесено ко II—I вв. до н. э. Весь комплекс находок на Петуховском городище позволяет полагать, что укрепления совершенствовались и продолжали существовать в первые четыре века н. э.

Установленная нижняя хронологическая рамка может быть подтверждена обнаружением в срезе основания крепостной стены обломка горла тонкостенного сосуда, сделанного на гончарном круге и орнаментированного под венчиком тремя параллельными линиями. Сверху над первой линией имеется дырочка, служившая для скрепления. Сосуд покрыт коричневатой обмазкой — лаком. Употребление таких сосудов относится к I в. до н. э. Вторым фактом, подтверждающим сказанное выше, может служить обнаружение здесь же венчика краснолакового, тонкостенного, сделанного из хорошей глины сосуда, орнаментированного по краю венчика идущими

наискось параллельными линиями. Под самым венчиком проведена горизонтальная линия. Лак красный, высокого качества. Такая керамика может быть отнесена ко II в. до н. э.

Верхняя хронологическая рамка существования Петуховской оборонительной системы может быть установлена на основании следующих находок, добытых раскопками: венчик сероглиняного тонкостенного кувшина, сделанного на гончарном круге, с поверхностью, покрытой темным ангобом с явными следами лощения. Под венчиком — ряд параллельных углублений, идущих по горизонтали, а также три волнистые линии, выполненные продольным лощением посредством палочки. Еще ниже — параллельные бороздки по горизонтали. Такая посуда обычно относится к III—IV вв. н. э. Эту же верхнюю дату дают обломки тонкостенной посуды, сделанной на гончарном круге с горизонтальным желобком.

Находка в 1949 г. на центральном участке в кладке стены монеты эпохи Северов (первая половина III в. н. э.) и в 1940 г. монеты Марка Аврелия (II в. н. э.), конечно, ничего нового не вносит в датировку, однако подтверждает наше предположение о времени существования Петуховского укрепления.

Привозная из Греции или Рима посуда на всех участках попадалась очень редко. Ее появление, как видно, строго регламентировалось хозяйственными потребностями коренных жителей, она могла быть результатом как обмена, так и нападения на торговые караваны и на фактории торговых посредников, что тогда часто имело место. Посетивший эти места Дион Хрисостом в своей «Борисфенитской речи», произнесенной около 100 г. н. э., упоминает о таких нападениях на Ольвию: ¹ «Город Борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие войн и разорений; находясь уже так давно среди варваров и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами» ².

Петуховское городище — одна из древнейших крепостей в нашем крае и ценнейший памятник, свидетельствующий о высокой культуре местных племен Северного Причерноморья и их разнообразной деятельности.

¹ Дион Хрисостом. Борисфенитская речь; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, стр. 176.

² Там же, стр. 172.

А. П. ИВАНОВА

КЕРЧЕНСКАЯ СТЕЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА И СИДЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

В числе хранящихся в Керченском музее неопубликованных боспорских стел первых веков нашей эры обращает на себя внимание один интересный фрагмент неизвестного происхождения.

Это фрагмент двухъярусной стелы размером $0,84 \times 0,55 \times 0,17$ м (рис. 9).

Рельеф верхнего яруса сохранился почти полностью, рельеф нижнего яруса утрачен больше чем наполовину. Полностью утрачены надпись и венчающая декоративная часть.

Рельеф верхнего яруса воспроизводит довольно широко распространенную на боспорских стелах композицию: в левом углу — женщина, сидящая в кресле в традиционной «траурной позе» (левая рука поднесена к лицу). Она одета в хитон и плащ, край которого накинут на голову. Торс и голова повернуты в три четверти оборота к зрителю, ноги, покоящиеся на низкой скамеечке, — в профиль. Правая рука лежит на коленях и держит неясный предмет. Тщательно передана ножка кресла токарной работы. Верхняя часть головы женщины утрачена. В левом углу у кресла — маленькая фигурка служанки с сосудом в руках. В правой половине рельефа изображен всадник в традиционном боспорском костюме с горитом на левом боку, на спокойно стоящей лошади, в профиль; он обращен к женщине, голова лошади касается колен женщины; торс всадника изображен в таком же развороте в три четверти оборота к зрителю, как и торс сидящей женщины. Голова всадника утрачена, но фигура его сохранилась, за исключением ступни правой ноги. Полностью сохранилась фигура лошади. Правее и несколько выше первого всадника видна передняя часть лошади и фигура второго всадника, изображенного в несколько меньшем масштабе.

Несмотря на утрату значительной части нижнего рельефа, об общей его композиции можно составить себе вполне отчетливое представление: центр композиции занимает сидящая в фас в кресле женщина, одетая, как и женщина верхнего рельефа, в хитон и плащ, накинутый на голову. Над креслом виден занавес. Лицо женщины сбито. Руки ее прижаты к груди, правая придерживает край плаща, левая держит какой-то неясный, сильно поврежденный предмет. Справа сохранилась верхняя часть головы служанки. Вторую подобную фигуру служанки, симметричную первой, можно предположить слева.

Обе композиции — как верхнего, так и нижнего рельефа — находят многочисленные параллели среди боспорских стел и не представляют чего-либо оригинального.

Начнем с рельефа нижнего яруса.

Рис. 9. Керченская стела

Изображение сидящей в кресле женщины занимает чрезвычайно значительное место на боспорских стелах. Характерным примером может служить, например, стела Феофилы, жены Мокка, хранящаяся в Керченском музее¹, где изображена сидящая в кресле женщина в три четверти оборо-

¹ К.-W., № 249, табл. XVII; JosPE, IV, 375, стр. 210—211; В. В. Шкорпил. Надгробные надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1899 г., отд. оттиск, стр. 4. «Нимфея и первый список нимфейских граждан», ЗООИД, XX, стр. 16.

та, к которой подходит служанка с ларцом в руках. Иногда, как, например, на стеле Хрестиона из рода Стратоников¹, к сидящей женщине подходит мужчина, который пожимает ей руку. И та и другая композиции неоднократно встречаются на аттических надгробных стелах V—IV вв. до н. э.² Встречаются подобные композиции также и в малоазийских надгробных рельефах.

В стеле Феофилы, относящейся к началу I в. н. э., сохраняется в значительной степени характерная для аттических надгробных стел пластическая трактовка фигуры сидящей женщины, ощущение трехмерности, которое передается поворотом ее торса в три четверти. Только в трактовке складок ее одежды, главным образом нижней части подола хитона, проявляется условный, графический стиль боспорского рельефа.

Довольно широко распространена на боспорских стелах и та композиция, которую мы видим в рельефе нижнего яруса нашей стелы.

В качестве примеров можно привести стелу Теоники и ее дочери Геликонии³, надгробие Птоллы, его жены Евкратии и их сыновей⁴, надгробие Феофилы, жены Александра⁵, стелу Метрофилы, жены Эванта⁶.

Подобная же сидящая в фас женская фигура встречается и на малоазийских стелах — характерным примером может служить надгробный рельеф из Смирны с изображением загробной трапезы⁷.

Группа боспорских стел с изображением сидящей в фас женской фигуры отличается строгой иератической торжественностью стиля и композиции, которая обусловлена центральным положением главной сидящей женской фигуры и симметричным размещением по обе стороны от нее маленьких фигурок слуг.

С большой яркостью выражены эти особенности композиции на упомянутой выше стеле Феофилы, жены Александра, которую ее издатель Ю. Ю. Марти датирует серединой I в. н. э.⁸ При этом самая трактовка фигуры носит довольно свободный и пластический характер: складки одежды переданы рельефно, фигура посажена не вполне фронтально, что сказывается в свободной постановке ног. В этом отношении стела Феофилы находит ближайшие аналогии в малоазийском надгробном рельефе⁹.

Близка по стилю к стеле Феофилы упоминавшаяся выше стела Теоники, жены Хриса, и ее дочери Геликонии.

Известное отступление от фронтальности в постановке ног сидящей женской фигуры наблюдается также на стеле Птоллы и его жены Евкратии. Трактовка складок ее одежды носит также пластический характер, хотя в рисунке их на подоле хитона заметна известная тяга к орнаментальности.

Наряду с этим можно отметить ряд боспорских стел с той же композицией, где наблюдается строгая фронтальность как центральной, так и боковых фигур, плоскостность и чисто графическая, переходящая в орнаментальность трактовка деталей. Таков, например, рельеф нижнего яруса

¹ ЗСОИД, XVIII, стр. 182; JosPE, IV, 356; K-W., № 226, табл. XV.

² См. A. Conze. Attische Grabreliefs, выпуск I, 161, табл. II, 411, табл. XCVII, 384, табл. XCV, 453, табл. CVII, 429, табл. CI.

³ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем, IX.

⁴ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, № 2, стр. 92.

⁵ ИГАИМК, вып. 104, стр. 81 сл., рис. IX, XII.

⁶ K-W., № 215, табл. 10.

⁷ E. Pfuhl. Spätionische Plastik, J. d. I. L. 1935, стр. 13, рис. 2.

⁸ ИГАИМК, вып. 104, стр. 81.

⁹ См., например, E. Pfuhl. Das Beiwerk auf den Ostgriechischen Grabreliefs, J. d. J. XX, 1905, стр. 67, рис. 39.

стелы центуриона Дадза и его жены Елены начала II в. н. э.¹, а также относящаяся еще к I в. н. э. стела Психе, жены Гастея², и стела Метрофилы, жены Эванта³.

Эти черты условности еще более подчеркивают иератическую торжественность стиля указанных стел.

По характеру трактовки деталей к этой группе примыкает и наша стела.

Следует отметить близость боспорских стел с изображением сидящей в фас женщины к посвященным рельефам Кибелы, которая, как правило, также изображается фронтально сидящей в кресле, причем по сторонам от нее симметрично стоят Гермес и Геката⁴. С этой группой памятников можно также сопоставить найденный В. В. Шкорпиллом в 1911 г. на Предтеченской площади в Керчи своеобразный рельеф, который он толкует, как изображение Сабазия⁵. По сторонам от центральной фигуры божества изображены также две симметрично стоящие фигуры (по толкованию В. В. Шкорпила — те же Гермес и Геката), причем они изображены в значительно меньшем масштабе по сравнению с главной фигурой, что делает композицию рельефа особенно близкой к боспорским стелам.

Это сходство композиции боспорских стел с изображением сидящей в фас женской фигуры с рельефами культового характера заставляет вспомнить то обстоятельство, что уже начиная с IV в. до н. э. для местного боспорского искусства стало традиционным изображение верховной скифской богини, торжественно восседающей в фас в высоком кресле, как об этом свидетельствует рельеф нижнего яруса треугольной золотой пластины из Карагодеуашхского кургана⁶ и серебряного ритона из дер. Мерджаны⁷. Строго симметричная центральная композиция рельефа Карагодеуашхской пластины ближайшим образом напоминает разобранную выше группу боспорских стел.

Композицию рельефа второго яруса нашей стелы — изображение всадника на спокойно стоящей лошади перед сидящей в кресле женщиной — можно также считать в достаточной степени типичной для боспорских стел, на которых она неоднократно встречается.

На стеле Птолемаис, дочери Гераклида, изображена сидящая в фас женщина, перед ней фигура всадника на постаменте, под ногами его лошади — собака⁸. На стеле Каллистратии, жены Паппаса⁹, также изображена сидящая в фас женщина, рядом с ней фигура всадника в уменьшенном, по сравнению с женщиной, масштабе.

Но сидящая в фас женская фигура на стелах с этой композицией является, скорее, исключением, чем правилом. Значительно чаще она изображается сидящей в профиль или в три четверти оборота, подобно тому как мы это видим в рельефе верхнего яруса нашей стелы¹⁰. Характерным при-

¹ К.-В., № 208, табл. XV.

² К.-В., № 210, табл. XIV.

³ К.-В., № 215, табл. XV.

⁴ Характерным примером могут служить два рельефа, хранящиеся в Керченском музее: один, найденный в 1902 г. на г. Митридат, другой — повидимому, его копия, найденный в 1929 г. в районе некрополя Нимфея. ИГАИМК, вып. 104, стр. 64 сл., рис. 4.

⁵ ИАК, вып. 56, стр. 16 сл., рис. 6.

⁶ МАР, вып. 13, табл. III, ИАК, 49, табл. II.

⁷ ИАК, вып. 49, табл. X. Торжественно сидящей на троне изображалась обычно, боспорская Афродита Урания. См. Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, вып. XIII, стр. 139 сл.

⁸ К.-В., № 661, табл. XLVII.

⁹ К.-В., № 671, табл. XLVIII.

¹⁰ См., например. К.-В., табл. XLVI, №№ 655, 657, 664, табл. XLVII, №№ 669, 670, табл. LI, № 703.

мером может служить рельеф оборотной стороны плиты с надписью главного аланского переводчика¹.

Можно отметить, наконец, аналогичную композицию в боспорской живописи: в росписи склепа Анфестерия мы также видим всадника перед сидящей в кресле женщиной². Сидящая женская фигура изображена в данном случае не в три четверти оборота, а в фас, как на стелах Птолемаис, дочери Гераклида, и Каллистратии, жены Паппаса. В отличие от боспорских стел, на которых, как правило, не передается место действия, изображение всадника и сидящей женщины в росписи склепа Анфестерия перенесено в реальную бытовую обстановку кочевой степи и дано на фоне кочевнической юрты. Эта деталь придает изображению характер типичного для боспорской живописи этнографического реализма.

Но несмотря на эти черты бытового и этнографического реализма, характерные для росписи склепа Анфестерия, самому изображению торжественно восседающей в кресле женщины рядом с кочевнической юртой и всадником, несомненно, присущ элемент условности.

Еще более условный характер носит изображение всадника перед такой же восседающей в кресле женщиной на боспорских стелах, где фигуры не разбросаны свободно на широкой плоскости стены, как это имеет место в росписи склепа Анфестерия, а тесно сдвинуты в чрезвычайно ограниченном пространстве, причем создается впечатление, что всадник подъезжает вплотную к сидящей женщине, так что голова его коня касается колен женщины. Этот условный характер изображения с большой яркостью чувствуется в рельефе верхнего яруса нашей стелы.

Невозможно понимать подобную композицию как бытовую сцену. В связи с этим следует поставить вопрос о том, кого изображают фигуры женщины и всадника, — следует ли видеть в них изображения самих умерших, или их нужно истолковывать иным образом.

На нашей стеле не сохранилось никаких надписей, поэтому она не дает нам материала для решения этого вопроса.

Если же обратиться к другим стелам с изображением всадника перед сидящей женщиной, то оказывается, что только на незначительном числе их надписи называют два имени — мужское и женское — и дают, таким образом, основание понимать обе фигуры как изображения умерших³.

На некоторых из упомянутых стел надписи называют только женское имя, как например, на стеле Птолемаис, дочери Гераклида, или стеле Каллистратии, жены Паппаса. Очевидно, женская фигура на этих стелах изображает умершую. В фигуре всадника в этом случае можно видеть изображение кого-то из ее родственников — живых или ранее умерших. Первое толкование естественно напрашивается для стелы Каллистратии, жены Паппаса, где женская фигура изображена в более крупном масштабе, чем всадник, что должно передать отношение живого к героизированному, обожествленному умершему. Понимание фигуры всадника как изображения кого-то из ранее умерших родственников женщины более соответствует характеру изображения на стеле Птолемаис, дочери Гераклида, где фигура

¹ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, стр. III, № 26. Следует отметить новую находку стелы с подобным же рельефом при раскопках Тиритаки в 1947 г. (см. об этом В. Ф. Гайдукевич. Археологические исследования в Восточном Крыму (Боспорская экспедиция 1947 г.). Вестник Ленингр. ун-та. № 12, Л., 1947, стр. 138. Ю. Ю. Марти. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей. ВДИ, № 4, 1950 г., стр. 69, рис. I. В качестве наиболее близкой аналогии вне Боспора можно указать на фасосскую стелу Ауфония и Ауфонии. см. Henri Sejrüg. Quatre cuetes de Thasos. BCH, 1927, I—IV, стр. 202 и см. табл. X.

² АДЖ, табл. LI, 6.

³ Например, стела Феагена и его жены Кулии, K-W., № 669, табл. XLVII.

всадника изображена на постаменте — может быть, в данном случае, имелось в виду изображение надгробной статуи¹.

На многих стелах интересующей нас группы надписи называют одно только мужское имя. Таковы стелы Фарнака, сына Мастуна², стела Аполлония, сына Далазия³, стела Омсалака, сына Садауха⁴ или стела Аполлония, сына Погасия⁵. Во всех случаях можно не сомневаться, что фигура всадника является изображением героизированного умершего. Кого же изображает сидящая женщина?

Всадник занимает по отношению к ней подчиненное положение, хотя это выражено не так ярко, как в стеле Птолемаис, дочери Гераклида, и в стеле Каллистратии, жены Паппаса.

Если вспомнить сказанное выше, в связи с анализом рельефа нижнего яруса, о традиции боспорского искусства изображать верховную богиню сидящей в кресле, то напрашивается вопрос — не следует ли видеть в разобранный группе боспорских стел сцену адорации верховной богини героизированным умершим. Сцену адорации сидящей богини всадником передает рельеф серебряного ритона из дер. Мерджаны⁶.

В связи с этим интересно остановиться на одной иконографической детали нашей стелы. Как было отмечено выше при описании стелы, сидящая женщина в рельефах как верхнего, так и нижнего ярусов держит в руках круглый предмет, значение которого остается не вполне ясным вследствие его плохой сохранности. На боспорских стелах неоднократно можно встретить изображения подобного предмета в руках сидящей женщины. В качестве примеров можно привести стелу Хрисии, дочери Димитрия⁷, где этот атрибут хорошо сохранился, или упоминавшуюся выше стелу Птоллы и его жены Евкратии, или стелу Метрофилы. В. В. Латышев, издавший стелу Хрисии, дочери Димитрия, видит в этом атрибуте гранат. Значение граната как хтонического символа в античном искусстве достаточно хорошо известно. Можно привести много примеров изображения его на надгробных памятниках в качестве атрибута героизированных умерших. Напомним, в частности, серию архаических спартанских надгробных рельефов⁸.

Но то сопоставление изображений женщины на боспорских стелах с изображениями верховной скифской богини на Карагодеуашхской золотой пластине и серебряном ритоне из дер. Мерджаны, к которому нам неоднократно приходилось возвращаться, подсказывает и второе возможное истолкование интересующего нас атрибута: встает вопрос о том, не следует ли понимать круглый предмет в руках женщины на боспорских стелах как шарообразный сосуд типа Кульобской или Воронежской вазы,

¹ Фигуры, стоящие на постаменте, мы неоднократно встречаем на боспорских стелах, в большинстве случаев это детские фигуры. Так, например, на стеле Хрисии, жены Артемона, и Стратоника, сына Аполлония (К.-В., № 257, табл. XVII) изображена фигура мальчика на высоком пьедестале. Кизерицкий и Ватцингер (указ. соч., стр. 45) понимают эту фигуру, как статую ранее умершего сына Хрисии. Такие же фигуры см. К.-В., табл. XIV, № 214, табл. XVII, № 243, 251, 269, табл. XIX, № 271, 283, табл. XXX, № 426, табл. XXXV, № 502, табл. XLIII, № 624.

² К.-В., № 655, табл. XLVII.

³ К.-В., № 657, табл. XLVI.

⁴ К.-В., № 664, табл. XLVI.

⁵ К.-В., № 666, табл. XLVII.

⁶ ИАК, вып. 49, табл. X.

⁷ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России 1901—1903 гг. ИАК, вып. 10, стр. 80 сл., № 92; К.-В., № 318, табл. XXII.

⁸ Например, A. Furtwängler. Sammlung Sabouroff, табл. I. См. также A. Catalogue of the Sparta Museum by M. N. Tod and J. B. Wace, стр. 102, рис. 1, стр. 103, рис. 2

который играл, как известно, большую роль в культе верховной богини скифов. Именно такой сосуд держит в руках богиня на ритоне из дер. Мерджаны.

Атрибут на стеле Птоллы и его жены Евкратии чрезвычайно близок по форме к сосуду в руках у богини на ритоне из дер. Мерджаны. На стеле Хрисии он имеет несколько иную форму, и самый жест Хрисии, которая чрезвычайно легко придерживает свой атрибут двумя пальцами, говорит в пользу понимания его как граната: сосуд, наполненный жидкостью, держать таким образом невозможно. Иначе держит свой атрибут женщина на стеле Птоллы: положение ее руки очень напоминает положение руки богини на ритоне из дер. Мерджаны.

Повреждение рук и атрибутов на обоих рельефах нашей стелы затрудняет толкование. Ясно только, что левая рука женщины в нижнем рельефе повернута ладонью вверх. Не исключена возможность, что она придерживала свой атрибут двумя пальцами наподобие Хрисии. Что касается женщины верхнего рельефа, то она держит свой атрибут плотно, охватывая его ладонью и всеми пальцами руки. Это обстоятельство дает возможность понимания ее атрибута как сосуда.

Наконец, интересно отметить еще одну деталь. Несмотря на повреждение головы сидящей женщины верхнего рельефа, лицо ее хорошо сохранилось, что сравнительно редко наблюдается на боспорских стелах. Лицо довольно круглое и широкое, с массивными щеками и подбородком, несколько выпуклым лбом и круглыми, также слегка выпуклыми глазами. Все эти черты далеки от античного идеального типа. Можно было бы предположить, что это индивидуальный портрет умершей. Но против этого говорит одно обстоятельство: обращает на себя внимание близкое сходство лица женщины нашей стелы с лицом богини на ритоне из дер. Мерджаны, в характеристике которой ясно сказываются черты местного этнического типа.

Мы не считаем возможным настаивать категорически на толковании женской фигуры верхнего рельефа как богини. Утрата надписи на стеле служит серьезным препятствием для точного истолкования изображенных фигур. Но все приведенные выше наблюдения говорят о близости ее к образу местной богини. Это сходство не противоречит и толкованию женской фигуры, как изображения героизированной умершей, облику которой могли придаваться черты и атрибуты, свойственные изображению божества.

Несомненна также близость композиции верхнего рельефа нашей стелы к сцене адорации верховной богини всадником на ритоне из дер. Мерджаны.

В. А. Городцов в своем исследовании, посвященном генезису некоторых популярных мотивов русского народного искусства, пришел к выводу об исключительно большой роли, которую играет в русской вышивке образ верховной языческой богини, причем он ставит эти мотивы русской вышивки в непосредственную связь с композициями Карагодеуашхской золотой пластины и ритона из дер. Мерджаны¹. В частности, широко распространена в русской вышивке и сцена адорации верховной богини всадником².

¹ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. 1, разд. археол., М., 1926, стр. 7 сл.; Б. А. Рыбаков в своей статье «Древние элементы в русском народном творчестве» (женское божество и всадники), «Сов. этнография», 1948, № 1, стр. 90 сл., продолжил исследования В. А. Городцова, поставив основной вопрос о том, какими путями, при помощи каких посредствующих звеньев проникла в русское народное искусство композиция, созданная на Боспоре в IV в. до н. э. Б. А. Рыбаков привлек обширный материал, проливающий свет на этот вопрос.

² В. А. Городцов. Указ. соч., рис. 3, 4, 5, 6, 12.

В. А. Городцов обратил внимание на то, что богиня изображается в русской вышивке всегда стоящей, «может быть, потому, что трудно выразить примитивным шитьем другое положение, например, сидящую на скамье, кресле и т. п.»¹.

В этой связи боспорские стелы с изображением всадника перед сидящей женщиной приобретают особый интерес как промежуточное звено между памятниками местного искусства IV в. до н. э., воспроизводящими образ верховной скифской богини, и русским народным искусством.

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 10.

Г. Г. ВИНИЦКАЯ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ТЕРРАКОТ
В ОЛЬВИИ

Большой интерес, проявляемый в последнее время к изучению местной культуры городов Северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи, поставил вопрос об исследовании терракот Ольвии как большой группы памятников местного производства.

Особенно важным и интересным явилось исследование характера производства и способов изготовления ольвийских терракот, что дало ряд новых данных не только по технике, но и по истории культуры общества изучаемого периода.

Работ по вопросу технологии производства терракот Северного Причерноморья до сих пор еще нет. Поэтому нам пришлось основываться на непосредственном изучении вещественного материала, анализах химиков-технологов и сопоставлениях терракот с аналогичными памятниками.

Исследование ольвийских терракот было начато нами с выяснения химического состава их глин.

На анализы были взяты образцы пяти терракот (№ 470/46, 613/39, 652/46, 3126/47, 4433/46)¹ из числа наиболее характерных по внешнему виду групп терракотовых находок Ольвии.

Химические анализы показали следующий состав глин этих терракот (в процентах).

Т а б л и ц а 1

№ образца	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	MnO	CaO	MgO	п/п	Сумма
470	56,50	15,34	7,49	0,45	0,12	9,39	4,25	3,00	96,54
613	54,10	10,54	7,01	0,45	0,14	11,09	3,95	10,20	97,48
652	68,63	13,41	7,81	0,50	0,75	1,68	2,17	2,00	96,95
3126	35,80	7,21	7,49	0,30	0,09	19,80	5,65	21,40	97,74
4433	60,70	17,64	7,82	0,70	0,09	1,32	5,00	3,40	96,67

Из данных этих анализов² следует, что для образцов № 652 и 4433 глины брались серо-зеленые пластичные³, бескарбонатные⁴, с большим

¹ Терракоты хранятся в Институте археологии АН УССР.

² Анализы сделаны под руководством О. А. Кульской.

³ Пластичность глин зависит от количества в ней Al₂O₃ (глинозема).

⁴ Бескарбонатными называются глины, содержащие небольшие количества СаО.

содержанием железа, а для образцов № 470 и 613 — серо-зеленые пластичные, но карбонатные, также с большим количеством железа. Эти глины имеются в Ольвии, и для иллюстрации можно обратиться к следующей таблице анализов ольвийских глин, взятых в геологическом разрезе (из наиболее подходящих ярусов). Анализ глин производился после прокаливания (обжига) ¹.

Т а б л и ц а 2

Компоненты	№ яруса		
	5	8	9
SiO ₂	65,72	64,02	61,80
Al ₂ O ₃	16,02	19,29	25,56
Fe ₂ O ₃	4,80	7,16	5,96
CaO	8,83	4,22	0,64
MgO	2,52	2,01	3,40
Na ₂ O ₃ }	0,88	2,00	1,10
K ₂ O }			

Сравнивая данные табл. 1 и 2 (выводя среднее из расчета на SiO₂, Al₂O₃ и CaO) ², мы видим, что сырьем для исследуемых образцов терракот № 470/46, 613/39, 652/46, 4433/46 служили местные серо-зеленые карбонатные и бескарбонатные пластичные глины.

Большие количества окиси кальция (CaO) у образцов терракот № 470/46 и 613/39 можно объяснить специфическими условиями (влага, почва и др.), в которых, очевидно, находились эти терракоты длительное время. При таких условиях глина терракот, терявшая при обжиге (при температуре до 1000°) углекислоту, могла снова пропитаться ею, в результате чего происходило обратное явление — частичное разложение силикатного ядра и образование вновь кальцита.

В отношении же образца терракоты № 3126/47 нужно сказать, что по своему химическому составу он не подходит к составу ольвийских глин (SiO₂—35,80, Al₂O₃—7,21, CaO—19,80). Эта терракота изготовлена из малопластичной, сильно карбонатной глины с большим содержанием железа. Очевидно, данная терракота является привозной.

При сравнении выясненного нами химического состава ольвийских терракот с химическим составом местной ольвийской керамики ³, оказывается, что сырьем для изготовления в Ольвии керамики и терракот служили одинаковые глины, о которых уже была речь выше. Различный же цвет отдельных местных ольвийских изделий из глины зависел прежде всего от температуры обжига и тщательности приготовления глины. Так, в изломах терракот № 652/46 и 4433/46 ясно видна однородность глины, указывающая на ее хорошее отмучивание и приготовление, а терракоты № 470/46

¹ Таблица заимствована нами из работы О. А. Кульской «Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий», Ольвия, т. I, 1940, стр. 173.

² Для примера можно взять образцы терракот № 470/46, 652/46, 4433/46: среднее содержание SiO₂ в них 61,94 (56,50 + 68,63 + 60,70 = 185,83; 185,83 : 3 = 61,94). Приблизительно такое же содержание SiO₂ (61,80) в ольвийской глине яруса № 9 (см. табл. 2). Среднее содержание Al₂O₃—15,48, приблизительно такое же содержание Al₂O₃ (16,02) в ольвийской глине яруса № 5 (см. табл. 2). Среднее содержание CaO—4,13, приблизительно такое же содержание CaO (4,22) в ольвийской глине яруса № 8 (см. табл. 2). Из того, что содержания SiO₂, Al₂O₃ и CaO оказались соответствующими их содержанию в разных ярусах, следует вывод, что глины для терракот брались не из одного яруса, а из нескольких сразу и смешивались.

³ О. А. К у л ь с к а я. Указ. соч.

и 613/39 содержат вкрапления кварца и известковых кусочков, возможно ракушек, которые или специально добавлялись, или содержались в глине.

Глину для изготовления терракот готовили, повидимому, следующим образом: глину смешивали с водой и путем отмучивания очищали от примесей; полученную очищенную глину тщательно месили сначала ногами, а потом и руками, чем достигалась особая пластичность ее.

На описанный нами процесс приготовления глины указывает и ряд ученых, занимавшихся вопросами технологии древних периодов истории общества¹.

Для статуэток глиняная масса готовилась, безусловно, более тщательно, чем для керамики. Очевидно, существовало разделение труда гончара и коропласта. Для терракот требовалась более мягкая, эластичная однородная (без примесей) глина.

Из приготовленной глиняной массы терракоты делались либо от руки, либо в форме². От руки обычно делали небольшие и несложные предметы, как, например, примитивные человеческие статуэтки, фигурки животных или игрушки³.

Формы для изготовления глиняных изображений, сделанные по определенной модели, появились в начале I тысячелетия до н. э. Формовка терракот происходила так: вначале в форму клали тонкий слой глины, который плотно прижимали к ее стенкам, чтобы оттиск имеющихся в форме изображений получился полный и четкий; затем слой глины наращивался для того, чтобы изображение не вышло слишком тонким и хрупким.

Лепка от руки легко подтверждается сохранившимися отпечатками пальцев на внутренней стороне некоторых терракот, крупные извилины которых свидетельствуют, что мастером был, очевидно, мужчина, а не женщина⁴.

Формы были глиняные и, возможно, гипсовые (хотя последние не найдены в Ольвии, но изображения из гипса находят и в Ольвии, и в Пантикапее, и в ряде других мест Северного Причерноморья). Глина и гипс имеют способность впитывать влагу, отчего оттискиваемое изображение уменьшается в размере и легко выходит из формы.

Виды глиняных форм различны в зависимости от времени их создания, размера и назначения изображения.

Первоначально формы были несложны и состояли из одной половинки. Они служили для изготовления терракот-односторонок, которые более всего характерны для архаического периода⁵. В Ольвии имеется целый ряд таких терракот. В большинстве случаев они представляют собой протомы (передняя сторона головы или полуфигуры)⁶. Впоследствии к односторонкам начали доделывать обратную сторону в виде прямой гладкой спинки, затем стали оттискивать в форме и обратную сторону изображения, передавая очертания фигуры и иногда одежду. Формовка происходила в каждой половинке формы отдельно, причем форма не закладывалась глиной полностью, а лишь слоем по стенкам. Края этого слоя в обеих половинках

¹ М. И. Максимова. Сырьевая база. Сб. «Эллинистическая техника», М.-Л., 1948, стр. 42—43.

² Н. П. Кондаков. Греческие терракотовые статуэтки и их отношение к искусству, религии и быту. ЗООИД, № 11, стр. 83—84.

³ Примером лепных терракот из Ольвии являются терракоты № 6068/48, 6069/48 (хранятся в Институте археологии АН УССР), № 1866/29 (хранится в Одесском археол. музее).

⁴ Оттиск пальцев хорошо виден у ольвийской терракоты № 4433/46 (хранится в Институте археологии АН УССР).

⁵ Dargemberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines, т. II, ч. 2, P. Jamot, стр. 1132—1134.

⁶ Например, терракоты из Ольвии № 332/40, 54/38 (Институт археологии АН УССР), 13736 (ГЭ) и др.

формы процарапывались и мазались жидкой глиной для лучшего скрепления. После этого обе половинки формы соединялись и крепко сжимались. Через небольшой промежуток времени формы снимались, изображение в них получалось цельное и покое внутри. В Ольвии найден ряд таких терракот, сформованных в двух половинках формы¹.

В дальнейшем коропласты не могли уже удовлетвориться старым способом производства терракот в одной или в двух формах. Чтобы показать фигуру в движении, в различных позах и поворотах, потребовались уже другие формы, более сложные, состоящие из нескольких частей², причем этих частей иногда было очень много. Так, например, для изготовления фигурки крылатого Эрота, найденного в Мирине, потребовалось 14 матриц или форм³. При этом в отдельных формах изготавливали голову, руки, торс, ноги и затем, вынув их из формы, соединяли вместе. Соединение отдельных частей могло происходить и в большой форме, куда маленькие формочки вкладывались, наподобие того как это делалось в технике рельефных украшений мегарских чаш, где части рельефа укладывались в большую форму⁴. Для достижения наибольшего разнообразия видов изображений и при желании полнее выявить свое мастерство, коропласты часто прибегали к комбинированию отдельных частей форм. К фигуре, сделанной в одной форме, присоединяли голову, сформованную в другой форме. Также комбинировали и конечности. В результате получалось большое количество разнообразных изображений.

Техника изготовления терракот была особенно усовершенствована в эллинистический период. Вместе с облегчением работы, в связи с появлением форм из нескольких частей, перед коропластами встали и новые задачи — искусство художественного комбинирования отдельных частей изображения. В том, что ольвийские коропласты хорошо справились и с этими задачами, убеждает нас целый ряд высокохудожественных терракот, занимающих почетное место среди других памятников искусства античного периода. Они представляют изображения богов, людей и различных животных⁵.

Размеры терракотовых изображений почти не имеют резких колебаний. Так, большинство женских статуэток достигает в высоту от 15 до 20 см. Правда, есть и более мелкие — в 10 и даже 8 см, но чаще такие размеры связаны с изображениями юношей или детей⁶. Есть и более крупные терракоты — до 30 см в высоту, но это большей частью изображения культовые, как, например, фигуры Кибелы⁷. Высота терракот часто увеличивалась за счет подставок, которые имеются у большей части этих изображений. Формы подставок различны. Чаще всего они прямоугольные или квадратные, довольно высокие или плоские и составляют одно целое со статуэтками. Встречаются и круглые подставки в виде катушек. Такие подставки обычно делались отдельно, и на них ставились статуэтки. Терракот с квадратными и прямоугольными подставками в Ольвии найдено много, с катушкообразными же найдено только несколько.

¹ Например, терракоты № 2273/38, 613/39 (хранятся в Институте археологии АН УССР), № 33 (хранится в ГИМ).

² М. И. Максимова. Обработка изделий. Указ. сб., стр. 230—232; Р. J a m o t. Указ. словарь, стр. 1134.

³ E. Pottier et S. Reinach. La Nécropole de Myrina, стр. 251.

⁴ М. И. Максимова. Указ. соч., стр. 222.

⁵ Например, терракоты: Диониса (№ 1347/04, ГЭ), Деметры, Геракла (№ 802/47, 801/47, Институт археологии АН УССР), женские головки (№ 171/47, Институт археологии АН УССР), № 2532 (Николаевский истор. музей) и др.

⁶ Примером таких терракот из Ольвии может служить горельеф юноши 8 см и статуэтка девочки 10,5 см. в высоту (№ 1467/45, 2273/38, Институт археологии АН УССР).

⁷ Терракота № 3181/1910 (ГЭ).

Употребление форм, состоящих из нескольких частей и давших наиболее художественные образцы терракот, явилось самым высоким достижением техники глиняной пластики. Дальнейшее производство терракот, в конце эллинистического периода и в римский период, пошло не по линии большего развития форм, а по линии уменьшения их частей и упрощения самых форм. Вместо разнообразных видов изображений начали преобладать плоские изображения и рельефы¹. Значительная часть ольвийских терракот римского времени представляет собой рельефы². Новые формы в это время изготовлялись уже редко. Коропласты часто пользовались очень старыми формами, сработанными и дающими лишь суммарный оттиск. Не получившиеся в форме детали доделывали от руки, причем не всегда тщательно.

Говоря о видах форм и процессе формовки глиняных изображений, следует отметить, что этот важный процесс для коропластов не был единственной возможностью при создании художественных терракот, а зависел еще и от последующего процесса, заключающегося в дальнейшей обработке оттиснутого в форме изображения.

Независимо от того, в одной, в двух или большем количестве форм оттиснуто изображение, оно все равно требует тщательной обработки: отделки слабо отпечатанных черт, придания лицу соответствующего выражения, снятия неудачных линий и, наконец, заглаживания случайно образовавшихся углублений от неплотно положенной глины и уничтожения швов в местах соединения отдельных частей формы. Все это исполнялось коропластами специальными деревянными палочками, костяными или железными ножиками и просто пальцами. От этой окончательной обработки во многом зависело художественное качество изображений.

В Ольвии найдены следующие формы для терракот:

1. Ф о р м а № 2353/38 (рис. 10—1; 2)³. Глина желтая, с блестками, плотная, хорошо приготовленная. Сохранность формы хорошая. Высота ее — 10,5 см, ширина — 7 — 6,5 см (не везде одинаковая). Форма служила для изготовления рельефа. Она представляет собой овал, посередине которого в очерченном прямоугольнике находится вдавленное изображение. Оттиск, сделанный по этой форме, изображает обнаженного юношу-атлета. В правой, замахнувшейся руке он держит меч. На левой руке видны складки переброшенного через нее плаща. Ноги юноши широко расставлены. Во всей фигуре чувствуется напряжение, экспрессия. Юноша показан во время боя. Судя по характеру изображения и исполнению формы, ее следует отнести к позднеэллинистическому или раннеримскому времени. Глина формы свидетельствует о местном ольвийском происхождении ее. Интересно то, что в Ольвии был найден рельеф, соответствующий этой форме и, очевидно, в ней изготовленный⁴. Обратная сторона формы слегка выпуклая и заглаженная.

2. Ф о р м а № 2351/39 (рис. 10—3; 4)⁵. Глина желтая с блестками, плотная. Сохранность формы хорошая. Высота ее — 11 см, ширина — 7,2 см. Форма также служила для изготовления рельефа и напоминает по внешнему виду описанную выше. Она предназначалась для изготовления фигурок женщины в хитоне, играющей на кифаре. Внизу, около фигуры

¹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 83—84.

² Например, терракоты № 652/46 (Институт археологии АН УССР), 67 (ГИМ). 2912/1909, 1346 (ГЭ).

³ Найдена на раскопе НГФ, к западу от дома, открытого в 1911 г., хранится в Институте археологии АН УССР, см. рис. 1, 2.

⁴ Терракота № 67 (ГИМ).

⁵ Найдена на раскопе НГФ, к западу от дома, открытого в 1911 г., хранится в Киевском истор. музее.

женщины, находится канфар. Форма относится к позднеэллинистическому или раннеримскому времени. Характер глины свидетельствует, что форма местного производства.

3. Форма № 2352/38 (рис. 10—5, 6)¹. Глина желтая, плотная, с вкраплениями. Не сохранилась часть правой стороны формы. Высота ее — 9,5 см, ширина — 5,5 см. Форма служила для изготовления рельефа

Рис. 10. Формы для производства терракот из Ольвии

1 — форма № 2353/38; 2 — оттиск из нее; 3 — форма № 2351/38; 4 — оттиск из нее;
5 — форма № 2352/38; 6 — оттиск из нее

и представляет собой овал, в центре которого имеется вдавленное изображение. Оттиск из этой формы изображает женщину, поддерживающую с правой стороны какой-то предмет, возможно, фигурный сосуд. Голова женщины повернута влево. Нижняя часть фигуры не сохранилась. Форма аналогична описанной выше и по исполнению и по характеру глины. Она также относится к позднеэллинистическому или раннеримскому времени.

4. Форма № 737/1909². Глина оранжевая, с вкраплениями. Высота формы — 8 см, наибольшая ширина — 6,3 см. Толщина стенок формы очень большая — до 2 см. Форма служила для оттиска лицевой стороны головы сатира. Сатир показан старым, с морщинистым лицом, очень широким но-

¹ Найдена на расколе НГФ, к западу от дома, открытого в 1911 г., хранится в Институте археологии АН УССР.

² Хранится в ГЭ

сом и большим, открытым ртом. Изображение дополняют остроконечные уши. Обратная сторона формы выпуклая, небрежно заглаженная. Судя по исполнению и характеру изображения, форма относится к позднеэллинистическому периоду. Глина формы указывает, что форма местного производства.

Аналогичная форма для изготовления головы старого сатира была найдена в Нимфее в 1948 г.¹

5. Ф о р м а № 504². Глина темнооранжевая, в изломе — сероватая. От формы сохранилась только небольшая часть, представляющая правую сторону женского лица. Высота обломка формы — 7 см. Изображение было, очевидно, крупным. Четко моделированные пряди волос и рельефно переданные веки указывают, что изображение из такой формы могло быть высокохудожественным. По характеру глины данная форма местная. Предположительно ее можно отнести к эллинистическому времени.

6. Ф о р м а № 1378/1904³. Сохранность хорошая. Форма — круглая, диаметр ее 11,1 см. Глина серая, с вкраплениями. Форма служила для изготовления рельефа: в центре — аист с поднятой к кисти винограда головой, а по краям — орнамент в виде кружочков и точек. Кроме того, вокруг фигуры аиста показаны разбросанные по фону листья, плоды и цветы. Судя по характеру изображения и исполнению, данная форма относится к римскому периоду. Глина, из которой она изготовлена, указывает, что форма местного производства. Изображение из такой формы, очевидно, служило декоративным целям. В Пантикапее была найдена аналогичная форма для рельефа, изображающего бегущего оленя, а на фоне показаны другие предметы и дерево. По краям этой формы имеется подобный ольвийской форме орнамент⁴. Круглая форма для оттиска рельефного изображения лошади была найдена и в Олинфе⁵.

Известна еще одна форма из Ольвии для оттиска архитектурных деталей — рельефов в виде плиток, которые могли быть облицовочными. Форма сохранилась лишь частично. На ней изображена женщина в высоком калафе с цветком⁶.

Большое количество разнообразных форм для производства терракотовых изображений было найдено в Херсонесе, Пантикапее, Нимфее и других местах Северного Причерноморья, однако ольвийские формы отличаются от них и характером глины и своеобразием трактовки изображений, что дает возможность отличать их от других форм, которые привозились в Ольвию. Из числа привозных интересна найденная в Ольвии форма довольно раннего периода — первой половины V в. до н. э.⁷ Оттиск, сделанный по ней, представляет женское лицо, отличающееся строгими, как бы чеканными линиями. Издатели ее — Л. А. Моисеев, а затем В. Д. Блаватский⁸ — считают, что она была создана в Юнии, на Самосе, и служила для оттиска головы богини.

Заканчивая описание форм, найденных в Ольвии, следует отметить еще один факт: на некоторых ольвийских формах (например, № 2352/38 и 2353/38) с левой стороны от изображения находится какой-то вдавленный графический значок, но у каждой формы свой. Вряд ли это случайные

¹ Хранится в ГЭ.

² Хранится в Киевском истор. музее.

³ Хранится в ГЭ.

⁴ ОАК за 1898 г., стр. 15, рис. 11.

⁵ «Excavations at Olynthus», т. VII, Лондон, 1933, табл. 45, рис. 372.

⁶ Терракота № 1789/49, хранится в Институте археологии АН УССР.

⁷ Л. А. Моисеев. Типос из Ольвии. ИАК, вып. 40, стр. 121, рис. 1 (форма), стр. 123, рис. 6 и 8 (оттиск).

⁸ В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, стр. 56.

царапины, раз они располагаются всегда в определенном месте. Возможно, что это знаки мастеров изготовлявших эти формы¹. Обычай подписываться или оставлять условный знак на своем изделии был широко распространен среди мастеров керамических изделий и, хотя и в меньшей мере, среди коропластов². На некоторых терракотах встречаются подписи (имена), указывающие на принадлежность данных терракот определенному мастеру или хозяину. Так, на терракоте, найденной в Ольвии, имеется с обратной стороны подставки надпись ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ (Дионисия), сделанная по сырому изделию и являющаяся, очевидно, именем мастера³.

В зависимости от формы изображение получалось односторонним (про-томы), полным (вся фигура) или плоским (рельефы).

Особую группу терракот представляют изображения отдельных частей человеческой фигуры: головы, руки, стопы и т. д. Это вотивы, имеющие посвяtitельное или охраняющее назначение. Их носили как амулеты⁴.

После того, как изображение было отформовано и отделано во всех местах, его расписывали. О красках, употреблявшихся в античную эпоху, говорит Плиний Старший⁵. Современные ученые занимались этим вопросом очень мало. М. И. Максимова, которая больше других изучала технику античного мира, говорит только о тех красках, которые употреблялись для фресок⁶.

Для выяснения точного состава красок, употреблявшихся для росписи терракот из Ольвии, был произведен спектральный анализ красной⁷, розовой⁸ и зеленой⁹ красок, наиболее часто встречающихся на ольвийских терракотах.

Спектральный анализ показал следующие составы этих красок¹⁰: 1) розовая и красная краски представляют собой хорошо отмученную глину с большим содержанием железа и марганца (типа охристых глин), 2) зеленая краска — смесь глины с известняком, куда прибавлены медные соли (или медный купорос). Красителем является медь, дающая синезеленые тона, в состав же краски входят SiO_2 , MgO , CaO , Al_2O_3 и в небольших количествах Mn и Ti .

Таким образом, можно сделать вывод, что для ольвийских терракот употреблялись ангобные краски¹¹, которые кладутся обычно на сырое изделие и всегда закрепляются обжигом.

Благодаря такой технике покрытия краски на терракотах, хотя и фрагментарно, но все-таки дошли до наших дней, в то время как монументальная скульптура, пользующаяся другими красками и иными способами их нанесения, со временем совсем утратила их. Так как терракоты часто подражали произведениям монументальной скульптуры, то по сохранившейся росписи на терракотах¹² можно иногда судить и о росписи мрамор-

¹ А. Н. Деревицкий. Несколько греческих статуэток из собрания Одесского об-ва. ЗООИД, т. XVIII, стр. 223—224.

² Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 82—83.

³ Терракота № 22186, хранится в Одесском археол. музее.

⁴ Например, терракоты № 2109/38 (Киевский истор. музей), 4620/1908 (ГЭ).

⁵ Плиний Старший. *Naturalis historia*, кн. 35 (12—31), (39—41), кн. 33 (26—29), (36—40), (56—57), кн. 9 (60—65), кн. 22 (3); перевод к статье «К вопросам науки и техники в „Естественной истории“ Плиния Старшего», ВДИ, 1946, № 3, стр. 325—333.

⁶ М. И. Максимова. Ук. сб., стр. 48—51.

⁷ Краска снята с терракоты № 613/39 (Институт археологии АН УССР).

⁸ Краска снята с терракоты № 5139/46 (там же).

⁹ Краска снята с терракоты № 4725/47 (там же).

¹⁰ Спектральные анализы проведены О. А. Кульской.

¹¹ Ангобными называются краски, в составе которых имеется глина.

¹² Прекрасно сохранились краски на терракотах из Тамани, хранящихся в ГЭ (в экспозиции).

ных статуй. Поэтому вопрос о раскраске терракот приобретает еще большее значение и заслуживает специального исследования. Несмотря на то, что такое исследование и не является целью данной работы, все же следует, хотя бы бегло, остановиться на технике и некоторых приемах росписи ольвийских терракот.

Прежде всего бóльшая часть терракот покрывалась белой облицовкой, которая служила одновременно обозначением цвета тела или фоном для других красок, передающих одежду. Остатки такой облицовки имеются на ольвийских терракотах всех периодов. Спектральный анализ облицовки показал, что она содержит SiO_2 , Al_2O_3 , CaO , MgO и небольшие количества Fe , Mn , Na и Ti ¹. Из данных этого анализа можно сделать заключение, что эта облицовка приготавливалась из извести с небольшим добавлением глины, чтобы содержащееся в глине железо не могло дать окраски. Имеющаяся же на некоторых терракотах облицовка желтого тона свидетельствует о том, что, очевидно, была взята бóльшая пропорция глины и железо дало окраску облицовке.

По облицовке наносилась уже дальнейшая роспись. Следует отметить, что цвета росписи были традиционны в пределах каждого периода. Так, в архаике преобладали большей частью густые краски — красного, коричневого и черного тонов. В дальнейшие периоды, и особенно в эллинистический, цвета красок больше разнообразятся и употребляются уже более мягкие тона — розовые, голубые и др.²

Традиционность росписи сказывалась не только в определенных цветах, употребляемых в то или иное время, но и в определенном расположении красок: волосы, черты лица и одежда расписывались не произвольно, а в большинстве случаев по установленному образцу. Так, волосы было принято окрашивать в красный или коричневый цвет³, брови и веки — в черный или коричневый, глаза — в голубой, реже — в черный цвет, губы, — в яркокрасный. Отклонения от такой раскраски были редки.

Всевозможные украшения — бусы, серьги и кольца — покрывались краской золотого цвета. Известны терракоты, где все изображение покрыто золотой краской. Были и такие изображения, которые сплошь покрывались красной краской⁴.

Существует мнение, что статуэтки вначале обжигались, а потом расписывались⁵. Высказывающие такое предположение не учитывали характера красок: ангобные краски требуют обязательного закрепления обжигом.

Некоторые ученые предполагали двойной обжиг терракот — до росписи и после росписи⁶. Такой способ возможен, в особенности для тех терракот, которые должны были обжигаться при такой высокой температуре, которую краски могли не выдержать. В таком случае терракоту обжигали, затем расписывали и обжигали вторично при невысокой температуре для закрепления красок. Так как каждый обжиг требовал значительных затрат времени и средств, то, очевидно, такой способ применялся не всегда.

Наблюдения, проведенные над ольвийскими терракотами, показали, что температура обжига большинства из них такая, которую могли выдержать краски. Охристые краски, особенно часто употребляющиеся для

¹ Анализ проведен О. А. Кульской.

² Например, роспись терракот № 5139/46, 5839/47 (Институт археологии АН УССР).

³ Например, роспись терракоты № 802/47.

⁴ Например, терракоты № 613/39 (Институт археологии АН УССР), № 1911/38 (Киевский истор. музей).

⁵ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 84.

⁶ Dargemberg et Saglio. Указ. словарь, т. II, ч. 2, стр. 1133—1134.

росписи терракот Ольвии, выдерживают температуру в печи до 1000° , но значительная часть ольвийских терракот покрыта белой облицовкой, о которой была речь выше. Для определения того, какую температуру может выдержать эта облицовка, были проделаны следующие опыты: взят кусок глины, покрыт сверху известкой, смешанной с глиной (5 : 1), и обожжен в муфельной печи при температуре $600-800^{\circ}$. Как показали опыты, известка с таким содержанием глины выдерживает температуру $600-700^{\circ}$ ¹.

Для определения точной температуры обжига ольвийских терракот были проделаны исследования следующих образцов терракот из Ольвии: № 652/46, 4433/46, 470/46, 613/39².

Т а б л и ц а 3

№ образца	Температура обжига	П р и м е ч а н и я
4433.46	От 900 до 1000°	Обжиг производился в окислительной атмосфере
652/46	Около 1000°	То же
470/46	Около 900°	Обжиг производился вначале в восстановительной, а затем в окислительной атмосфере
613/39	Около 900°	То же

Все исследования температур обжига ольвийских терракот и обмазки на них показывают, что температуры обжига были не особенно высокими, в среднем от 600 до 1000° , из чего следует сделать вывод, что терракоты могли обжигаться только раз, а роспись наносилась по сырому изделию.

Говоря об обжиге, нужно отметить его большое значение для всех изделий из глины, в том числе и для терракот. Он придает крепость изделиям, закрепляет краски, и от него зависит в большой мере цвет глины получаемого изделия. Для примера влияния обжига на цвет глины можно взять терракоту № 470/46. Вначале обжиг ее производился в восстановительной атмосфере в печи, на что указывает внутреннее обуглероживание терракоты и ее серый цвет (в изломе). Дальнейший обжиг происходил в окислительной атмосфере, при которой имеющееся в терракотах закисное железо перешло в окисную форму (Fe_2O_3), отчего терракота получила красный оттенок.

У большинства терракот, в том числе и ольвийских, с обратной стороны имеются довольно большие отверстия, связанные с обжигом и предназначенные для выхода паров. Форма таких отверстий различна. Они бывают прямоугольные, квадратные или круглые.

В Ольвии открыт ряд керамических печей, но их устройство и процесс обжига в них являются предметом другого исследования.

В результате проведенного исследования технологических основ производства ольвийских терракот удастся не только установить бесспорность местного ольвийского происхождения большинства из них, но и показать высокий технический и художественный уровень ольвийского производства. Все это еще раз свидетельствует о высокой культуре населения городов Северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи.

¹ Опыты проведены О. А. Кульской.

² Определение температуры обжига ольвийских терракот проведено О. А. Кульской. Пользуюсь случаем выразить благодарность О. А. Кульской, которая консультировала меня по вопросам химического состава глин терракот Ольвии и их покрытия.

Д. Б. ШЕЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЛЬВИНОЙ ГОЛОВЫ
НА РАННИХ БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ

Самыми ранними нумизматическими памятниками Боспора являются серебряные монеты Пантикапея, чеканившиеся во второй половине VI и в течение всего V в. до н. э.¹ Неизменным типом лицевой стороны этих монет является львиная морда, обычно неточно называемая в литературе львиным скальпом или львиной шкурой. На самом деле это изображение не шкуры, а целой львиной головы, рассматриваемой спереди и несколько сверху, как часто изображались звериные морды в архаическом искусстве².

В русской дореволюционной и современной западноевропейской буржуазной науке укоренилось неправильное, основанное лишь на формалистическом сравнении совершенно различных памятников представление о якобы самосском происхождении этого типа ранних боспорских монет. Особенно упорно настаивал на этом тезисе М. И. Ростовцев³. Сравнительно недавно английский нумизмат Зельтман попытался прямо возвести тип львиной морды на пантикапейских монетах к архаическим самосским образцам путем сопоставления лицевых сторон монет⁴.

Это ошибочное представление проникло и в советскую литературу, где оно получило наиболее яркое выражение в недавно вышедшей статье Ю. С. Крушкoл о ранних боспорских монетах⁵.

Между тем это мнение не имеет под собой реального основания. Прежде всего методологически сравнение самосских и пантикапейских монет производится обычно неверно; так Зельтман сравнивает монеты совершенно различных эпох: самосская монета с грубым *quadratum incusum* на оборотной стороне им же самим датируется VI в. до н. э., Хед и Гарднер считают именно эту монету самой ранней самосской монетой⁶, а приводимые Зельт-

¹ Классификацию и датировку этих монет см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16 (1951), стр. 164 сл. и в нашей статье (ВДИ, 1949, № 1).

² Ср., например, изображение пантеры на ионийской архаической вазе из погребения на Темир-горе, ОАК, 1870, табл. IV, 3.

³ М. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, стр. 79, 229; М. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 284, 400; САН, т. VIII, стр. 562.

⁴ САН, Plates, т. III, табл. 20 а, в.

⁵ Ю. С. Крушкoл. Ранние боспорские монеты как исторический источник. ВДИ 1950, № 1, стр. 184. Придерживается этого мнения и А. Н. Зограф в своем капитальном труде «Античные монеты» (стр. 164).

⁶ В. V. Head, *Guide to the coins of the ancients*. London, 1881, стр. 6; P. Gardner. *Samos and Samian coins*. N. Chr., 1882, стр. 227.

маном боспорские монеты с надписями ПАНТИ и АПОЛ не могут быть датированы временем более ранним, чем третья четверть V в. до н. э.¹. Трудно предположить, чтобы боспорские мастера стали воспроизводить тип монет, бывших в употреблении на Самосе более века назад, в то время как они всегда могли иметь перед собой гораздо более поздние образцы. Да и сходство лицевых сторон сопоставляемых Зельтманом монет совсем не так велико, как кажется на первый взгляд: на самосских монетах всегда помещается изображение львиного скальпа, на боспорских — живой львиной морды. Главным отличием самосских монет является изображение раздвоенной и распластанной нижней челюсти с обеих сторон львиной морды. На боспорских монетах это раздвоение обычно отсутствует. Таким образом, даже формальные моменты не позволяют согласиться с сопоставлениями, сделанными Зельтманом.

Кроме того, надо принять во внимание и ряд других соображений, которые не учитываются сторонниками теории заимствования пантикапейских типов с самосских монет.

Каковы могли быть мотивы подобного заимствования? М. И. Ростовцев думает, что значительная роль, которую играл Самос в VI в. на берегах Пропонтиды, объясняет сходство монетных типов Самоса и Пантикапея². Этого же мнения придерживается и Ю. С. Крушкол, ссылаящаяся на находки в раскопках боспорских городов архаической самосской посуды³. Но она идет еще дальше. На основании мнимого заимствования пантикапейских монетных типов из самосской нумизматики она делает вывод не только об обращении самосской монеты в Северном Причерноморье, но и об участии самосцев в боспорской колонизации, в частности в основании Пантикапея⁴. Таким образом, вопрос о происхождении первых пантикапейских монетных типов выходит за чисто иконографические рамки и приобретает более широкий интерес.

Роль Самоса в торговле Боспора в архаическую эпоху не подлежит никакому сомнению. Находки самосской керамики в Северном Причерноморье неопровержимо свидетельствуют о весьма значительной торговой заинтересованности самосцев на северных берегах Понта. Количество примеров, приводимых в указанной статье Ю. С. Крушкол для доказательства этого факта, можно было бы без труда умножить. Однако этот факт сам по себе еще не дает нам права говорить ни об особой роли самосской нумизматики в жизни Боспора, ни об участии самосцев в колонизации. Самосская монета никогда не была международной валютой, и у нас нет никаких данных о широком ее распространении. Денежная весовая система Самоса отлична от эгинской системы, принятой на Боспоре в VI—V вв. до н. э.⁵. Таким образом, не было никаких оснований для широкого проникновения на Боспор самосской монеты и для подражания в Пантикапее самосским типам. Это тем более необходимо подчеркнуть, что в литературе иногда встречается утверждение, будто на Боспоре часто находят ранние серебряные самосские монеты⁶. Однако известны всего два случая находки самосских монет на территории Боспора: несколько монет в составе клада пантикапейского серебра начала IV в., упоминаемого А. Л. Бертье-Делагардом⁷, и одиночная

¹ ВДИ, 1949, № 1, стр. 152.

² М. Rostovtzeff. Указ. соч., стр. 229.

³ Ю. С. Крушкол. Указ. соч., стр. 184—185.

⁴ Там же, стр. 184.

⁵ P. Gardner. Указ. соч., стр. 251 сл.

⁶ Например, E. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge. 1913, стр. 631; Ю. С. Крушкол. Указ. соч., стр. 184.

⁷ Н. сб., I, стр. 37, примечание.

монетка из раскопок в Керчи в 1908 г.¹ При этом о первой находке мы не имеем вообще никаких данных, кроме упоминания самого факта Бертье-Деллагардом, а вторая находка относится к значительно более позднему времени, по всей вероятности уже к III в. до н. э. Вывести отсюда заключение об обращении самосского серебра в Причерноморье в VI—V вв. невозможно; да и нет никаких оснований предполагать самую возможность такого обращения по вышеуказанным причинам. Надо полагать, что кизикские статеры являлись в V в. единственным сортом чужих денег, имевшим хождение на Боспоре. Но если бы даже обращение самосской монеты на Боспоре и имело место, это вряд ли могло бы вызвать подражание самосским типам в Пантикапее. Мы в праве были бы скорее ожидать подражания монетной системе Самоса, а не его типам. Типологические заимствования в эту эпоху обычно свидетельствуют либо о политическом воздействии одного центра на другой, либо (гораздо чаще) о культовых связях между ними.

Пантикапей никогда не состоял ни в какой политической или религиозной связи с Самосом, более того, на Самосе как раз не было тех культов, которые преобладали в Пантикапее². Значение типа львиного скальпа на самих самосских монетах неясно: этот скальп мог принадлежать культу Геры — главного божества Самоса, культу Диониса или напоминать о каких-то местных сказаниях³. Во всяком случае никаких культурных связей с Боспором найти здесь не представляется возможным.

Таким образом, не может быть приведено никаких фактов или соображений в подтверждение разбираемого взгляда на пантикапейскую монетную типологию VI—V вв. как на подражание самосским образцам; наоборот, все говорит против этого. Каково же происхождение самого сюжета львиной головы на ранних боспорских монетах?

Лев или львиная голова является одним из самых любимых и распространенных сюжетов в монетной типологии греков. Десятки греческих и полугреческих городов и государств от Сидона до Массилии помещают на своих монетах изображение льва в самых различных положениях. Такое широкое распространение этого мотива объясняется, конечно, многообразием функций, которыми обладает лев в религиозных и мифологических представлениях греков⁴. На монетах разных государств лев имеет совершенно различное значение: на сиракузских декадрахмах это олицетворение Ливии, на сирийских монетах — атрибут богини Атаргатис, на монетах Лидии — символ царской власти и величия, в Леонтинах — *agmes parlantes* и атрибут Аполлона, в Аканфе — олицетворение восточных солнечных божеств и т. д. Если мы обратимся к метрополии Пантикапея и большинства северочерноморских городов — Милету, то увидим, что в милетской нумизматике изображения льва или его головы встречаются постоянно. На монетах Милета изображение льва, безусловно, относится к культу Аполлона, главного божества Милета: присутствие льва среди обычных атрибутов Аполлона известно очень хорошо.⁵ Такое объяснение этого типа в Милете подтверждается и более поздней милетской монетой, имеющей на реверсе изображение льва, стоящего с повернутой назад головой, и восьмиконечной звездочки. Тип этот сопровождается надписью $\epsilon\upsilon\lambda\iota\delta\iota\sigma\mu\omega\nu\iota\epsilon\rho\zeta$, а на аверсе

¹ ОАК, 1908, стр. 116. Находка электрового самосского статера в с. Вани на Кавказе, на которую ссылается А. Н. Зограф (указ. соч., стр. 164), не может сюда быть привлекаема, так как в эти области самосские монеты могли попасть не через Боспор, а скорее через М. Азию.

² Bilabel. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, стр. 169—173.

³ P. Gardner. Указ. соч., стр. 213—215.

⁴ Ср. P.-W. RE, XIII, 1, стр. 983.

⁵ P.-W. RE, III, стр. 110.

помещена голова Аполлона¹. Связь льва с культом Аполлона Дидимского здесь не может подлежать сомнению.

Но Аполлон был и главным божеством Пантикапея на протяжении всей истории города. При этом на Боспоре он почитался главным образом как Аполлон Ἰητρος² и Δελφίνιος³. Аполлон Дельфиний почитался в Милете⁴ и оттуда его культ был, несомненно, заимствован пантикапейцами; что же касается Аполлона Врача, то И. И. Толстой путем сопоставления эпитетов Ἰητρος и Οὔλιος очень остроумно доказал близость боспорского Аполлона Врача к Дидимскому Аполлону⁵. В результате своего исследования он пришел к выводу, что боспорский (и вообще причерноморский) Аполлон имеет милетское происхождение. К такому же заключению пришел, независимо от Толстого, и Билабель⁶. Очень показательна чрезвычайно долго сохранявшаяся в Пантикапее память о связи с метрополией — Милетом и, в частности, с культом Аполлона Дидимского; об этом свидетельствуют приношения, сделанные этому богу царицей Комоссарией и царем Перисадом уже во II в. до н. э.⁷

Если культ Аполлона на Боспоре имеет милетское происхождение, то совершенно естественно предположить, что сюжет льва или львиной головы на пантикапейских монетах, так же как и на милетских, относится к этому культу и что он был заимствован из метрополии вместе с самим культом, тем более что типы, относящиеся к почитанию Аполлона, являются самыми обычными и в дальнейшей истории боспорской чеканки.

Кроме того, только таким путем можно объяснить чрезвычайно долгое бытование этого сюжета в пантикапейской типологии, где лев неизменно изображается на всех монетах VI, V и первой половины IV в. до н. э., а эпизодически появляется на реверсе монет и значительно позднее.

Таким образом, вопрос о происхождении сюжета первых монетных типов Пантикапея должен быть решен в пользу Милета. Однако это не значит, что пантикапейские мастера стали на путь копирования и подражания милетским типам. Взяв из метрополии общую тему монетного типа — изображения льва (или его головы) как символа Аполлона, боспорские монетарии в разработке этого сюжета и его трактовке пошли самостоятельным путем, не прибегая к слепому подражанию иноземным образцам, которое приписывают им сторонники теории самосского происхождения.

Древнейшие монеты Пантикапея, чеканенные еще в середине VI в. до н. э. и имеющие на реверсе грубый quadratum incusum, дают нам на лицевой стороне чрезвычайно архаическую морду льва, выполненную весьма схематически⁸, совершенно лишенную гривы и производящую впечатление скорее головы пантеры или львицы. Морда вытянута, резко отграничена носовая кость, уши торчат в стороны, лобовые выпуклости не моделированы, глаза круглые и близко посажены друг к другу, на лбу два шарика (рис. 11—1). Подыскать аналогии этим изображениям среди других памятников греческой нумизматики очень затруднительно. Среди бесчисленных

¹ P. Gardner. The types of Greek coins. Cambridge, 1883, стр. 42, табл. XVI, 5.

² IosPE, II, 6, 10, 15, 348; ИАК, вып. 58, стр. 17—18, № 1; ИГАИМК, вып. 104, стр. 57.

³ ИГАИМК, вып. 104, стр. 58 сл.

⁴ F. Bilabel. Указ. соч., стр. 81—83.

⁵ И. И. Толстой. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии. ЖМНП, 1904, январь, Отделение класс. филологии, стр. 12—13. Кроме того, почитание Дидимского Аполлона как бога-целителя подтверждается также надписью SIG, 2864, Ἀπόλλωνι Διδυμειῶντι καὶ Ἀσκληπιῶντι σωτήρι καὶ Ὑγίειᾳ — F. Bilabel. Указ. соч., стр. 88.

⁶ F. Bilabel. Указ. соч., стр. 106, прим. 1.

⁷ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях. ВДИ, 1939, № 3, стр. 261—267, рис. 38, 39.

⁸ A. M. Podschivalow. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen. Moskau. 1882, табл. I, рис. 2.

изображений львов и львиных голов на греческих монетах изображение львиной морды впрямь встречается вообще довольно редко. Наиболее близко к рассматриваемому типу подходит известный электровый статер с изображением двух соединенных лбами львиных голов¹, но и здесь имеются большие различия в деталях. Происхождение этого статера совершенно неясно. Поскольку определение происхождения всех этих первых электровых монет — дело весьма ненадежное, осторожнее будет ограничиться просто указанием на ионийское влияние, тем более что никакой уверенности в генетической связи пантикапейских типов с указанным электровым статером у нас не может быть. Таким образом, уже по отношению к этим первым пантикапейским монетам мы можем говорить не о непосредственном

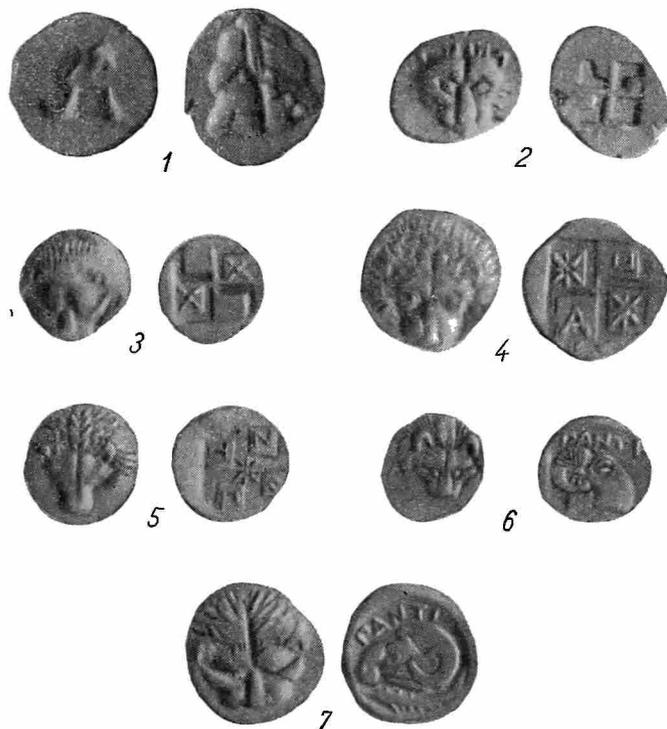

Рис. 11. Пантикапейские монеты VI—V вв. до н. э.

копировании типа с монет других городов, а лишь об общем художественном влиянии архаической ионийской электровой чеканки. Дальнейшее развитие типа львиной головы на пантикапейских монетах обнаруживает значительную самостоятельность в разработке сюжета, напоминая лишь в общих чертах чеканку других городов.

Пантикапейские монеты второй половины VI в., имеющие на реверсе правильный углубленный квадрат с двумя перегородками и четырьмя точками, на лицевой стороне носят ту же архаическую голову льва, хотя несколько других пропорций². Морда льва менее вытянута и сильно заострена книзу, общая форма ее напоминает равнобедренный треугольник, опрокинутый вершиной вниз; гривы попрежнему нет или появляются только зачатки ее в виде коротких торчащих волос надо лбом; уши все еще торчат в стороны, на лбу, две точки, глаза круглые, носовая кость резко выделена (рис. 11—2). Несомненно, что этот тип вырастает из более раннего типа первых пантикапейских монет. Точной аналогии рассматриваемым пантика-

¹ K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, табл. 1, рис. 20.

² Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, табл. III, рис. 19—22.

пейским монетам среди других греческих нумизматических памятников не находится. Некоторые общие черты обнаруживаются у этих пантикапейских монет с электровыми ионийскими монетами VI в. или с серебряными дидрахемами Гортины на Крите, имеющими на реверсе тип львиной головы, близкий к нашим монетам. Но эти монеты значительно отличаются от пантикапейских целым рядом деталей и не могут считаться прототипом пантикапейской чеканки; они являются лишь сравнительным материалом при определении известного этапа в развитии греческой монетной типологии, к которому все они относятся.

Анэпиграфные пантикапейские монеты с выработанным уже рисунком «крыльев ветряной мельницы» на оборотной стороне, которые могут быть датированы первой четвертью V в. до н. э., имеют на аверсе тот же тип львиной головы впрямь, но уже совершенно иного стиля¹. Голова льва сохраняет в основном прежнюю форму, но рельеф делается гораздо мягче и изображение живописнее. Над головой появляется длинная грива в виде прямых, немного волнистых прядей, уши круглые и менее расставлены в стороны, чем на более ранних монетах; глаза узкие и косо поставленные; хорошо моделированы выпуклости лба и носа (рис. 11—3). Подобная трактовка ушей и волос встречается на самосских монетах конца архаики, но весь рисунок скальпа льва на этих монетах очень отличен от нашего². Трактовка волос волнистыми прядями встречается в самых различных изображениях людей и животных в разных областях греческого мира в позднеархаическую эпоху и немного позже. Но мы не можем и здесь указать прототип для наших монет вне боспорской нумизматики.

Этот же тип львиной головы переходит и на следующую серию пантикапейских монет с буквами ПА на реверсе, но чаще на этих монетах встречается несколько иная трактовка той же головы: уши острые и торчат вверх, грива исполнена в виде коротких заостряющихся прядей, выступающих друг из-под друга, и производит впечатление как бы взъерошенной, иногда около морды льва помещаются его передние лапы (рис. 11—4)³. Совершенно теми же чертами характеризуются и львиные морды на первой серии аполлонийских монет⁴, относящейся, как и указанные пантикапейские, к середине V в. до н. э. На пантикапейских монетах, подписанных тремя и четырьмя буквами, и на второй серии аполлонийских монет (третья четверть V в. до н. э.) морда льва остается такой же, только передняя часть ее становится несколько тоньше и пряди волос выполнены более суммарно (рис. 11—5)⁵.

Последняя четверть V в. представлена двумя сериями пантикапейских монет (выпуск аполлонийского серебра прекращается), имеющими на реверсе вместо прежнего чертежа в виде крыльев ветряной мельницы новый тип — голову барана. Первая из этих серий сохраняет еще на оборотной стороне *quadratum incusum*, в котором и помещается несколько схематизированное профильное изображение бараньей головы вправо (рис. 11—6). На лицевой стороне этих монет помещена голова льва впрямь совершенно того же стиля, что и на последней серии пантикапейских монет с рельефными таблетками⁶. Это доказывает, что выпуск монеты с головой барана непосредственно сле-

¹ P o d s c h i w a l o w. Указ. соч., табл. I, рис. 5—6; G i e l. Указ. соч., табл. III, рис. 29—31.

² R e g l i n g. Указ. соч., табл. VI, рис. 166, 167.

³ Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. VII, М., 1887, табл. II, рис. 366; P o d s c h i w a l o w. Указ. соч., табл. I, рис. 7, 8; G i e l. Указ. соч., табл. III, рис. 32—36.

⁴ G i e l. Указ. соч., табл. III, рис. 15—16; Г и л ь. ЗРАО, вып. V, табл. IV, рис. 18; Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. VII, стр. 50, № 367.

⁵ G i e l. Указ. соч., табл. III, рис. 17, 38—43; Г и л ь. ЗРАО, V, табл. IV, рис. 17.

⁶ Г и л ь, ЗРАО, VII, табл. XIX, рис. 39—42.

дует за этой последней серией¹. Оба типа, и лицевой и оборотной стороны, удерживаются и на последней серии пантикапейского серебра V в. до н. э., но стиль их совершенно иной. На этой серии углубленный квадрат на реверсе уже исчезает, но поверхность оборотной стороны монеты получает некоторую вогнутость. Исчезновение *quadrati incusi* свидетельствует о более позднем происхождении этих монет по сравнению с предыдущей серией. Голова барана на этих позднейших монетах повернута влево, она менее схематична, и детали более моделированы, чем раньше; надпись ПАНΤΙ над головой барана идет уже не горизонтально, а полукругом, следуя форме головы; под бараньей головой появляется добавочный символ — осетр или звездочка (рис. 11—7). Этому реверсному типу соответствует и новая форма львиной головы на аверсе: широкая, почти во все поле монеты, морда с как бы расплюснутым носом; уши скрыты гривой и почти незаметны; волосы, в виде длинных и толстых прядей, распадаются на две стороны от резко обозначенного пробора². Эта трактовка, как указал А. Н. Зограф³, находит себе некоторую аналогию в тетрадрамах Регия, относящихся к началу IV в. до н. э.⁴, но со значительными отличиями. На монетах Регия глаза посажены очень глубоко и зрачки не выделены, грива не имеет пробора посередине, переносица и верхняя губа собраны в многочисленные морщины, лоб моделирован значительно тоньше. Трудно предполагать, чтобы монеты Регия могли оказать непосредственное воздействие на пантикапейскую чеканку. Скорее и здесь надо видеть два независимых параллельных процесса трансформации одного и того же типа, идущих в одном направлении.

Помещение львиной морды впрямь в качестве типа лицевой стороны пантикапейских монет кончается на рубеже V и IV вв. Тип этот сменяется совершенно иным типом (голова сатира), и хотя в дальнейшей чеканке Пантикапея фасовая львиная голова появляется изредка среди других монетных типов, эти более поздние изображения ничем не связаны с только что разобранными нами сериями и имеют совершенно иное происхождение.

Таким образом, мы видели, что тип лицевой стороны древнейших монет Пантикапея, несмотря на однообразие сюжета, проходит долгую и сложную эволюцию. Эволюция эта идет в том же направлении, что и все развитие греческой монетной типологии, но в значительной степени самостоятельно. По крайней мере мы не можем указать ни одного типа, заимствованного с чужих монет. Что касается до мнимого подражания пантикапейских монет самосским типам, то достаточно просмотреть самосские монеты V в., чтобы убедиться в ошибочности такого предположения. Характерные черты самосского львиного скальпа — квадратная форма морды, отсутствие зрачка, необыкновенная плоскостность всего изображения, обрамление морды волосами с трех сторон, обязательное наличие рассеченной нижней челюсти и зубов — все эти признаки⁵, как правило, отсутствуют на пантикапейских монетах. Этими деталями самосские мастера подчеркивали сознательное воспроизведение львиного скальпа, а не живой львиной морды. Между тем боспорские художники стремились изобразить не скальп, а голову животного (например, обязательно обозначается зрачок) и пантикапейские львиные морды (кроме, может быть, последней серии) вовсе не похожи на скальп, а некоторые из них производят поразительное впечатление своей живостью. Нам представляется весьма существенным различие между

¹ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 166.

² Podschivalow. Указ. соч., табл. I, рис. 11; Minns. Указ. соч., табл. V Рис. 6.

³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 167.

⁴ Head. Указ. соч., табл. XXV, рис. 23.

⁵ См. Gardner. N. Chr., 1882, табл. VIII—IX.

изображениями живой головы льва на пантикапейских монетах и распластанного скальпа — на самосских, и не только с точки зрения иконографической и стилистической, но и по существу: разница эта должна вытекать из различия религиозных представлений, культов и мифологии на Самосе и на Боспоре, которое и обусловило совершенно самостоятельное развитие боспорской монетной типологии.

Исследование типологии ранних пантикапейских и аполлонийских монет приводит нас к убеждению, что Самос не играл никакой особой роли в ранней боспорской нумизматике и что нет решительно никаких оснований для вышеуказанных предположений об обращении самосского серебра на Боспоре, об участии самосцев в основании Пантикапея и т. п. Это исследование помогает выяснить истинное взаимоотношение милетского и самосского элемента в хозяйственной и культурной жизни Боспора VI—V вв. до н. э. и позволяет говорить о значительной самостоятельности и оригинальности пантикапейского монетного чекана уже в эту раннюю эпоху.

В. Н. СКАЛОН и П. П. ХОРОШИХ

ОБ ОЛЕННЫХ ПИСАНИЦАХ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Изображения северных оленей встречаются на многих писаницах Северной Азии.

Сюжеты оленных писаниц весьма разнообразны: сцены охоты на оленей, стада домашних оленей, всадники на оленях, сцены магического загона оленей в изгороди-лабиринты и сети и т. д.

По способу выполнения такие писаницы разделяются на высеченные или начерченные и нарисованные красной минеральной краской. Высекание фигур различное — по контуру или сплошное. Рисунки делались на гладкой поверхности скал, преимущественно обращенных на южную сторону.

Во многих писаницах древние художники правдиво изобразили все характерные особенности северного оленя, как и других копытных животных. Однако некоторые фигуры оленей изображены шаблонно и угловато.

Оленные писаницы принадлежат не одной народности, и давность их различная. Более древние из упоминаемых нами писаниц относятся, по видимому, к бронзовому веку, поздние — к железному веку. В данной статье приводится краткое описание основных оленных писаниц, известных на территории Северной Азии.

Оленные писаницы встречаются на скалах по берегам Иртыша, Катуня, Томи, Кемчика, Енисея, Абакана, Маны, Ангары, Оки, Куды, Лены, Селенги, Амура, на побережье величайшего озера мира — Байкала и в других местах Северной Азии.

По верхнему течению Иртыша оленные писаницы в 1935 и 1937 гг. были открыты С. С. Черниковым¹ в урочище Кула-Журга, на холме Туль-Куне, в районе ключа Тамураши II и в других местах. Рисунки высечены на гладких плоскостях метаморфизированного сланца. Изображены сцены охоты на оленей и отдельные фигуры оленей.

Известны оленные рисунки также на северной стороне Нарымского хребта у пос. Чапачаты, в урочище Келенчик, на Кара-ое и в Тургайской области² (рис. 12—1).

В Ойротии отдельные изображения оленей открыты на скалах по р. р. Катуня, Чарышу, Караголу, Чуе и на скале Кок-кан (рис. 12—2, 3).

¹ С. С. Черников. Восточно-Казахстанская область. Калбинские и Нарымские хребты. В кн. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М., 1941, стр. 292—294; он же. Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, 1947, № 9, стр. 251—287, с рис.

² Н. Воронец. Изображения на скалах Тургайской и Сыр-Дарьинской обл. Русск. антропол. журн., 1916, № 3—4, с рис.; В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской обл. Труды ГИМ, вып. 1, 1926, стр. 37—70.

Описание этих писаниц сделано П. П. Хороших¹, им же указана и литература о писаницах Алтая.

Давно известна писаница на скале «Писанный камень», расположенной по правому берегу р. Томи у деревни Усть-Писанной. На данной писанице

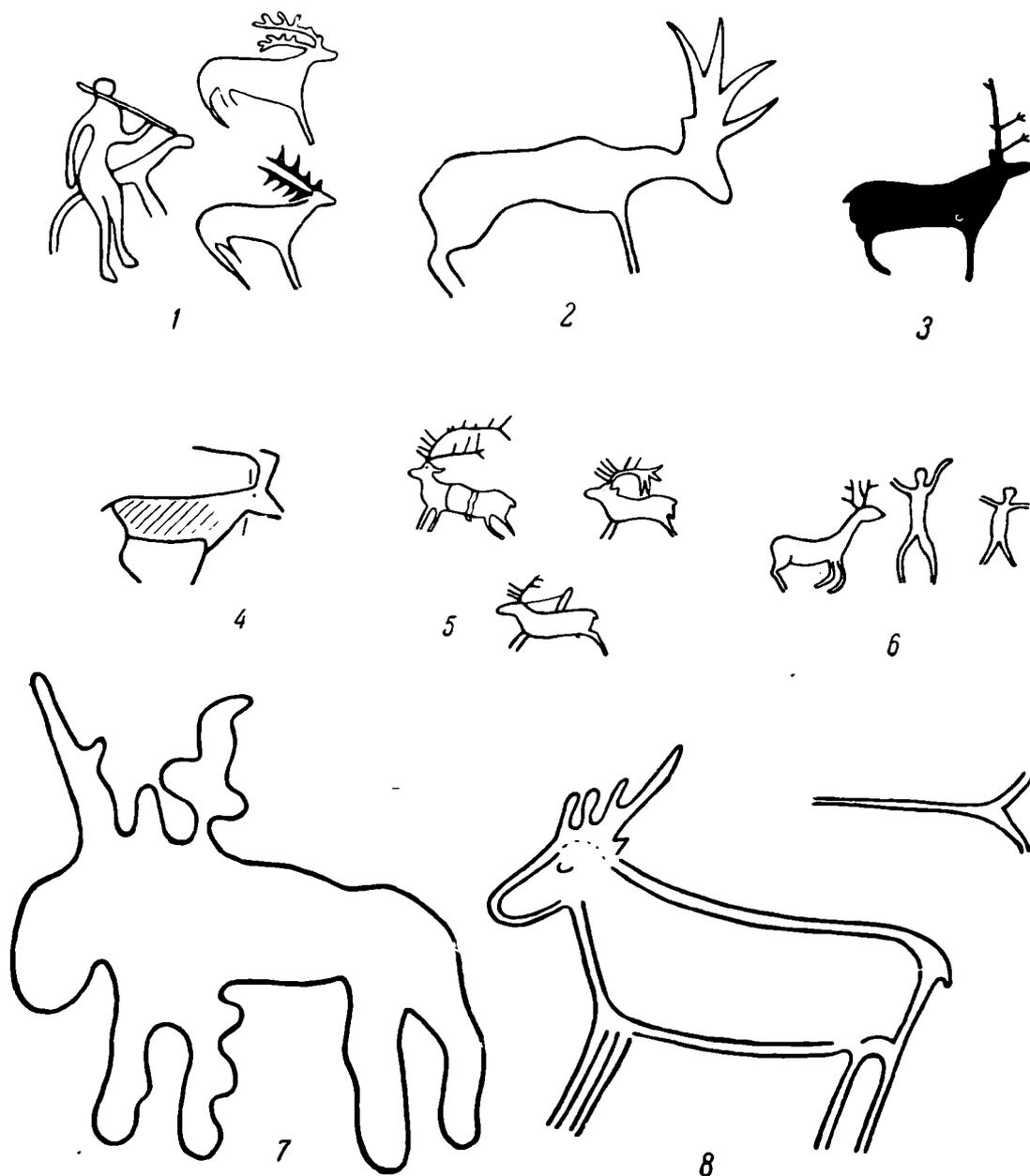

Рис. 12. Наскальные изображения Северной Азии

1 — Тургайская обл. (по рис. Н. Воронеж); 2 — р. Карагол (Ойротия); 3 — скала Кок-кан (Алтай); 4 — скала «Писанная» (р. Томь); 5 — утес Кая-бадя (по А. Адрианову); 6 — Петрошиловская писаница на р. Енисее (по Г. Спасскому); 7 — скала у д. Рыбной (р. Ангара); 8 — скала у устья р. Зама, приток Оки (приток Ангары)

высечены изображения северных оленей (рис. 12—4), маралов, лосей, лошадей и других животных вместе с фигурами людей.

Краткое описание Томской писаницы имеется у В. Радлова², Н. Гуляе-

¹ П. П. Хороших. Писаницы Алтая. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 26—34, с рис.

² В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, 1894, стр. 17, 69.

ва¹, Ф. Миллера², И. Фалька³, Н. Овчинникова⁴ и др. Более подробное описание Томской писаницы сделано В. Н. Скалоном и П. П. Хороших⁵.

На берегу р. Кемчика (лев. приток Енисея) оленная писаница находится на утесе Кая-бажи, почти против впадения р. Ишкама, в 2 км от заимки Бяковых.

А. В. Адрианов⁶ в 1881 г. на утесе Кая-бажи обнаружил нарисованное изображение трех оленей с ветвистыми рогами, бегущих в одну сторону (рис. 12 — 5). На одном из оленей сидит верхом человек. Фигура всадника нарисована очень условно и схематично, без ясного очертания головы. Передний олень показан оседланным. Рисунки выполнены на отвесной скале, на высоте до 6 м от земли, и доступ к ним едва возможен.

А. В. Адрианов высказывает мысль, что народ, оставивший на скале эти рисунки, пользовался в ту пору оленем для верховой езды. По р. Кемчику и особенно по р. Улукему, олени в то время водились, и охота за ними составляла у тувинцев главнейший промысел. Мысль А. В. Адрианова подтверждает и Д. Каррутерс⁷, который указывает, что среди наскальных рисунков побережий верхнего течения р. Енисея встречаются такие, где изображены пастухи, объезжающие своих верблюдов и оленей. Люди сидят верхом на оленях.

В 1947 г. экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством проф. С. В. Киселева в Тувинской автономной области были открыты разнообразные древнейшие наскальные изображения, в том числе сцены охоты на оленей.

В верховьях р. Кемчика, высоко на отвесной скале Бижикты-Хая эта экспедиция открыла рисунки бегущих оленей, с изумительным мастерством и реализмом выполненных древними художниками Тувы. Два оленя поражены стрелами, из ран их обильно струится кровь⁸.

На побережье р. Енисея оленные рисунки встречаются на Тепсейской, Оглахтинской, Петрошиловской и других писаницах, описанных Г. Спасским⁹ и И. Т. Савенковым¹⁰. Здесь изображены сцены пастьбы оленей совместно с другими домашними животными, сцены охоты и отдельные рисунки оленей. На Петрошиловской писанице встречаются рисунки коленопреклоненных оленей, — повидимому, символика оленных камней (рис. 12—6).

Несколько оленных писаниц известно в Хакассии, из них наибольший интерес представляют: Сулукская писаница, описанная Л. А. Евтюховой¹¹

¹ Н. Гуляев. «Писанные камни» Усть-Каменогорского уезда. Записки Зап.-Сиб. отдел. Русск. геогр. об-ва, Омск, 1916, т. XXXVIII, стр. 259.

² Ф. И. Миллер. История Сибири, т. I, 1937, Изд. АН СССР, стр. 526—540.

³ И. П. Фальк. Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI, 1824, гл. XXII—XXXII, стр. 520.

⁴ Н. Овчинников. О «писанных» камнях в Томском уезде. Алтайский сборник, 1910, т. X, стр. 1—6, с рис.

⁵ В. Н. Скалон и П. П. Хороших. Наскальные рисунки р. Томи. Иркутск, 1949, стр. 1—16.

⁶ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Записки Зап.-Сиб. отдел. Русск. геогр. об-ва по общей географии, 1888, т. XI, стр. 424.

⁷ Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. I, II, 1914. Гл. 2, Древняя Сибирь, стр. 57.

⁸ И. Ардов. В стране Голубой реки. Вокруг света, 1948, № 5, стр. 48—52, с рис.

⁹ Г. Спасский. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. Записки Русск. геогр. об-ва, 1857, кн. XII, стр. 182, с рис.

¹⁰ И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на р. Енисее. Труды XIV Археол. съезда в Чернигове, т. I, М., 1910, с рис.; Он же. К разведочным материалам по археологии среднего течения р. Енисея. Известия ВСОРГО, 1886, т. XVII, № 3—4.

¹¹ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Изд. Хакасского ин-та языка, литературы и истории, Абакан, 1948.

и писаница на скале Кизех-таш, изданная Г. П. Сосновским¹. На данных писаницах изображены разнообразные сюжеты, связанные с оленеводством.

На одной из каменных плит по р. Июсу (приток р. Чулыма) высечено изображение всадника на олене.

По р. Мане (правый приток р. Енисея) фигуры домашних оленей, коз и других животных известны на Боярской писанице, описанной А. В. Адриановым² и М. П. Грязновым³. Стадо оленей изображено около жилищ.

М. П. Грязнов, говоря о составе стада, нарисованного на Боярской писанице, усматривает в этом изображении только пережитки тотемических представлений. Однако не исключена возможность, что древние художники могли здесь изобразить именно тех животных, с которыми они соприкасались в хозяйстве.

Наглядно переданы оленные стада совместно с людьми или домашними животными на писаницах Восточной Сибири, где оленеводство имело с древних времен и имеет сейчас широкое распространение. Особый интерес представляют оленные рисунки на скалах в долинах Ангары, Куды, Лены и на побережье Байкала.

По Ангаре рисунки с изображением оленей и людей, выполненные красной краской, известны на утесе «Писанном», ниже дер. Климиной.

В верхней части Каменного острова, расположенного в 20 км от деревни Подволочной на берегу Ангары, высечены многочисленные изображения оленей в разнообразных позах. Краткие сведения об этих писаницах имеются у Н. И. Витковского⁴, А. Г. Каманина и др.

Разнообразные изображения оленей и лошадей открыты в 1937 г. Ангарской экспедицией (руководитель А. П. Окладников) на правом берегу Ангары, в 5 км ниже дер. Рыбной (рис. 12—7).

В долине Оки (лев. приток Ангары) наскальные рисунки с изображением оленей, лодок и людей известны в 30 км от Братского и против Кадинских порогов, недалеко от Больше-окинского селения. Краткое описание их сделали Пласковицкий⁵ и М. П. Овчинников⁶ и др.

В 1948 г. М. Р. Полесских открыл новые рисунки оленей около устья р. Замы (приток Оки) (рис. 12—8).

В 1903 г. бурятский ученый Ц. Жамцарано доставил из Кудинских степей в Иркутский музей плиту красного песчаника, найденную им на горе Байток, примерно в 35 км от с. Усть-Орда. На этой плите вырезана сцена, изображающая стадо оленей в загороди (рис. 13—1). Размер фигур — от 5 до 15 см. Среди животных можно видеть оленя-производителя с подчеркнута увеличенным половым органом и многих самок, которые изображены в большинстве стельными, с отвислым брюхом. Показан на данной писанице и молодняк. Два оленя, повидимому, изображены оседланными. Фигура человека на этой писанице представляет пастуха, который стоит спиной к животным. В правой руке у пастуха палка с крюком, в левой — лук со стрелой. Пастух готов к обороне своего стада. Небольшое животное, выре-

¹ Г. П. Сосновский. Писаница на горе Кизехтах. КСИИМК, 1940, вып. VI, стр. 54—58.

² А. В. Адрианов. Писаница Боярская. Известия Русск. комитета для изучения Ср. и Вост. Азии, 1906, № 6, стр. 53—58.

³ М. П. Грязнов. Боярская писаница. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 7—8, стр. 41—45, с рис.

⁴ Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. Известия ВСОРГО, 1899, т. XX, № 2, стр. 1—30.

⁵ Пласковицкий. Кадинская писаница. Известия ВСОРГО, 1888, т. XIX, № 2, стр. 28—29, с рис.

⁶ М. П. Овчинников. Очерк о командировке в г. Киренск для осмотра архивов. Труды Иркутской ученой архивной комиссии, 1916, вып. 3, стр. 333.

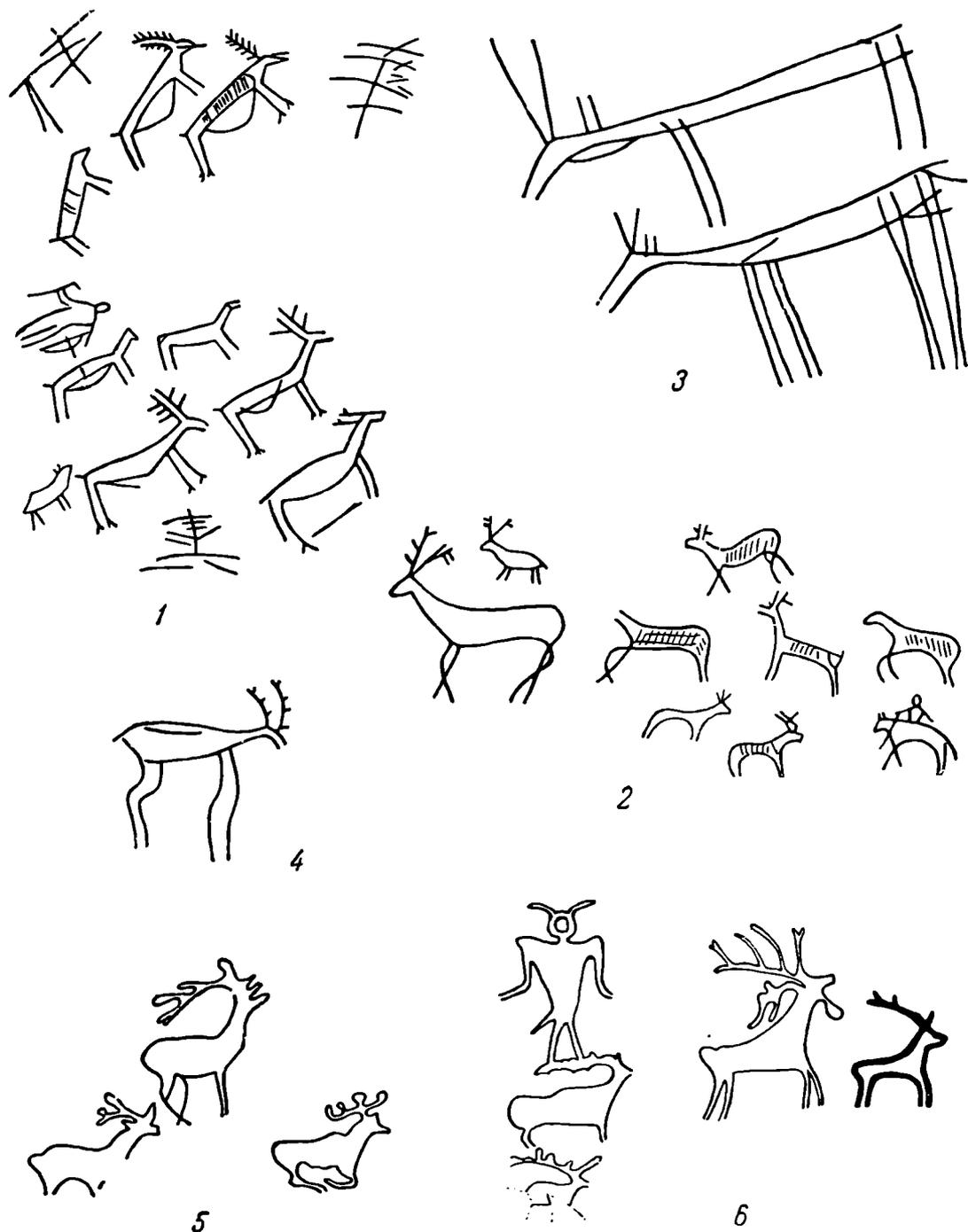

Рис. 13. Наскальные изображения Северной Азии

1 — гора Байток; 2 — гора Булук; 3 — скала Укыр (Кудинские степи); 4 — гора Улан-Хада (Кудинские степи); 5 и 6 — скала Саган-Заба (оз. Байкал)

занное снизу, в левом углу плиты,— возможно собака, помогающая человеку в пастьбе оленей.

Оленняя писаница открыта в 1925 г. П. П. Хороших¹ в Кудинских степях на горе Булук, в 2 км от улуса Хорайского (Булук) по левую сторону Якутского тракта, не доезжая с. Хогот. Начертания здесь сделаны на красном песчанике, выходы которого имеются около вершины горы.

¹ П. П. Хороших. Древности Кудинских степей. Сб. «Бурятияведение», 1930, т. III—IV, стр. 85 сл., с рис.; см. также: Наскальные рисунки Кудинских степей. 1949, Иркутск.

Глубина высекания линий — от 2 до 4 мм. Размер фигур — от 12 до 20 см. На писанице изображена, кроме оленей, группа животных, схожих с оленями. Рядом с оленями показана фигура человека с шестом в руке, сидящего на лошади (рис. 13—2). Можно предполагать, что при помощи данной писаницы сделана попытка отобразить сосуществование оленеводства с другими формами скотоводческого хозяйства.

В 1927 г. П. П. Хороших на горе Байток обнаружил новые высеченные рисунки, изображающие облаву на коз. Всадники на лошадях вооружены луками, стрелами и копьями. Позади всадников видны запряженные быки.

Рисунки оленей П. П. Хороших открыты также на скале Укыр, на правом берегу р. Куды, в 12 км от Усть-Орды (рис. 13—3), на горе Манхай, на правом берегу р. Куды, против скалы Укыр и на горе Улан-Хада, вблизи Хогот (рис. 13—4).

Кудинские наскальные рисунки неодновременны. Рисунки на горах Байток и Манхай и скале Укыр, по всей вероятности, относятся к первому тысячелетию нашей эры, рисунки на горах Улан-Хада и Булук — более позднего происхождения.

Исключительный интерес представляют рисунки на скале Саган-Заба, на западном побережье Байкала, в 5 км на СВ от пади Крестовой.

Эти изображения высечены на выходах белого мрамора и выполнены оббивной техникой. Все рисунки занимают площадь около 35 м². Размер фигур различен — от 10 до 50 см. По своей композиции и сюжету писаница Саган-Заба является наиболее сложной из всех известных писаниц Восточной Сибири. Сюжетом писаницы являются: всадники на лошадях, фигуры людей, птицы, копытные животные, в том числе и олени, показанные в разнообразных позах (рис. 13—5, 6). Часть фигур людей показана с поднятыми вверх руками (символ обращения к небу?).

Особого внимания заслуживает большая фигура оленя в группе этих животных, выдающаяся величиной и тщательностью отделки. Под шеей у этого оленя виден удлинённый привесок, в котором мы без труда узнаем характерный предмет оленеводческого обихода — ботало. Нельзя не отметить, что подвески под шеей встречаются и у лосей писаниц Сибири. Однако у лосей они имеют совершенно другую относительную величину и форму, и в них можно видеть также характерную для восточных лосей морфологическую деталь — подшейную кисть самца.

В коллекциях Иркутского областного музея имеются бронзовые ботала, найденные в Сибири, весьма схожие с тем, что изобразил древний художник на скале Саган-Заба.

В изображении некоторых фигур оленей скалы Саган-Заба с закругленными формами тела, подогнутыми под туловище ногами и ветвистыми рогами можно наблюдать стиль, встречающийся в изображениях оленей на так называемых «оленных камнях» (VII—II вв. до н. э.). В этом стиле выполнены также бронзовые фигурки, принадлежащие к тагарской культуре (VII—I вв. до н. э.). К этому времени мы и относим писаницу Саган-Заба.

На одной из скал у входа в бухту Ая, расположенной к северу от Саган-Забы, сохранились древние высеченные рисунки людей, оленя, верблюда и других животных. Рисунки находятся на высоте 6—8 м над уровнем Байкала.

Несколько фигур оленей имеется на горе Орсо, расположенной на северо-западном берегу Байкала, вблизи горы Танхын, в 4 км на восток от поселка Кутул. Изображения высечены на белом мраморовидном известняке. Высекание не сплошное, а лишь по контуру фигур. Центральное место на писанице занимает фигура благородного оленя (марал), изображенного

с поднятой головой, с большими ветвистыми рогами (рис. 14—1). Размер этой фигуры — около 40 см. Позади центральной бóльшей фигуры высечены еще два марала, равные по размеру, с такими же ветвистыми рогами. Фигуры отличаются угловатостью.

Рис. 14. Наскальные изображения Северной Азии

1 — гора Орсо; 2 — скала Малый Орсо; 3 — скала Сажуртэ (р. Анга); 4 — скала на берегу р. Уссури; 5 — скала «Шижкинская шаманка» (р. Лена)

В 1923 г. П. П. Хороших¹ открыта вторая писаница в пади Малый Орсо, в 1 км от первой. Здесь высечены фигуры птиц, лошадей, лосей, оленей (рис. 14—2) и всадника на лошади.

На горе Сажуртэ, расположенной по левому берегу р. Анги, впадающей в Байкал в 5 км от с. Еланцы, на белом мраморе высечена целая сцена охоты на оленей, коз и других животных (рис. 14—3). Охотники изображены на лыжах с луками и стрелами. Одна из фигур, высеченная позади охотника, представлена в опрокинутом виде, означая убитое животное.

¹ П. П. Хороших. К археологии Байкала. Университетское слово, № 15—24, 1923, Иркутск.

Описание байкальских писаниц имеется у Н. Н. Агапитова¹, П. П. Хороших², Т. Савенкова³ и др.

Изображения на скалах Ая, Орсо и Сахюртэ, повидимому, одновременны писанице на скале Саган-Заба. Некоторые рисунки в пади Малый Орсо — более поздние.

В Забайкалье наскальные рисунки с изображением фигур оленей и лошадей, по словам Н. Михно, встречаются на южном склоне котловины Торгытуй, примерно в 7 км от Усть-Кяхты.

Известны изображения оленей, лосей и верблюдов на скалах побережий Селенги, Джиды и Темник.

А. П. Окладниковым разнообразны изображения оленных стад, жилищ оленеводов и самих хозяев этих стад или их антропоморфных богов открыты на скалах верхнего и среднего течения Лены (рис. 14—4). Некоторые из этих изображений А. П. Окладников относит к числу магических.

Высеченные или нарисованные отдельные рисунки оленей иногда совместно с другими копытными встречаются также во многих местах Якутии по Мархе, Омолону, Олекме, Буянды-Чуриту, Нюе и другим рекам.

Обзор писаниц Якутии сделали Н. Н. Грибановский⁴, П. П. Хороших⁵, А. П. Окладников⁶, Г. В. Ксенофонтов⁷ и др.

В системе Амура рисунки оленей известны на скалах по Бикину, Уссури и др. (рис. 14—5). Эти писаницы исследовали А. Альфтан⁸, Ф. Ф. Буссе, Л. А. Кропоткин⁹, А. П. Окладников, Н. Г. Харламов¹⁰ и др.

В связи с затронутым нами вопросом небезинтересно упомянуть о так называемой Дурбильджанской писанице, расположенной на р. Толе в окрестностях Улан-Батора, описанной В. Н. Скалоном¹¹ по материалам музея в Улан-Баторе¹². На этой писанице мы видим сочетание трех сцен (рис. 15). Слева показана охота, где человек преследует диких копытных. Вверху

¹ Н. Н. Агапитов. Археологические исследования в Иркутской губ. в 1881 г. Труды V Археол. съезда в Тифлисе, М., 1887, с рис.; Прибайкальские древности. Известия ВСОРГО, 1882, т. XII, № 4—5, стр. 1—23, с рисунками писаниц.

² П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Известия Биол.-геогр. ин-та при Иркутск. гос. ун-те, 1924, т. I, вып. 1, с рис.; Исторический человек на Байкале. Иркутск, 1928, стр. 1—13, с рис.; Пещеры Байкала. Природа, 1948, № 12, с рис. писаниц.

³ Т. Савенков. Байкал. Журнал «Сибирь», 1925, № 4, стр. 17, 18, с рис.

⁴ Н. Н. Грибановский. Сведения о писаницах Якутии. СА, 1946, т. VIII, стр. 281—284.

⁵ П. П. Хороших. Литература по палеоэтнологии Якутского края. Сб. Трудов «Саха-Кескеле», 1928, № 5.

⁶ А. П. Окладников. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 63—80; Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 99—107; Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 19—57; А. П. Окладников и И. И. Барашков. Древняя письменность якутов. Якутск, 1942, стр. 1—39, с рис.

⁷ Г. В. Ксенофонтов. Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа. Сб. «Бурятияведение», 1927, вып. 3—4, стр. 64—71, с рис.

⁸ А. Альфтан. Заметки о рисунках на скалах по рр. Уссури, Бикину. «Приморские ведомости», 1895, № 66, с рис.

⁹ Л. А. Кропоткин и Ф. Ф. Буссе. Остатки древностей в Амурском крае. Записки Об-ва изучения Амурского края, 1908, т. XII, Владивосток, стр. 58.

¹⁰ Н. Г. Харламов. Руины «Гальбу». Проблемы истории матер. культуры, 1933. № 1—2, стр. 42—44, с рис.

¹¹ В. Н. Скалон и П. П. Хороших. Об оленных масках на Кудинских писаницах. Иркутск, 1949, стр. 1—10, с рис.

¹² Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Предварит. отчеты лингвист. и археол. экспедиций о работах в 1925 г., Л., 1927, стр. 58—84. Г. И. Боровка описывает, видимо, эту же писаницу, однако опубликованные им изображения нисколько не схожи с рисунками, имеющимися в Улан-Баторском музее.

обособленно стоит северный олень с большими ветвистыми рогами, подчеркнуто не боящийся человека — как домашнее животное. Ниже оленя показан человек, следующий за быком, как бы в процессе примитивной пахоты. Справа в углу изображено какое-то копытное животное. Вся композиция этой писаницы, возможно, символизирует сосуществование охотничьего, оленеводческого и земледельческого быта. Дурбильджанская писаница может быть отнесена к памятникам тагарской культуры.

В заключение мы можем сделать следующие выводы:

I. Изображения оленей имеют широкое распространение на писаницах Северной Азии.

II. В распределении оленных рисунков намечается естественная закономерность. В Восточной Сибири наиболее распространены рисунки лосей и

Рис. 15. Наскальные изображения на Дурбильджанской писанице (р. Тола)

северных оленей. Изображения благородных оленей-изюбрей встречаются в пределах современного ареала распространения этих животных и лишь по р. Томи, несколько севернее. В Казахстане встречаются преимущественно изображения благородных оленей-маралов.

III. Оленные писаницы по своим сюжетам могут быть разбиты на следующие группы:

1. Сцены, связанные с хозяйством. На таких писаницах в большинстве имеются сюжеты оленеводства, а именно: а) езда на оленях верхом, б) пастьба стад оленей, как одних, так и с другими домашними животными, в) охрана стад в загородях и т. п.

2. Сцены охоты, где часто, помимо оленей, встречаются рисунки и других копытных.

3. Некоторые из рисунков могли выражать мотивы охотничьей и скотоводческой магии. Древние художники полагали, что с помощью подобных изображений на скалах они приобретают особое могущество и способность усиливать приплод стада реальных животных, повышать добычливость на промысле, подчинять животных на охоте воле охотника и т. п.

Подобные магические приемы для первобытного человека являлись непременной частью его производственной деятельности.

4. Возможно, что некоторые наскальные рисунки являлись изображениями каких-то магических действий человека перед своим тотемом — оленем.

Древний художник, изображая на писаницах своего тотема — оленя (или лося), делал это с определенной целью — получить его помощь в своей практической деятельности.

Исходя из сказанного выше, мы склонны признать всесторонне важное значение, которое имели непологие копытные в жизни первобытного человека в Северной Азии.

Одновременно следует отметить большую древность оленеводства и широкое его распространение у первобытного населения Южной Сибири. Сокращение ареала распространения оленей, а вместе с тем и оленеводства, связано, повидимому, с последовавшими в Северной Азии климатическими изменениями.

Вместе с тем приведенные нами материалы об оленных писаницах позволяют предполагать, что в далеком прошлом смены хозяйственных форм для всей Северной Азии (не говоря об арктической зоне) были одинаковыми.

На некоторых писаницах Северной Азии встречаются также изображения, свидетельствующие об имевшихся в древности попытках лосеводства. Мы видим такие рисунки, как лося в узде, лосей, стоящих в спокойной позе рядом с фигурами безоружных людей, и т. д. Вопрос о лосеводстве мы рассматриваем в особой статье.

В. Л. ВОРОНИНА

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙ МЕТРОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В последние годы широко развернулось историко-археологическое изучение дофеодальных памятников Средней Азии. Суммируя ряд наблюдений, обмеров зданий и отдельных деталей, можно ставить и в значительной мере разрешать некоторые частные вопросы истории среднеазиатского зодчества доарабского времени. В частности, не лишен интереса вопрос о мерах длины в строительном деле.

Весьма естественно предположить, что отдельные размеры постройки соответствовали целым числам единиц длины. Для того чтобы облегчить решение задачи и в то же время ответить на вопрос о существовании некоей системы мер, наиболее характерные данные обмеров собраны в специальную таблицу.

Как видно из таблицы, в древних постройках Средней Азии независимо от их местонахождения часто фигурируют такие размеры, как 1,00 м, 1,10 м, 2,00 м, 2,20 м и т. д. Цифры таблицы создают впечатление, что система мер соответствовала современной метрической. Если же проследить более дробные размеры, они в большинстве случаев кратны величине, которая колеблется в среднем от 50 до 55 см. Поставленная задача может быть решена, очевидно, двояко, т. е. можно принять одно из двух:

1. Единица длины равнялась 1,00 м, 1,10 м или промежуточному значению 1,05 м. В этом случае ей были обычно приравнены такие элементы постройки, как ширина проемов и толщина стен; габариты кирпича составляют уже доли единицы — половину и четверть.

2. Единица длины составляла от 50 до 55 см, наиболее распространенное среднее значение — 52 см. Тогда проемы равны двум единицам, длина кирпича соответствует единице, а ширина его — половине единицы.

Вернее допустить, что первое не противоречит второму, т. е. наравне с полной мерой имела хождение ее половина.

В предлагаемой таблице единица длины вычислена исходя из меньшего значения — от 50 до 55 см. Назовем ее условно локтем.

Для выяснения возможности высказанных предположений приведем некоторые аналогии.

В строительном деле Средней Азии по сей день имеют хождение различные варианты мер длины, основанные на размерностях человеческого тела, однако самым употребительным можно назвать г я з. Гяз не является стандартной единицей, но испытывает некоторые колебания. В Ташкенте

употреблялся специальный строительный гяз, равный расстоянию от концев пальцев вытянутой руки до середины груди, т. е. примерно 0,88 м, который по мере надобности делился на половины и четверти. Помимо гяза, известны «кулёч» — расстояние между концами пальцев вытянутых в стороны рук (два гяза) и «карыш» — четверть. Строительные меры в Шах-рисябзе совпадают с ташкентскими. Однако в таджикской Фергане гяз считается от конца пальцев до плеча (65—70 см); но в числе других мелких единиц употребляется и четверть — «ваджаб»¹.

В «Общей метрологии» Ф. И. Петрушевского находим указание о бухарском «гязи-шаги» (шахский гяз), равном $1\frac{1}{2}$ аршинам (1,07 м), который делился на половины — «ним-гязи» и четверти — «чиряки-гязи». Употреблялся, кроме того, гяз большой, равный двум «гязи-шаги»². Эта старобухарская система по существу совпадает с древней.

С другой стороны, в древнем Иране был в ходу локоть, равный 55 см. и, отчасти, «египетский» локоть — 52 см³. (Арабский локоть равнялся 51,8 см⁴).

Так или иначе нами бесспорно найден тот основной модуль, которым пользовались древние зодчие Средней Азии, в большинстве не совпадающий с существующими системами измерения. Достаточно ясно так же, что в те времена, как и позже, меры длины шли от размерностей человеческого тела.

Важно то, что установленная система мер употреблялась в Средней Азии повсеместно, как показывают данные таблицы. Например, размер 1,10 м наблюдается в памятниках Шаша, Осрушаны, Согда, Хорезма и Термеза. Такое постоянство объясняется опять-таки одинаковыми исходными данными (размеры тела).

Однако установление главного модуля не исчерпывает особенностей материала таблицы. Например, на Ак-тепе близ Ташкента⁵ размер кирпича 23×46 см (табл., № 11), что соответствует не локтю, не частям его или «гяза», а, скорее одной и двум четвертям, т. е. отвечает современной четверти — «карыш». В другом случае четверть составляет 24 см (табл., № 12).

Таким образом, помимо основной системы мер существовала дополнительная — то же, что наблюдается в строительном деле последних веков. Не лишена вероятности возможность существования в древний период еще одной единицы длины — пяди. В древнем Иране наряду с локтем употреблялась пядь, равная 33 см⁶, причем архитекторы старались выразить основные размеры здания одновременно и в локтях и в пядях (что в известной мере было возможно, поскольку три локтя равнялись пяти пядям). Может быть, в Средней Азии соответственно также существовали одновременно и «локоть» и «пядь». В таком случае, однако, размер пяди, как и размер локтя, несколько отличен от персидского и равен 32 см. На Ак-тепе некоторые размеры кратны этой величине (длина пахсовых блоков, местами ширина галлерей и т. д.). Не подлежит сомнению, что измерение пядями было принято в постройках верхнего слоя X—XII вв. на Мунчак-тепе (Фергана)⁷, где размеры кирпича выражаются в числах — 16×32 (иногда 33) см, что соответствует $\frac{1}{2} \times 1$; толщина стен равна одной или двум пядям; пролеты дверей — двум или трем пядям (64 и

¹ Сведения получены автором у мастеров-строителей.

² Ф. И. Петрушевский. Общая метрология. СПб., 1849, стр. 59.

³ По Бабену. Цит. по О. Шуази. История архитектуры, 1935, стр. 125.

⁴ «Der Islam», т. IV, 1913, стр. 199.

⁵ Раскопки УзФАН 1940—1941 гг.

⁶ О. Шуази. Указ. соч.

⁷ Раскопки фархадской археол. эксп. ЛОИИМК 1943—1944 гг.

96 см). В последнем случае размер дверей совпадает с шириной некоторых проходов на Ак-тепе.

В замке Мунчак-тепе (III—IV вв.) размеры строго выдержаны в локтях, и лишь в более поздних частях постройки замечаются некоторые отступления от этой меры (кирпич галлерей 24×48 см измеряется в четвертях, как актепинский).

Четкое измерение четвертями выяснилось в анализе пропорций древних зеравшанских колонн (IX—XII вв.)¹, размеры которых кратны 24 см. Особенно отчетливо размерены четвертями детали урмитанской колонны, где имеют место и дробные размеры (12, 6 и 3 см).

Примечательно то, что в арках иногда ширина не отвечает господствующему модулю, тогда как высота остается ему кратной (табл., №№ 4, 5, 8), или наоборот. В таком случае следует иметь в виду, что в арках, в силу известных геометрических построений, некоторые размеры являются функцией других. Здесь намечается одновременное пользование локтем и пядью.

Таблица позволяет сделать еще одно любопытное наблюдение. Так, если сравнить небольшие габариты с более значительными, в последних единица длины нередко оказывается несколько отличной; например, локоть, определяемый из размеров комнаты, как правило, не совпадает с вычисленным из габаритов кирпича того же памятника и т. д. На Мунчак-тепе локоть, судя по размерам кирпича, равен 52 см; между тем, если вывести его из ширины комнаты, он составит лишь 50 см ($250 : 5 = 50$). На Ак-тепе длина комнаты первого этажа равна 6,05 м, откуда $6,05 \text{ м} : 12 = 50 \text{ см}$; ширина комнаты — 2,05 м и $2,05 \text{ м} : 4 = 51 \text{ см}$ и т. д. Подобное расхождение, очевидно, связано с методом разбивки плана и может происходить от того, что размеры откладывались веревкой, которая то натягивалась, то провисала.

Интересно отметить, что почти всегда размеры пахсовых блоков прямо отвечают метрической системе мер — 0,50; 0,75; 1,00; 3,00 м и т. д.

Цифры таблицы испытывают лишь небольшое колебание. Неполная стандартность мер длины отчасти может быть объяснена деформацией частей здания: стены вследствие размывания и обветривания могут потерять в толщине, причем ширина помещений соответственно увеличивается; проемы с течением времени уширяются за счет разрушения стенок и т. д. В подобных случаях при вычислении модуля должны быть внесены соответствующие поправки. Далее, вполне можно допустить некоторые неточности в постройке. Известная неточность в системе измерения может быть вызвана нестандартностью размеров человеческого тела, от которых она исходит. Но в целом показания таблицы отличаются определенностью и допускают лишь одно толкование.

После того как цифры таблицы расшифрованы и выделен ряд единиц длины древнего среднеазиатского зодчества, сопоставим эти найденные меры с древнерусскими. Весьма много для характеристики среднеазиатской системы измерения дает опыт изучения русской метрологии, предлагаемый Б. А. Рыбаковым в его статье «Русские системы мер длины XI—XV веков»².

Древние среднеазиатские меры длины имеют много общего с русскими. Однако это само по себе не столь удивительно. «Древнейшие основные меры очень просты и общи всему человечеству, как жесты кинетической речи,— отмечает Б. А. Рыбаков,— антропометрический принцип определения мер длины присущ всему человечеству. Важно не только установление

¹ Обмеры автора.

² СЭ, 1949, № 1.

единицы, но и принципа метрологии в целом, где могут быть некоторые отличия. Так, русская народная метрология отличается от древнегреческой, римской или византийской и западноевропейской принципом постепенного деления на 2 (а не на 3)»¹. Но тем самым она сходна с той, которую мы обнаруживаем в зодчестве Средней Азии. Сопоставляя среднеазиатские меры с русскими по данным Б. А. Рыбакова, мы обнаруживаем ряд замечательных аналогий².

МЕРЫ ДЛИНЫ

Русские

Среднеазиатские

А. Простые

1. Сажень простая . . .	—176 см	кулёч
2. Полусажень	—88 см	гяз (ташкентский)
3. Локоть	—44 см	пол гяза
4. Пядь великая	—23 см	карыш

Б. Производные

1. Полусажень	—108 см	бухарский шахский газ—основная единица длины доарабского зодчества
2. Локоть	—44,46 см	встречается в размерах древнего сырда (две четверти)
3. Локоть	—54 см	половина единицы — „локоть“ ³ доарабского зодчества
4. „Пядь с кувырком“—31 см		„пядь“ древности и средневековья Средней Азии

Таким образом, выясняется, что современные народные узбекские меры длины совпадают с циклом русских «простых или основных». Древние же меры длины Средней Азии тяготеют к системе русских «производных». Последнее, весьма вероятно, стоит в связи с тем, что, как нами установлено, древние среднеазиатские зодчие оперировали формулой $\sqrt{2}$ (в геометрическом выражении — диагональ квадрата)³.

Отсюда напрашивается, между прочим, известный общий вывод: колебания формата кирпича, наблюдаемые на различных стадиях среднеазиатского зодчества, связаны непосредственно с изменением системы метрологии.

Подведем краткие итоги нашему исследованию:

1. Можно считать установленной основную меру длины, которой пользовались древние зодчие Средней Азии, составляющую в общем 100—110 см, ее половину, имевшую по крайней мере равное хождение, — «локоть», равный 50—55 см.

2. Прослеживаются дополнительные меры: «четверть» — 23, 24 см и «пядь» — 32 см (получившая более широкое применение в средние века).

3. Замечается тенденция употреблять для различных частей здания разные меры. Так, высота рядов пахсы очень часто выражена в целых мерах, для кирпича употреблялись иногда четверти, а для проемов — пяди. Ширина проемов нередко равна 114, 115 см, что, видимо, не согласуется с обычной мерой — «локтем». При этом, по крайней мере для деталей (арки), отмечено одновременное пользование двумя различными единицами, как это установлено в крупном масштабе Б. А. Рыбаковым для русского зодчества.

¹ Указ. соч., стр. 68, 69.

² Там же, см. таблицу (рис. 1).

³ В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.

Меры длины в древних постройках Средней Азии

№ п/п	Памятник и область	Часть здания	Размер в см			Выражение в предположительных единицах длины			Вычисленная в см единица длины
			длина	ширина	высота	длина	ширина	высота	
Ш а ш									
1	Ак-тепе близ Ташкента	Галлерей		205			4		51
2	Кешк (V—VI вв.)	Стена галлерей		205			4		51
3	„	Комнаты 1-го этажа	605	205		12	4		50—51
4	„	Проем 1-го этажа		96	155		3	3	32 и 52
5	„	то же		96	160		3	3	32 и 53
6	„	Помещение 2-го этажа		230	300 (до пят)		4 ^{1/2}	6	51—50
7	„	Коридор 2-го этажа	530	110	155 (до пят)	10	2	3	53 и 55
8	„	Проемы 2-го этажа		96	160		3	3	52 32 и 53
9	„	то же		115	168		3 ^{1/2}	5 (?)	33 (?)
10	„	Паховые блоки			100			2	50
11	„	Кирпич	46	23		2	1		23
О с р у ш а н а									
12	Мунчак-тепе	Кирпич } Стены } Проемы	48	24		2	1		24
13	Замок (III—IV вв.)		52	26		1	1 ^{1/2}		52
14	„		105	130		2	2 ^{1/2}		52
15	„		100	110		2	2		50
16	„		115	115		2	3 ^{1/2}		55
17	„		250	250		5	5		33
18	„	Галлерей		216			4		50 54
С о г д и а н а									
17	Замок Муг на Зеравшане (VII—VIII вв.)	Кирпич	52	26		1	1 ^{1/2}		52
18	„	Комнаты		220			4		55
19	„	Проемы		112			3 ^{1/2}		32
Г о р о д и щ е в П е н д ж и к е н т е (VII—VIII вв.)									
20	Донжон	Стены, проемы		105			2		52—53
21	„	Коридор		110			2		55
22	Здания шахристана	Ниша		300			6		50
23	„	Помещения	647	353		13	7		55
	„	„	706			14			50
	„	„		1034			20		50
	„	„		810			16		50
24	„	Проемы		255			5		51
	„	„		205			4		51

Продолжение таблицы

№ п/п	Памятник и область	Часть здания	Размер в см			Выражение в предположительных единицах длины			Вычисленная в см единица длины
			длина	ширина		длина	ширина	высота	
Хорезм									
25	Топрак-кала (III—IV вв.)	Помещения		110			2		55
		”		205			4		51
26		Стены		200			4		50
					110			2	
27	Аяз-кала (II—IV вв.)	Галлерей		200			4		50
Беркут-калинский оазис									
Замок № 34 (VII—VIII вв.)									
29	”	Стена		115			3 ¹ / ₂		33
		Проем		110			2		55
30	Джанбас-кала (IV в. д. н. э.— I в. н. э.)	Ниша с бойницами		114			3 ¹ / ₂		32—33
Термез									
31	Чингиз-тепе	Проем		110			2		55
32		Помещение		303			6		50

Примечание: Таблица составлена по обмерам автора за исключением Термеза (см Б. В. Пиотровский. Раскопки на Ченгиз-тепе. Труды УЗФАН, вып. 2, Ташкент, 1941).

4. Отмеченная нами система с последовательным делением на 2 употреблялась повсеместно на территории Средней Азии (по крайней мере, в Хорезме, бассейнах Сыр-Дарьи и Зеравшана, древнем Термезе).

5. Эта система мер, насколько можно судить, в основном не согласуется с современной народной системой мер длины и относится к ней как «производные русские» к «русским простым».

Предлагаемая краткая статья показывает, что подробное изучение мер длины Средней Азии как современных, так и древних обещает чрезвычайно интересные результаты.

И. Г. СПАССКИЙ

АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ ДАННЫХ В НУМИЗМАТИКЕ

(Доклад, прочитанный на заседании Сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1950 г.)

Научная ценность систематизации монет при изучении какого-либо исторического периода в значительной мере определяется тем, насколько поддаются датировке составляющие изучаемую группу отдельные монеты.

Однородные группы монет, на которых отсутствует обозначение даты их выпуска, обычно приходится относить к более или менее определенным периодам, от нескольких лет и чуть ли не до столетия. Целям изучения недатированных монет служат изучение и сравнение состава кладов и веса монет, анализ особенностей их эпиграфической и иконографической сторон и другие пути косвенной датировки, не говоря уже об истолковании документов, затрагивающих вопросы истории денежного дела того или иного периода. Однако эти возможности исследования не всегда имеются налицо в такой мере, чтобы обеспечить надежные и убедительные выводы. Заключительный этап систематизации внутри подобных групп недатированных монет нередко приобретает чисто формалистический характер, основываясь только на «сортировке» внешних признаков монет.

Занимаясь вопросами истории денежного обращения в Московском государстве XVI и XVII вв., я остро ощутил неудовлетворительность существующей систематизации монет этого периода. Как известно, только немногие типы копеек Новгородского монетного двора, выпускавшиеся с 1596 по 1610 г., имеют даты. Все остальные монеты определяются помещенными на них именами и титулами правителей. Их систематизация заканчивается на частичной разбивке по чекану трех монетных дворов — Московского, Новгородского и Псковского. Начиная с 30-х годов XVI в. и на протяжении почти двух столетий серебряные копейки сохраняют устойчивый внешний вид: на лицевой стороне помещается изображение князя или царя с копьём, на коне, а всю оборотную сторону занимает надпись в 4—6 строк, содержащая титул и имя правителя.

Период XVI—XVII вв. является наименее изученным в русской нумизматике, несмотря на исключительное богатство монетного материала. Обработка значительного количества монет нескольких кладов XVI и XVII вв. подсказала мне метод изучения, открывающий некоторые возможности приводить в систему большие группы недатированных монет, рассматривая каждую из них как памятник определенного производственного процесса. В основу этого метода кладется использование некоторых особенностей техники чеканки, устанавливаемых на основании самих монет как продукта этой техники.

Основными орудиями для производства чеканных монет являются штемпеля. Каждая монета, имеющая лицевую и оборотную сторону, рассматриваемая в качестве технического изделия, может быть определена как результат взаимодействия пары штемпелей. Применение двух орудий для изготовления одного предмета является основным моментом, позволяющим приводить в связь разные монетные типы.

Отказ, по той или иной причине, от одного штемпеля обычно не влечет за собой замену второго. Последний, оставаясь в работе, участвует в создании другого или других типов. Таким образом, возникает группа родственных монетных типов, объединяемых тем, что в их создании участвовал один и тот же штемпель. Разновременная замена лицевых и оборотных штемпелей все более наращивает связи между различными монетными типами. Выявление этих связей вскрывает своего рода цепи разновременных явлений, соответствующих тому или иному отрезку времени.

Изучение и установление технических связей между монетными типами позволяет не только определять данный монетный тип, находя его место среди других, но направляет и сосредоточивает внимание на динамике монетного производства, представляя его как процесс. Применение этого метода изучения дает возможность гораздо более уверенно и обоснованно использовать все упомянутые выше пути исследования монет.

Факт повторного использования одних и тех же лицевых или оборотных штемпелей для чеканки монет новых типов давно известен в нумизматике. В различных каталогах приняты ссылки на ранее описанную лицевую или оборотную сторону монеты. Описываемые монеты нередко располагаются группами, объединяемыми общностью одного из штемпелей. Однако изучение сродства монетных типов, связи между ними, определяемой общими штемпелями, еще не оценено в достаточной мере. Объектом изучения оставалась по существу каждая монета в отдельности. Ссылки на другие типы служили чисто техническим, описательным средством.

Один из известных русских нумизматов, И. И. Толстой, в своих исследованиях всегда уделял много внимания данным техники чеканки. Как известно, идентификация штемпелей позволила ему решить ряд важных вопросов классификации русских монет XI в. В двух работах, посвященных монетам Новгорода и Пскова¹, Толстой впервые последовательно применил необычный метод систематизации монет по штемпелям. Его материал был особенно неблагоприятным, так как те и другие монеты на протяжении многих десятилетий сохраняют единообразные изображения и надписи и не имеют ни дат, ни каких-либо других элементов, уточняющих время выпуска отдельных монет. Можно сказать, что до Толстого систематизация этих «глухих» монет вообще отсутствовала. Метод Толстого может быть определен как систематизация по одному штемпелю. В обеих работах Толстой положил в основу систематизации установление тождества штемпелей. В результате изученные монеты были сгруппированы в своего рода «семьи», образуемые сочетанием одного лицевого штемпеля с разными оборотными. В качестве вспомогательной такая же работа была проделана с каждым оборотным штемпелем. Толстой сам указывал, что по существу он предлагает две равнозначные системы классификации своего материала, имеющие вполне самостоятельное значение. И в том и в другом случае объединяемые общим штемпелем «семьи» не соподчинены друг другу. Последовательность их описания осталась произвольной и основывалась на чисто формальных признаках, вплоть до алфавитного порядка букв, встречающихся на лицевой стороне монет. Материал делился на

¹ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика. Вып. I. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884; вып. II. Монеты псковские. СПб., 1886.

типы, отделы, разряды, разновидности, что приводило его в стройную, но совершенно внеисторическую систему.

Начинание Толстого не было оценено до конца ни им самим, ни, тем более, современниками. Излагая планы своих дальнейших исследований допетровских монет, Толстой писал: «Кто знает, приведется ли мне осилить весь материал? Между тем, если способ обработки его, обозначившийся в первых выпусках, встретит сочувствие, можно надеяться что ...найдутся и продолжатели моего труда». Но не только дальнейшая разработка метода Толстого, но даже и применение его в первоначальном виде почти не имели места до последнего времени, что и не удивительно, так как систематизация по способу Толстого, не представляя каких-либо преимуществ для исторического изучения монет, очень громоздка. Кажется странным, что Толстой, имевший в руках вполне подготовленный и сгруппированный по обоим штемпелям материал, даже не сделал попытки каким-либо способом свести воедино результаты своей огромной работы.

При изучении «родства» монетных типов по штемпелям сам собой напрашивается графический метод выражения их соотношений. Переноса на бумагу ту или иную монету в виде пары соединенных линией кружков и связывая с ними кружки, обозначающие штемпели других монет, мы в конце концов получаем цепь, которую остается распутать, или звенья цепи (иногда — цепей), которые нужно попробовать расставить по своим местам.

Предметом систематизации становятся не монеты сами по себе, а представляемые ими штемпели. Внимательное изучение их позволяет внести ряд дополнительных уточняющих моментов при предлагаемом способе систематизации нумизматического материала. Монета, в зависимости от ее сохранности, дает более или менее полное представление о рабочих частях обоих отчеканивших ее штемпелей, нередко позволяя установить даже состояние последних в момент чеканки. В кладах встречаются монеты, отчеканенные испорченными ржавчиной штемпелями, и монеты, отчеканенные такими же неповрежденными штемпелями. В документах XVII в. встречаются упоминания о подрезке, подчистке штемпелей; сравнение однотипных монет иногда обнаруживает различия, идущие от такой подправки.

Особенно интересные наблюдения можно сделать, разбирая крупные партии однотипных монет XVI—XVII вв., штемпели которых были переведены с маточников. Переход от непосредственной резки на каждой штемпельной болванке углубленных изображений и надписей к механическому изготовлению штемпелей посредством маточника был крупным достижением монетной техники. Вырезанное на конце железного стержня выпуклое изображение, полностью соответствовавшее задуманному виду одной из сторон монеты, после закалки железа служило для выбивания на срезе раскаленной штемпельной болванки углубленного зеркального изображения, которое, после закалки штемпеля, становилось его рабочей частью.

Наблюдения подсказывают, что, помимо маточников с изображениями и надписями, употреблялись специальные кольцевые маточники для ободков — точечные или линейные. Хорошо известны совершенно однотипные монеты отличной сохранности, различающиеся лишь присутствием или отсутствием ободка, ограничивающего занятую изображениями и надписями площадь. Возможно, что кольцевой маточник появился еще в то время, когда сами штемпели резались от руки.

Маточник служил для размножения одинаковых штемпелей. Вышедший из строя штемпель мог быть заменен таким же. С появлением маточника резко увеличивается возможная длительность выпуска монет того или иного типа. Однако и маточник в работе изнашивался, а иногда его намеренно изменяли путем определенных переделок.

Внешний вид монеты позволяет установить, какие ее изменения являются первичными и идут от маточника и какие вторичные — от штемпеля. Нечаянное или намеренное изменение маточника возможно лишь за счет утраты части рельефа, что передается в конечном итоге через штемпель монете. Изменение штемпеля, напротив, возможно только за счет добавления на нем каких-либо дополнительных углублений. В этом случае монета получает соответствующие дополнительные детали изображения или надписи.

При работе прежде всего изнашивались наиболее хрупкие, тонкие детали рельефа рабочей части маточника. Многие группы однотипных монет позволяют установить до 4—5 состояний маточника, передававшего все больше своих дефектов повторным штемпелям. На копейках XVI—XVII вв. в таких случаях можно проследить, как постепенно исчезали части ног коня, детали развевающегося плаща всадника и другие тонкие части изображений. В надписях также прослеживается постепенное разрушение букв.

Хотя вполне возможно, что в известные моменты на монетном дворе могли вводиться в работу одновременно несколько одинаковых штемпелей-близнецов, но наблюдения показывают, что чем позже употребляется какой-либо ранее известный штемпель, тем больше дефектов имеет его рабочая часть. Поэтому один и тот же монетный тип только по состояниям штемпеля (т. е. маточника) иногда может быть разбит на ряд «возрастных» групп. В разнотипных группах монет, созданных общими лицевыми или оборотными штемпелями, состояние последних помогает устанавливать смену типов.

Далеко не всегда смена штемпелей вызывалась порчей или износом рабочей поверхности. Вполне исправный штемпель должен был заменяться, если он переставал удовлетворять требованиям, предъявляемым к монете в данный момент. Датированный штемпель делается непригодным с наступлением нового года; штемпель с обозначением имени заменяется при появлении нового правителя. Вполне понятно, что наиболее долго удерживались в производстве монетных дворов такие штемпели и маточники, которые не имели подобных ограничений их годности. Таковы, например, лицевые и оборотные штемпели новгородских и псковских монет или лицевые штемпели большинства монет XVI и XVII вв., на которых нет ни имен, ни дат.

Ряд наблюдений убеждает, что штемпели и маточники, выведенные в тот или иной момент из производства, как правило, длительно сохранялись на монетных дворах. Иногда создавалось положение, при котором отставленный в свое время именной (оборотный) штемпель снова мог пойти в работу. Например, в 1608 г., когда Псков принял сторону второго Самозванца, здесь были отложены штемпели с именем Шуйского и произошел возврат к оставленным в свое время штемпелям с именем Дмитрия Ивановича. Таким образом, полностью был восстановлен тип монет, выпускавшихся ранее.

Сочетание некоторых штемпелей в московском и псковском чекане конца XVI и начала XVII в. позволяет признать, что в кратковременное правление Федора Борисовича Годунова была начата чеканка монет с его именем посредством лицевых штемпелей, появившихся при Борисе. В качестве оборотных были использованы некоторые старые штемпели правления Федора Ивановича. Последнее было возможно по той причине, что в начале правления Федора Ивановича, как и при Грозном, еще ни один монетный двор не помещал на монетах отчество царя, а в Пскове оно появилось только при Борисе. В данном случае старый штемпель выступает в новом значении.

Повторяемость многих штемпелей в разных монетных типах бросается в глаза при самой поверхностной разборке монет любого клада XVI—XVII вв., как, впрочем, и более раннего времени. Особенно интересно встретить один и тот же штампель в чекане разных монетных дворов. Самые неожиданные связи открываются не только во времени, но и в пространстве.

Случаи анахронического выпуска монет какого-либо из прежних типов выявляются не так легко. Здесь большое значение имеет изучение состояния штемпелей, особенно если наблюдения за ними подтверждаются и изменением веса монет. Гораздо легче вскрывается анахроническая природа монетного типа, если оборотный штампель с именем, не соответствующим времени выпуска, был изготовлен заново.

Установление тождества штемпелей, особенно при обработке русских кладов, когда приходится просматривать значительное количество монет, сравнивая их между собой, является трудоемким и довольно утомительным занятием. Нашим монетам до начала XVIII в. свойственно заметное несоответствие между размерами и формой рабочей части штемпеля, с одной стороны, и подготовленных для чеканки пластинок — с другой. Поэтому далеко не всегда на монету полностью переходило изображение или надпись. Такие же результаты давали небрежная накладка пластинки на нижний штампель или неточная установка верхнего. В том и в другом случае часть соответствующего изображения или надписи оставалась вне поверхности пластинки. Даже при небольшом наклоне верхнего штемпеля в момент тиснения (удара молота по головке штемпеля), рельеф на обеих сторонах монеты передается только частично, постепенно сходя на нет.

Часто возникают сомнения относительно возможности идентификации штемпелей тех или иных монет. Особенно утомительно сравнение строчных надписей. В таких случаях полезным оказывается обыкновенный простой и дешевый линзовый стереоскоп, которым можно пользоваться без всякой переделки его. При небольшой привычке к нему он облегчает и ускоряет сличение. Две монеты одного штемпеля с частичными изображениями дают более полное или, в лучшем случае, полное и слитное изображение. Самое небольшое несоответствие хотя бы и очень сходных штемпелей вызовет раздвоение проекции. Можно прибегать также к складыванию двух негативов (при равном масштабе съемки) или наложению на один снимок обрезка второго.

При изучении монет XVI—XVII вв. анализ соотношений штемпелей, осуществленный графическим методом, дал чрезвычайно интересные результаты. Прежде всего легко и без остатка разошлись по своим местам все монеты, не имеющие знаков монетного двора, благодаря тождеству оборотных штемпелей. Четко выявилась руководящая роль Московского монетного двора, посылавшего в определенные моменты свои штампели в Новгород и Псков. Среди огромного разнообразия монетных типов времени Грозного обособилась самостоятельная линия монет, которые с большим основанием можно отнести к известному, но ранее неустановленному новгородскому чекану Ивана Грозного. Ряд наблюдений в области стиля изображений, изменения монетной легенды (порядок слов в титуле, появ-

¹ В XVI—XVII вв. при чеканке копеек и денег на верхнем штемпеле помещалась всегда надпись, а в «стуле» укреплялся лицевой. Об этом свидетельствуют как сохранившиеся штампели петровского времени, так и часто встречающиеся дефектные монеты XVI—XVII вв., на которых с обеих сторон оттиснулись изображения — одно выпуклое, второе вогнутое. Такие монеты получались в том случае, если чеканщик не замечал, что в верхнем штемпеле застряла только что отчеканенная монета. Последняя при новом ударе своим выпуклым изображением выдавливалась на оборотной стороне следующего экземпляра углубление.

ление отчества) и прямые и косвенные связи разных групп с кратковременным чеканом датированных монет в Новгороде дают дополнительные хронологические точки в разных типологических «цепях».

Особенно интересными оказались результаты изучения монет периода польско-шведской интервенции начала XVII в. Важные документы этого периода, касающиеся истории денежного дела, до последнего времени не были подтверждены данными нумизматики. Таковы материалы о шведской чеканке в Новгороде между 1611—1617 гг.¹ или о монетном дворе Временного правительства 1612 г. в Ярославле².

Историей денежного обращения этого периода частично занимались экономист И. И. Кауфман, историк С. Б. Веселовский и нумизмат С. И. Чижов³. Их полемика очень обеднила сущность вопроса и свелась к бесплодному спору о том, кто из двух царей — Шуйский или Михаил Федорович впервые снизил вес серебряной копейки в начале XVII в. В действительности это было делом интервентов. Начали поляки, продолжали шведы.

Хотя в решении вопроса об изменении монетной стопы основная роль принадлежит анализу состава кладов и изучению слагающих их весовых групп монет, выявленные соотношения штемпелей — и непосредственно и косвенным образом — сыграли здесь очень важную роль.

Изучение линий, образуемых родственными монетными типами в чекане Новгородского денежного двора этого времени, помогло выявить не установленную до последнего времени, но представленную огромным монетным материалом группу монет, выпускавшихся в Новгороде шведскими оккупантами. Вводя в производство некоторые «архивные» штемпели, они основательно запутали и новгородскую нумизматику и нумизматов. Можно считать твердо установленным, что все легковесные новгородские копейки с именем Шуйского чеканены шведами в 1611—1617 гг.

Соотношения штемпелей позволили увязать нумизматический материал и с данными известных учетных книг Новгородского денежного двора конца 1610 — первой половины 1611 г.⁴, выпукло выявив историю денежного дела в Новгороде в короткий, но насыщенный событиями период от сведения Шуйского с престола до захвата Новгорода шведами.

Наконец, совершенно исключительная роль принадлежит анализу соотношений штемпелей в неожиданном и простом решении одного старого нумизматического спора. Со времени О. Беляева⁵ в нашей нумизматической литературе был поставлен вопрос о существовании монетного двора в Ярославле. Поводом к возникновению этого вопроса послужили встречающиеся в большом количестве в собраниях и кладах копейки Федора Ивановича с буквами АСР под изображением. Обзор истории изучения этих

¹ К. И. Якубов. Русские документы Стокгольмского государственного архива. Чтения ОИДР, 1891, 1, IV.

² Л. М. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (материалы). Чтения ОИДР, 1915, IV.

³ И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910; С. Б. Веселовский. Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском; С. И. Чижов. О весе копеек царя Василия Шуйского. «Нумизматический сборник», II, М., 1913.

⁴ АЮБ, II, № 129.

⁵ О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого. Отд. 3-е. СПб., 1800, 31. Беляев пользовался рукописными материалами Кунст-камеры. Повидимому, интересующие нас монеты впервые были названы Ярославскими в рукописи «Каталог находящихся в Минц-кабинете при Императорской кунст-камере старинным и новых времен российским деньгам, монетам и медалям по ревизии 1768 году» (л. 25, № 4). Рукопись переплетена вместе с материалами указанной ревизии и хранится в настоящее время в отделе нумизматики Эрмитажа.

монет сделал А. А. Ильин¹, который пришел к заключению, что при Федоре Ивановиче в Ярославле действительно существовал монетный двор.

В 1915 г. Л. М. Сухотин, публикуя челобитную «бойца» Ярославского монетного двора М. Юрьева, в которой говорилось о закрытии и передаче этого двора в Москву, впервые указал, что в период пребывания народного ополчения Пожарского и Минина в Ярославле там существовал монетный двор, закрытый в начале 1613 г. Публикация Сухотина и послужила основным доводом для приведенного выше утверждения А. А. Ильина. Однако все монеты от времени Грозного до начала интервенции без остатка расходятся по трем группам чекана трех старых монетных дворов и для Ярославского ничего не остается. Монеты же народного ополчения оставались неизвестными, и даже вопрос о них не был поставлен.

Изучение соотношений штемпелей всех известных типов копеек Федора Ивановича выявило полную изолированность монетного типа с буквами А^СР и еще одного типа от всех других типов этого правления, образующих сложный и запутанный клубок связей. Еще больше изолируются оба типа особым и устойчивым весом их монет, который полностью соответствует весовым группам, возникающим не ранее конца 1610 г. в захваченной поляками Москве и не ранее 1611 г. в Новгороде.

Лицевые штемпели обоих монетных типов, приписываемых их надписями времени Федора Ивановича, не оставив никакого следа в чекане Годунова, Лжедмитрия, Шуйского и Владислава, неожиданно снова возникают перед нами в раннем чекане Михаила Федоровича. Соотношения штемпелей и вес монет обоих типов дают все основания признать, что в 1612 г. Временное правительство в Ярославле выпускало свои монеты с именем сына Грозного — последнего русского «прирожденного государя» — Федора Ивановича. Выделяется и небольшая группа ярославских монет Михаила Федоровича начала 1613 г., чеканенная одним из упомянутых штемпелей. Другой, переданный в 1613 г. на Московский монетный двор, еще позже был использован в московском чекане.

Таковы основные, наиболее существенные результаты применения метода анализа соотношений штемпелей в сочетании с другими возможностями изучения нумизматики XVI и начала XVII в. Разработка и применение этого метода могут существенно углубить изучение многих разделов нумизматики. В частности, проделанная И. И. Толстым работа по идентификации множества новгородских и псковских штемпелей, приведенная в единство графическим способом, несомненно, даст важный и интересный материал для истории денежного дела на Руси и увенчает огромный труд этого исследователя.

В заключение следует указать, что метод систематизации монет по соотношениям штемпелей применим не только при изучении недатированных монет. Для примера укажу на московский период петровской нумизматики, где далеко не ясен объем деятельности существовавших трех монетных дворов. Везде, где исследователь располагает достаточно обширным материалом, изучение соотношений штемпелей может принести существенную пользу.

¹ А. А. Ильин. Монетный двор в Ярославле. Известия РАИМК, т. I, 1920.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ С ОСТРОВА ФАДДЕЯ*(„Арктический палеолит“ у берегов Таймыра)*

В 1945 г. на одном из трех островов Фаддея, Северном острове, расположенном у восточных берегов Таймырского полуострова, примерно в 130 км к востоку от м. Челюскина (рис. 16) при изучении замечатель-

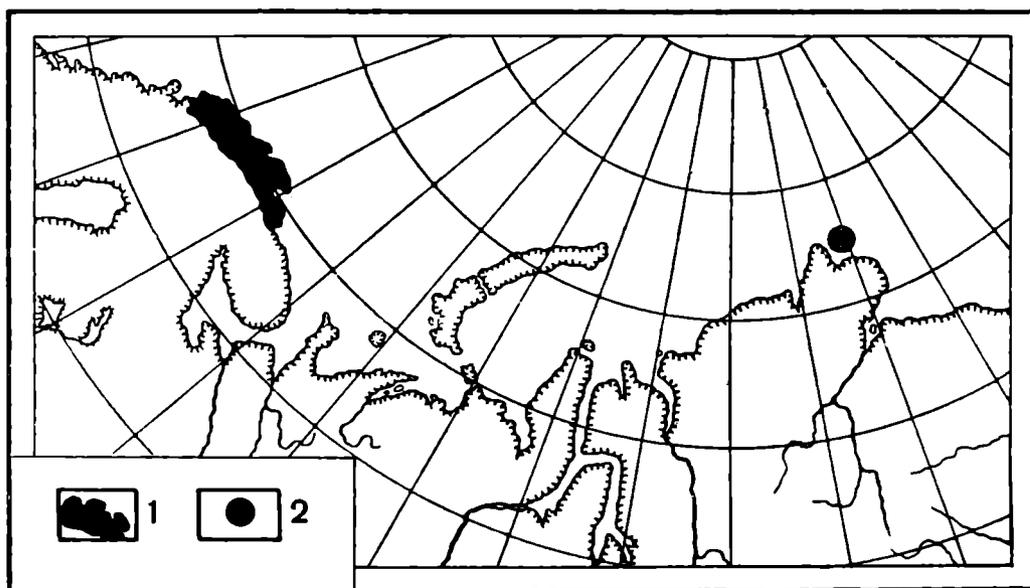

Рис. 16. Карта распространения «арктического палеолита» и место находок на о. Фаддея

1 — район распространения «арктического палеолита»; 2 — находка на о. Фаддея

ного памятника древнерусских полярных плаваний — лагеря мореходов первой четверти XVII в. была сделана еще одна любопытная археологическая находка, но уже совершенно иного характера.

Северный остров Фаддея площадью всего около 4,5 км² имеет очерта-

¹ Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке. Проблемы Арктики, 1943, № 2; А. П. Окладников. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. Доклады юбилейной сессии Арктического ин-та, М.—Л., 1945; А. П. Окладников. Археологические находки на о. Фаддея. Проблемы Арктики, 1946, № 2.

ния, близкие к прямоугольным, но с заостренным западным концом. Около трех четвертей острова заняты возвышенностью (высотой до 20 м), оконечной скалистыми обрывом, омываемым морем. Остальная часть острова, приходящаяся на его западную оконечность, отделена от восточной неглубокой ложбиной и расположена значительно ниже ее.

Большая часть острова представляет собой голую тундру, однообразная поверхность которой оживлена скалистыми выходами и россыпями. На этих скалистых выходах во многих местах видны яркие следы деятельности ледника: скалы сглажены и округлены, на них пропаханы глубокие параллельные борозды, строго ориентированные в меридиональном направлении. Остальная часть острова, прикрытая сверху глинистым слоем, представляет собой, повидимому, массу ископаемого льда, отвесная стена которого кое-где обнажается вдоль берега.

В районе маленькой бухточки, единственной на восточной оконечности острова, где пробегает небольшой ручеек, у гурья, сложенного гидрографами из каменных плит на скалистой поверхности острова, покрытой глинистыми пятнами, у берега нами были обнаружены обломки зуба мамонта.

При тщательном обследовании этого места В. Д. Запорожская подняла камень, имевший признаки искусственной обработки (рис. 17—1). Поблизости нашелся еще второй такой же (рис. 18—2). При последующих работах на острове, к сожалению, очень непродолжительных, было найдено еще одно изделие (рис. 17—2). Оно оказалось на расстоянии 180—200 м от низкого в этом месте берега, на пологом склоне возвышенности острова, покрытом размытой глинистой толщей. Последнее изделие (рис. 18—1) такого же рода встречено неподалеку от лагеря промышленников-мореходов XVII в.

Ввиду несомненных признаков искусственной обработки эти предметы, обнаруженные в таких высоких широтах, на самом «краю света» (даже и для коренных жителей сурового Таймырского края), заслуживают особого описания.

1 (рис. 17—1) — изделие типа миниатюрного острия — «рубильца». Изготовлено из массивной галечки светлоричневой, с фиолетовым оттенком, метаморфической породы. Один конец галечки, оставленный без обработки, представляет пятку изделия, другой превращен рядом боковых крутых и широких сколов в массивное кривое острие, треугольное в поперечном сечении. Сбоку у острия имеется довольно глубокая выемка. Длина изделия — 6,2 см.

2 (рис. 18—2) — изделие из продолговатого обломка плотного мелкозернистого кварцита светлоричневого цвета с розовым оттенком. Вдоль одного длинного края предмета уцелела галечная корка; край этот является его спинкой и хорошо помещается в руке. Противоположный край изделия обработан на широком конце несколькими большими стесывающими сколами. Кроме того, на его углу имеются еще две узкие параллельные фасетки и следы других неудавшихся узких сколов, так как материал оказался слишком неподатливым и грубым для более тонкой обработки. Выпуклое подпрямоугольное лезвие орудия дополнительно обработано мелкими сколами. Длина изделия — 9 см. Его можно назвать скребловидным инструментом.

3 (рис. 17—2) находка представляет собой обломок зеленовато-серой кварцитовой гальки, сохранившей еще часть галечной корки. Остальная поверхность обломка обработана длинными и довольно узкими сколами так, что по характеру и расположению сколов изделие приближается к нуклеусу призматического типа. Как у всякого нуклеуса, здесь имеется и настоящая площадка скалывания, образованная одним поперечным сколом. Длина (высота) изделия — 3,8 см.

4 (рис. 18—1) — плоская небольшая галечка из той же породы, что и предмет, описанный выше (см. рис. 17—1). На одном конце галечки имеется короткое лезвие, образованное грубыми сколами.

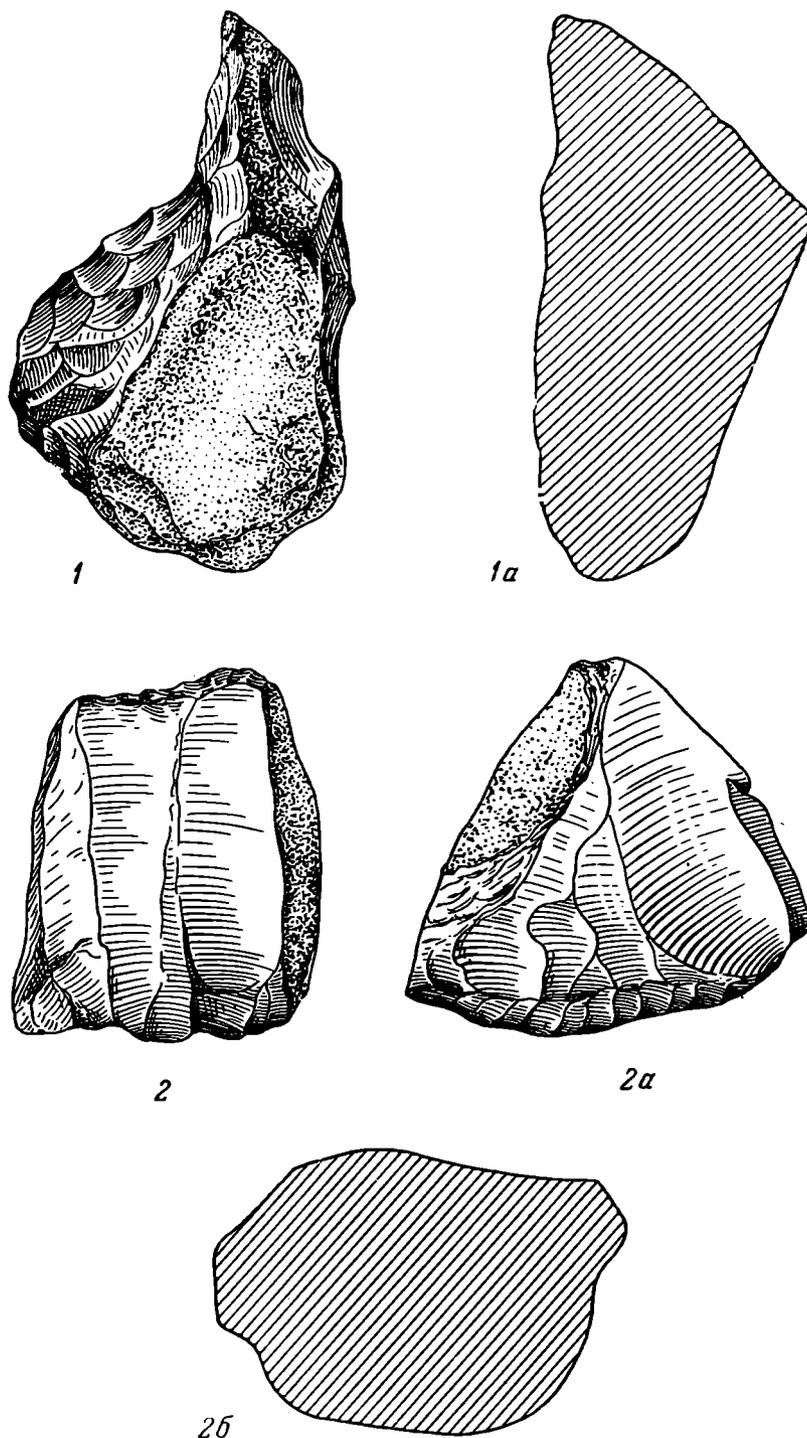

Рис. 17. Каменные изделия с о. Фаддея
1, 1а — остроконечник; 2, 2а, 2б — нуклеус

Как видно из описания, следы обработки на первых трех образцах нашей коллекции выражены столь определенно, что их трудно объяснить чем-либо иным, кроме сознательной и планомерной деятельности человека. Едва ли можно предполагать здесь, например, следы деятельности ледника или морских волн. Этому решительно противоречат как формы описанных

предметов, так и наличие настоящих сколов при отсутствии каких-либо следов окатанности; сколы на них достаточно свежи и резко отличны от следов более древних изломов. Не менее важно и то обстоятельство, что на острове не встречается кварцит, из которого сделаны изделия 2 и 3.

Но кем и когда были оставлены эти изделия, оказавшиеся по соседству с зубом мамонта, в самой глубине арктической пустыни, около 78° с. ш., на необитаемом острове в ледяных пространствах Ледовитого моря?

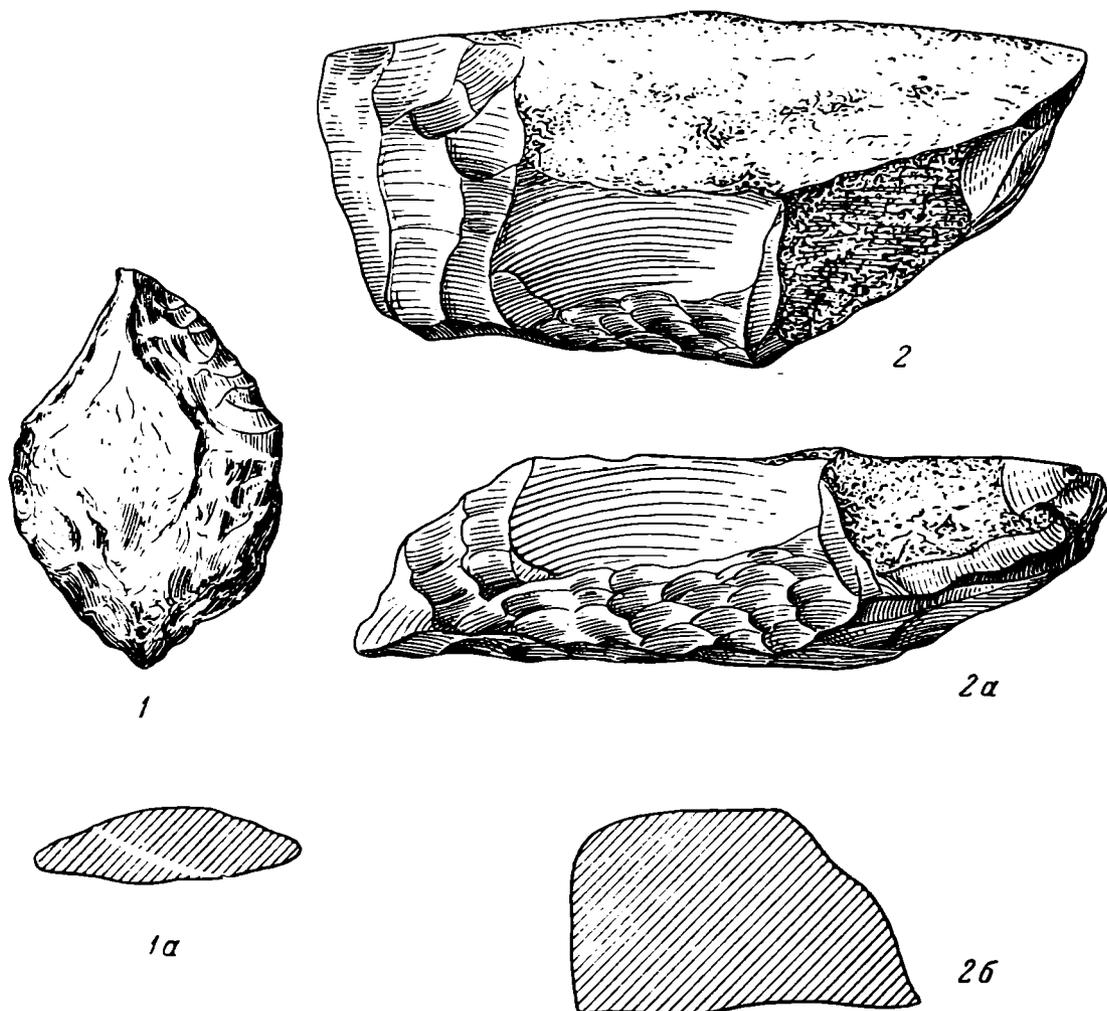

Рис. 18. Каменные орудия с о. Фаддея
1, 1а — галька с ретушью; 2, 2а, 2б — скребловидный инструмент

Первое, что вспоминается при взгляде на эти обработанные камни с о. Фаддея, это — «арктический палеолит» северных областей Западной Европы и Европейской части СССР.

Как там, так и здесь в дело шел неблагоприятный и грубый материал, в том числе метаморфические сланцы и кварциты.

«На первом месте, — пишет исследователь стоянок „арктического палеолита“, — здесь должен быть поставлен кварцит, особенно в виде буровато-красной или малиновой разновидности. Менее широко использовался белый, серый и слегка рассланцованный зеленоватый кварцит. Эти кварциты, коренные выходы которых известны среди нижнекембрийских отложений Финмаркена, довольно часто встречаются в виде валунов или гальки крупных размеров среди ледниковых и моренных отложений. Эта порода, которую человек собирал на поверхности береговых валов или пляжей,

непосредственно использовалась в качестве нуклеусов, без всякой предварительной подправки»¹. То же самое мы видим и на нуклеусе с о. Фаддея (рис. 18—2). Как на о. Фаддея, так и на севере Европы в инвентаре памятников «арктического палеолита» встречаются грубые архаические формы каменных орудий типа «рубил», острий и скребел вместе со столь же грубыми нуклевидными вещами. Нуклеус призматического облика с о. Фаддея, с которого сняты были тонкие пластины, напоминает также о втором компоненте каменного инвентаря стоянок «арктического палеолита» — изделиях из тонких пластин.

Не исключено, следовательно, что в то время, к которому относятся самые ранние памятники «арктического палеолита» (конец палеолита и начало неолита, время, соответствующее стадии Лингби на севере Европы и позднейшим палеолитическим поселениям Сибири), вдоль всего арктического побережья от Финмаркена до Таймыра уже кочевали бродячие охотники тундры.

Вполне допустимо также предполагать, что это время совпадает с широким потеплением Арктики в послеледниковое время, когда и в ее высоких широтах распространялась лесная растительность и, следовательно, существовали несравненно более благоприятные условия, пользуясь которыми человек, а может быть, и мамонт проникли далеко на север².

Нужно ожидать, что дальнейшие поиски принесут еще немало неожиданностей и в полной мере осветят эту первую, а потому пока загадочную находку. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы советские полярники больше уделяли внимания археологическим находкам в районах их деятельности, не исключая и таких невыразительных, на первый взгляд, предметов, как описанные выше.

¹ Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на Севере СССР. СА, 5, стр. 127.

² Б. А. Тихомиров. О лесной фазе в послеледниковой истории растительности севера Сибири и ее реликтах в современной тундре. «Материалы по истории флоры и растительности СССР», I, М.—Л., 1941.

Г. А. ЧЕРНОВ

ПЕТРУШИНСКАЯ СТОЯНКА НА СРЕДНЕЙ ПЕЧОРЕ

Летом 1942 г. при обследовании речных террас на правом берегу Печоры, против устья, у д. Петрушино мною была обнаружена одна стоянка древнего человека.

Река Печора от с. Троицко-Печорского течет на север, северо-запад, почти совершенно не меандрируя, за исключением небольших излучин, направленных к юго-западу в районах дд. Покча и Скаляп. Только в этих местах Печора подходит к левому коренному берегу, правый же коренной берег, повидимому, расположен на значительном расстоянии от русла реки и ею нигде на описываемом участке не подмывается.

Еще более широкая долина Печоры наблюдается вблизи устья р. Вель-ю, где и левый коренной берег далеко отходит от русла реки к западу. Таким образом, Печора, имея местами долину более 10 км ширины, течет почти исключительно среди аллювиальных отложений, причем наиболее древние террасы чаще наблюдаются на правом берегу. Обнаженность берегов здесь очень слабая, даже хорошо развитые террасы и те в большинстве случаев имеют пологие задернованные склоны. В основании коренных берегов и древних террас выступают лишь одни четвертичные отложения, представленные моренными суглинками. На протяжении отрезка от р. Вель-ю до д. Савин-бор Средняя Печора, сильно меандрируя, имеет общее направление долины на СВ. Благодаря большим излучинам здесь наблюдается сравнительно хорошая обнаженность берегов, причем русло реки чаще подходит к правому коренному берегу, а левый обычно далеко отстоит от реки, и она подходит к нему только ниже устья р. Щербины. На этом отрезке Печоры коренные берега ее сложены, так же как и выше по течению, четвертичными отложениями, которые представлены иногда двумя горизонтами моренных суглинков, разделенных песком, повидимому, флювиогляциального происхождения. Здесь также хорошо развиты и террасы.

На пройденной части Средней Печоры можно выделить до пяти террас.

Первая пойменная терраса имеет те же ступени, какие были установлены нами на Верхней Печоре и на ее правом притоке — р. Ылыча¹. К нижней ступени нами отнесены отмели, имеющие до 3 м высоты². Они наблюдаются по всей Средней Печоре, хорошо выражены, главным обра-

¹ Г. А. Чернов. Аллювиальные отложения верхней Печоры и Ылыча. Труды Печорско-Ылычского гос. заповедника, вып. I, 1940; он же. Образование террас Печорского бассейна. Труды Северного геологического управления, вып. 14, 1944.

² Над меженным уровнем реки.

зом на мысках крутых излучин, и наибольшим развитием отличаются в местах сильного меандрирования реки. Иногда значительные отмели можно было встретить на вогнутом берегу, как, например, у устья р. Амбарной, и довольно часто у нижних концов островов. Отмели Средней Печоры сложены преимущественно песками и частично галечниками.

Вторая ступень I пойменной террасы имеет до 6 м высоты. Она представляет собой уступ, обычно заросший главным образом ивняком, и на ней располагаются сенокосные угодья. Эта терраса обычно представляет неровную поверхность, на которой можно встретить множество понижений, иногда заполненных водой и вытянутых в общем вдоль русла реки.

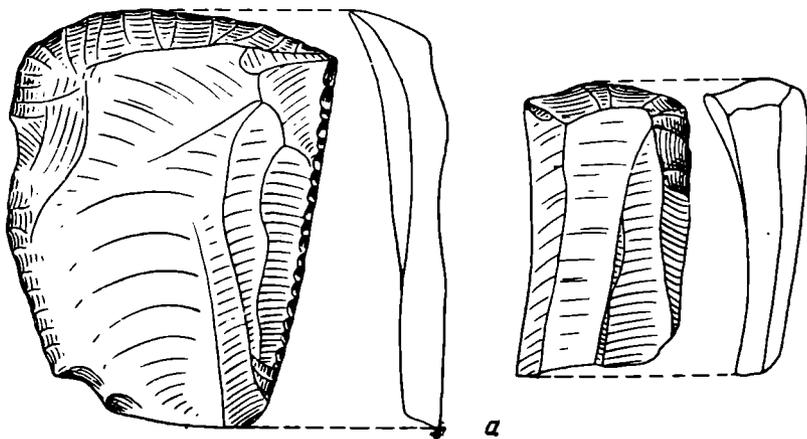

Рис. 19. Петрушинская стоянка. Кремневые скребки

Участки этой ступени I пойменной террасы встречаются почти на всем протяжении исследованного отрезка Средней Печоры. Эта ступень сложена песчаными и песчано-глинистыми аллювиальными отложениями. На карте террас из-за мелкого масштаба определить отмели от более высокой ступени не представляется возможным.

Вторая терраса, высотой от 7 до 9 м, развитая значительно шире, чем первая, часто сопровождает русло Печоры на значительном расстоянии и иногда прослеживается одновременно по обеим сторонам реки. Наиболее значительные ее участки приурочены к внутренней части крутых излучин. Поверхность террасы неровная, имеет длинные прирусловые валы, идущие несколько наискось к направлению русла реки. Высоты этих валов над уровнем террасы достигают иногда 2—2,5 м. На этой террасе растет главным образом елово-березовый лес. Терраса сложена глинистыми, песчаными и галечниковыми аллювиальными отложениями. Пониженные участки этой террасы во время больших весенних разливов заливаются водой.

Третья терраса, имеющая 12—15 м высоты, развита очень слабо и встречена нами в немногих местах. Она сложена почти исключительно одними желтыми аллювиальными песками. Поверхность этой террасы более или менее ровная и покрыта преимущественно сосновым лесом.

Четвертая терраса, достигающая 18—20 м высоты, развита довольно хорошо и часто подмывается рекой. Эта терраса имеет ровную поверхность, и на ней растут прекрасные сосновые леса, которые эксплуатируются и сплаваются по Печоре. В строении террасы участвуют четвертичные ледниковые и аллювиальные отложения. Ледниковые отложения представлены валунными суглинками и флювиогляциальными песками и галечниками, и только самый верх террасы сложен желтыми аллювиальными песками. Этой террасе принадлежат иногда значительные участки.

Пятая терраса, 25—30-метровая, встречается редко, но прослеживается на всем исследованном участке. В ее строении принимают участие те же отложения, что и в четвертой террасе, но верхняя часть здесь сложена флювиогляциальными песками, поэтому образование террасы можно считать, несомненно, связанным с деятельностью вод последнего оледенения. Вследствие указанного обстоятельства переход у террасы в коренные берега постепенный и иногда трудно улавливается. Поверхность террасы чаще ровная, но местами можно видеть небольшие песчаные сопки, повидимому, эолового происхождения. На этой террасе также растут хорошие сосновые леса.

Коренные берега, в отличие от террас, сложены вверху моренными суглинками или покровными суглинками, и поверхность их обычно неровная, заросшая смешанным лесом. Высота коренных берегов чаще всего 40—50 м и только в районе д. Пашня коренной берег достигает 60 м высоты.

Против д. Петрушино на правом берегу Печоры развита четвертая 18—20-метровая терраса, сложенная вверху желтыми песками и поросшая сосновым бором. Поверхность террасы неровная из-за развевания песков. Здесь образуются обширные и глубокие котловины выдувания. В одной из таких котловин, недалеко от бровки террасы было собрано более двухсот кремневых отщепов, среди которых оказалось три скребка (рис. 19)¹, сделанных из желтоватого кремня, как и большинство отщепов. Рабочие края скребков — круглые. У одного из них мелкой ретушью обработаны и боковые стороны, у другого — затупленный рабочий край. Здесь же вместе с кремневыми отщепами было собрано 50 шт. черепков, принадлежавших двум глиняным сосудам. Сосуды были, повидимому, круглодонными, до 30 см в диаметре. Орнамент сосудов ямочно-гребенчатый, а у одного из них, кроме того, и щипковый.

Недалеке от находок в останце, в неразвезанной поверхности террасы был обнажен культурный слой, но из-за отсутствия времени мы не смогли его исследовать.

Ямочно-гребенчатый орнамент обнаруженных черепков имеет сходство с орнаментом некоторых сосудов Большеземельской тундры, относящихся к I тысячелетию до н. э. Присутствие щипкового орнамента указывает, возможно, и на другую культуру, так как этот орнамент в Большеземельской тундре еще нигде обнаружен не был.

Описанная нами стоянка должна привлечь внимание археологов, так как она является пока что единственной для всего района Средней Печоры. Нахождение новых стоянок на берегах Печоры весьма вероятно: река довольно часто подходит к древним террасам, а на них преимущественно и селился древний человек.

Нахождение новых стоянок на берегах Средней Печоры представит большой интерес еще и потому, что огромный археологический материал, собранный на стоянках Большеземельской тундры, еще не связывается с материалом Обских и Беломорских стоянок и, повидимому, будет иметь большое сходство с материалом района Средней Печоры.

¹ Археологический материал передан нами в ГИМ.

Г. А. ЧЕРНОВ

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ
БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

Во время геологических исследований в 1947 г. в северной части Большеземельской тундры на берегу р. Хэйбидя-Пэдара (Море-ю или Хайпудыра) мною было обнаружено жертвенное место, на котором собрано большое количество черепков глиняных сосудов и серебряных, посеребренных, позолоченных, бронзовых и железных предметов. Жертвенное место найдено впервые в Большеземельской тундре, хотя, быть может, на наличие жертвенных мест указывают находки отдельных предметов, найденных мною ранее в различных частях тундры¹.

Жертвенное место представляет большой интерес, так как, в частности, наряду с керамикой известного нам ранее типа, найденной на стоянках, здесь встречена керамика с новым, более поздним орнаментом. Сосуды имеют невысокий поддон, чего ранее на стоянках Большеземельской тундры не встречалось.

Собранный большой и новый материал из жертвенного места требует для его полной обработки значительного времени; поэтому я вынужден дать пока лишь краткие сведения об этом археологическом памятнике Большеземельской тундры.

Геологическими исследованиями была охвачена северная часть Большеземельской тундры от г. Нарьян-Мара до Хайпудырской губы, включая побережье Печорского моря. На рр. Куе, Черной и Хэйбидя-Пэдара было обнаружено 29 стоянок древнего человека (рис. 20), которые описаны в отдельной работе².

Жертвенное место расположено в среднем течении Хэйбидя-Пэдара, в районе лесного «оазиса», на левом, 20-метровом берегу, сложенном внизу валунными суглинками последнего III оледенения Большеземельской тундры³. Сверху суглинки покрываются серыми песками большой

¹ «Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре». КСИИМК, вып. IX, 1941; «Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры». «Труды четвертичной комиссии», т. VII, вып. I, 1947; «Стоянка древнего человека в низовье Печоры». КСИИМК, вып. XXIII, 1948; «Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры». СА, т. X, 1948.

² «Археологические находки в северной части Большеземельской тундры» (сдана в печать).

³ Г. А. Чернов. Новые данные по четвертичной истории Большеземельской тундры. Бюлл. ком. по изуч. четверт. периода, 1947, № 9.

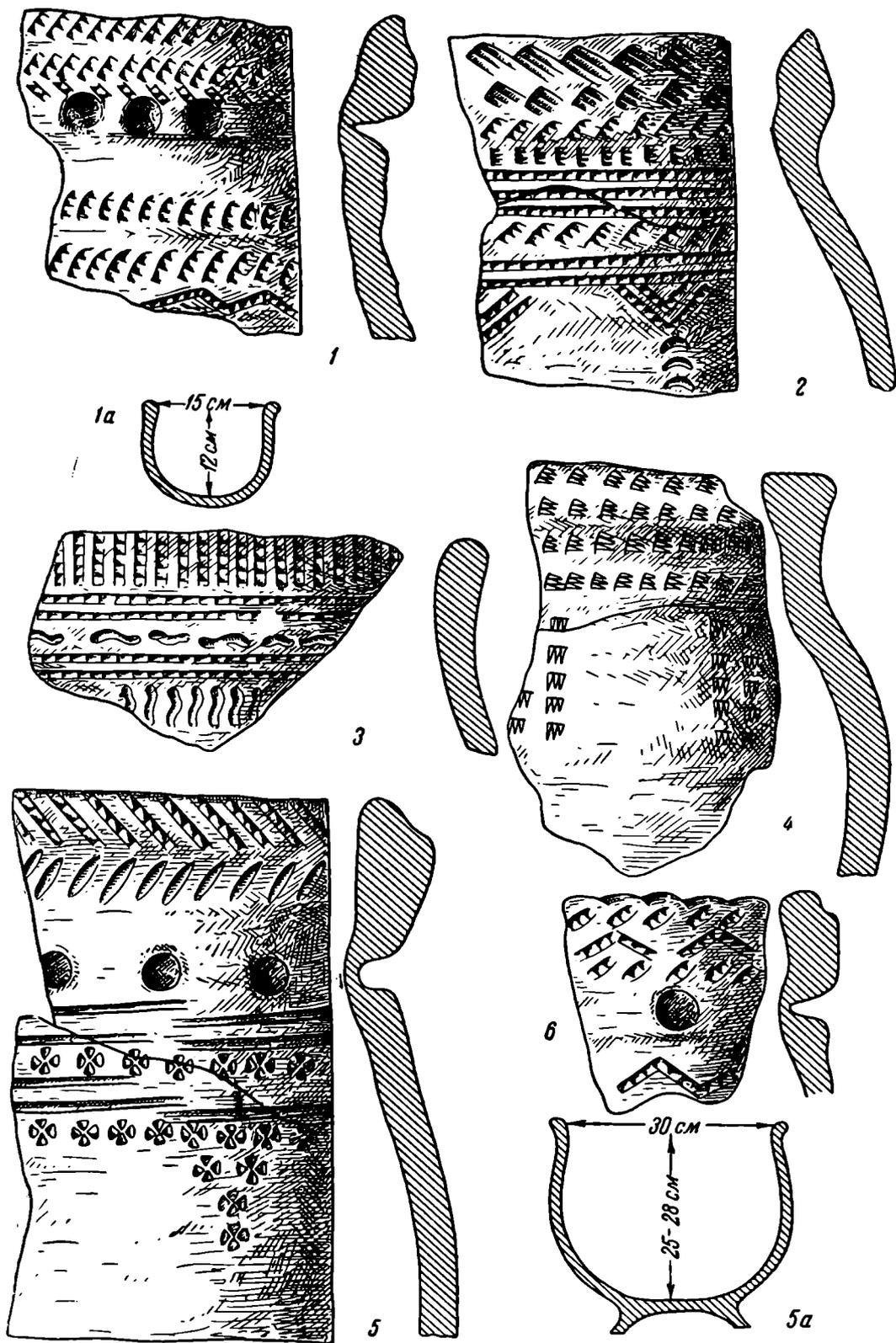

Рис. 21. Керамика жертвенного места Большеземельской тундры

1 и 6 — из нижнего горизонта; 3 и 4 — из среднего горизонта; 2 и 5 — из верхнего горизонта культурного слоя

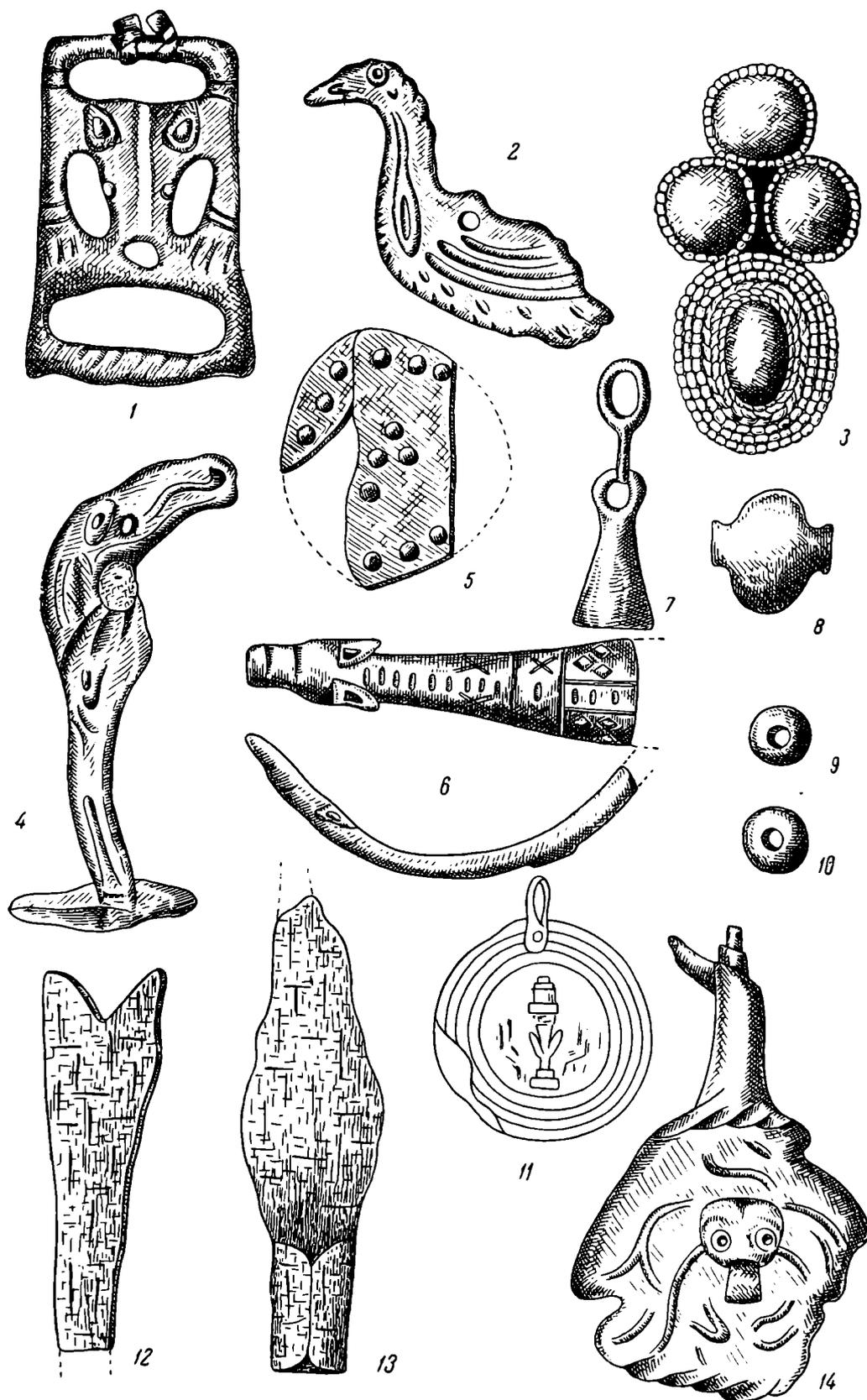

Рис. 22. Предметы из верхнего горизонта культурного слоя жертвенного места Большеземельской тундры

1 и 14 — медные пряжки; 2 и 3 — подвески из белой бронзы и серебра; 4 — бронзовая подвеска; 5 — серебряная бляшка; 6 — бронзовый браслет; 7—9 — бронзовые цепочки и бусы; 10 — сердоликовая бусина; 11 — серебряная монета-подвеска; 12 и 13 — железные наконечники стрел

алмазным сверлом с двух сторон (рис. 22—10), и большое количество железных предметов: ножи, наконечники стрел и дротики различных форм (рис. 22—12 и 13).

Судя по предварительному изучению найденных металлических предметов и по характеру орнамента керамики (в основании культурного слоя была встречена керамика, аналогичная керамике древних стоянок Большеземельской тундры), обнаруженное жертвенное место существует с I тысячелетия до н. э. Верхняя же часть наслоений жертвенного места, откуда извлечены сосуды с поддоном и различные поделки, является более поздней и относится уже к I тысячелетию н. э. Сосуды с поддоном имеют очень сходный орнамент с орнаментом сосудов обских стоянок и, в частности, с сосудами землянки Тиутей-сале, которую В. Н. Чернецов относит к I тысячелетию н. э.¹ Эта керамика сопровождалась большинством вещей (рис. 21—3, 4), датируемых VIII—X вв. н. э.², что подтверждает датировку В. Н. Чернецова. Другие предметы, например, пряжки и браслеты (рис. 22—1, 3, 14), имеющие большое сходство с предметами Камских могильников, могут быть датированы уже началом II тысячелетия н. э.

Таким образом, наше Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в северной части Большеземельской тундры представляет большой научный интерес как существовавшее продолжительное время. Здесь мы имеем, несомненно, не только вещи местного происхождения, но и привозные (например, сердолик, серебро, монеты), которые открывают нам направление связей жителей Большеземельской тундры, повидимому, через верховье Печоры, с жителями района р. Камы.

Следует только жалеть, что время нам не позволило исследовать среднее течение р. Хэйбидя-Пэдара, где, безусловно, при тщательных поисках будут обнаружены и погребения, на присутствие которых указывает нагромождение валунов на песках метрах в двухстах от жертвенного места.

¹ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941.

² А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, вып. 26, 1902.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1949 г.

(Доклад, прочитанный на заседании Сектора первобытной археологии ИИМК 4 февраля 1950 г.)

Основное внимание Камской археологической экспедиции Молотовского университета в первые два года ее работы было обращено на изучение памятников палеолита и мезолита; в то же время открытие многочисленных новых стоянок в низовьях Чусовой позволило экспедиции исследовать также неолитические стоянки, предшествующие известной Левшинской.

Обширный материал, добытый Н. А. Прокошевым в 1935—1937 гг., до сих пор не обработан и, следовательно, не может быть в настоящее время использован. В то же время создается безотлагательная необходимость выяснения сложной культурно-стратиграфической картины Прикамья во II тысячелетии до н. э. Это побудило нас затронуть соответствующие памятники полевыми исследованиями 1949 г.

Планируя эти исследования, мы приняли во внимание, что на всех ранее исследованных в Прикамье стоянках, начиная с Левшинской, керамика оказалась неоднородной, демонстрируя смешение двух достаточно различных типов: сосудов из плотной глины с примесью песка, с хорошо сглаженной поверхностью и довольно густым заполнением орнаментального поля, приближающихся к неолитическим (как на стоянке Боровое озеро I), и сосудов, несомненно, более поздних — с выгоревшими при обжиге растительными примесями, с обработкой внутренней поверхности зубчатым орудием (штампом?) и не сплошным заполнением орнаментального поля. Эта картина наблюдалась на Левшинской стоянке, Северной на оз. Грязном, Астраханцевской, а также у д. Верхние Гари — стоянке Бор I в наших раскопках. Наиболее однородной, именно поздней керамикой отличались видимо, стоянки у Гремячего ручья и Астраханцевская.

Объективно создавалась картина, свидетельствующая об одновременности того и другого типов керамики, выделявавшейся одним и тем же населением. Однако у нас создалось убеждение о разновременности указанных типов глиняной посуды; но при отсутствии многослойных памятников это утверждение не могло считаться доказанным. Для обоснования его мы решили пойти другим путем: обнаружить и исследовать стоянки, где представлен только какой-либо один тип керамики в несмешанном виде.

С этой целью в 1949 г. были произведены раскопки на двух стоянках, выбранных по разведочному материалу из числа открытых в 1947 г. Оба памятника расположены на краю боровой террасы правого берега Чусовой между деревнями Верхние Гари и Сылвой и обозначены как стоянки

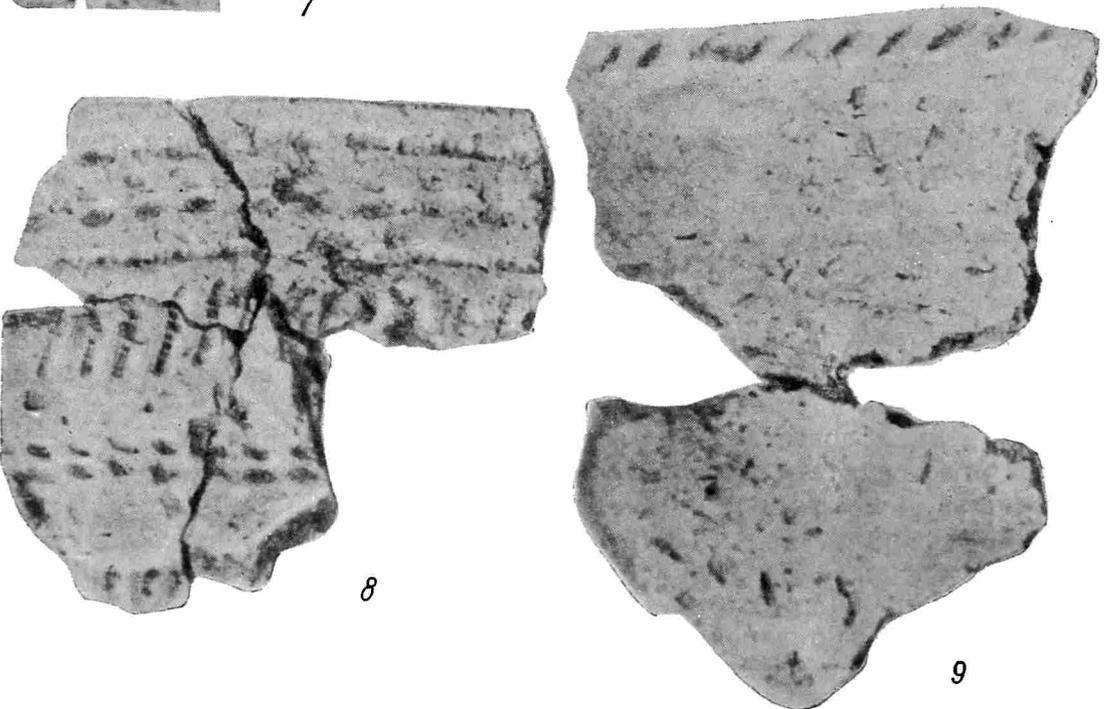
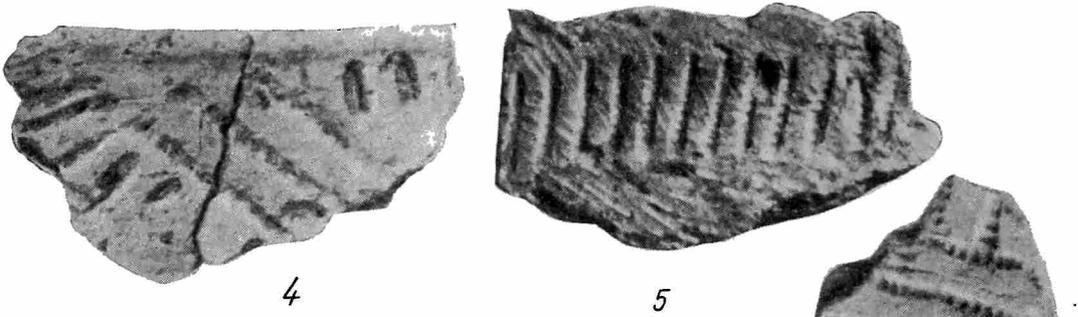
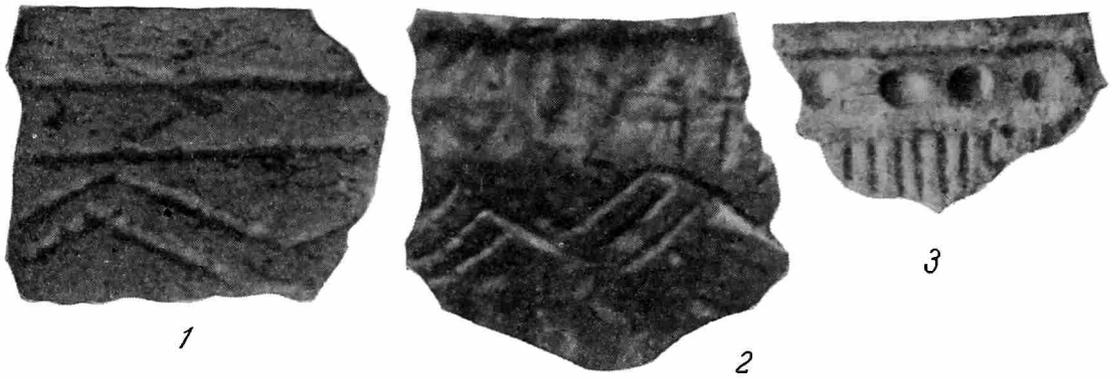

Рис. 23. Керамика со стоянки Бор II на р. Чусовой

Бор III и Боровое озеро IV. Обе они дали искомую керамику позднего типа в несмешанном виде в соединении с богатым инвентарем каменных орудий: крупных и мелких полированных топоров и долот, наконечников стрел с округленным основанием, разнообразных ножей (в том числе полированных сланцевых), шлифованных сверленных подвесок, орнаментальных штампов для керамики¹, очень своеобразных крупных молотов с перехватом и пр. Наиболее типична и богата инвентарем стоянка Бор II. Дата обеих стоянок — конец II — начало I тысячелетия до н. э., о чем говорят орнаментальные узоры на керамике в виде ромбов и «флажков» (рис. 23).

Таким образом, нам удалось выявить несколько опорных памятников для изучения послепалеолитического времени в Прикамье: это Нижнеадишевская позднемезолитическая стоянка, неолитическая стоянка Боровое озеро I (III тысячелетие до н. э.) и стоянка Бор II медно-бронзовой эпохи (конец II — начало I тысячелетия до н. э.). Имеющийся в распоряжении экспедиции материал позволит в будущем глубже детализировать эту схему.

Стоянка Боровое озеро I, аналогии которой обнаружены в этом году в Нижнем Прикамье и смежных районах Поволжья, характеризует своеобразную культурную область восточноевропейского неолита, одной из черт которой является наличие керамики с зубчатым орнаментом. На западе эта область соприкасается с областью неолитических поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, на востоке — с областью поселений Зауралья с керамикой, снабженной зубчато-волнистым орнаментом. Наиболее типичными представителями этих поселений являются поселения на р. Полуденке, на «стрелке» Горбуновского торфяника и Честуй-Яг на Ляпине. При этом связь поселений Борового озера и Полуденки выступает более ясно, чем с одновременными стоянками Верхнего Поволжья; в свете этих связей весьма вероятно, что на неолитических поселениях Прикамья, как и в Зауралье, были жилища в виде полуземлянок четырехугольной формы. Благодаря этому вполне понятна и четырехугольная форма жилищ на поселениях Прикамья в эпоху раннего металла, например на стоянках Астраханцевской и Северной на оз. Грязном, у Гремячего ручья и на Луговской стоянке близ Елабуги.

Одно жилище того же типа (рис. 24) было вскрыто нами в 1949 г. при продолжении раскопок на стоянке Бор I у д. Верхние Гари. Жилище имеет два широких, углубленных в землю выхода с противоположных сторон и два очага, у одного из которых найден медный кованый нож; форма его несколько иная, чем в Левшине, как бы приближаясь к сейминско-турбинским формам (рис. 25).

Тем же летом счастливая находка была сделана при земляных работах на правом берегу Камы, близ устья Чусовой, у д. Усть-Гайва. Здесь были найдены медные орудия сейминско-турбинского типа. Как установлено неоднократными обследованиями, произведенными экспедицией, мы имеем здесь новый могильник сейминско-турбинского типа, чем еще раз подтверждается, что центром распространения этой мало изученной культуры было Приуралье. Могильник расположен на песчаной боровой террасе. Работами затронуты, видимо, пять погребений. При этом найдены медный нож, два кельта, одно копьё, плоский клиновидный топор и уникальный сосуд — небольшая чашка с округло-коническим дном. Этот сосуд служит новым косвенным доводом в пользу связи могильников турбинского типа со стоянками второй половины II тысячелетия до н. э.²

¹ М. А. Бадер. Каменный штамп со стоянки Бор II на р. Чусовой. Бюлл. ком. по изуч. четверт. периода, вып. 15, 1950.

² См. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 46.

Анализы 8 предметов из Усть-Гайвенского, Турбинского и Сейминского могильников, произведенные в спектро-аналитической лаборатории Молотовского университета А. Г. Поповой, показали, что все вещи сделаны из чистой меди, исключая двух кельтов (из Усть-Гайвы и Турбина), отлитых из бронзы с 6—8% олова.

Разнообразный материал добыт нами на «Писаном камне» в среднем течении р. Вишеры. Здесь продолжены работы по фиксации наскальных рисунков и частично вскрыт культурный слой, обнаруженный подле «писанцев» студентом В. Генингом в 1949 г. И наскальные рисунки и вещи из слоя позволяют датировать этот сложный комплексный памятник временем от позднего неолита до эпохи железа (вогул-манси) включительно.

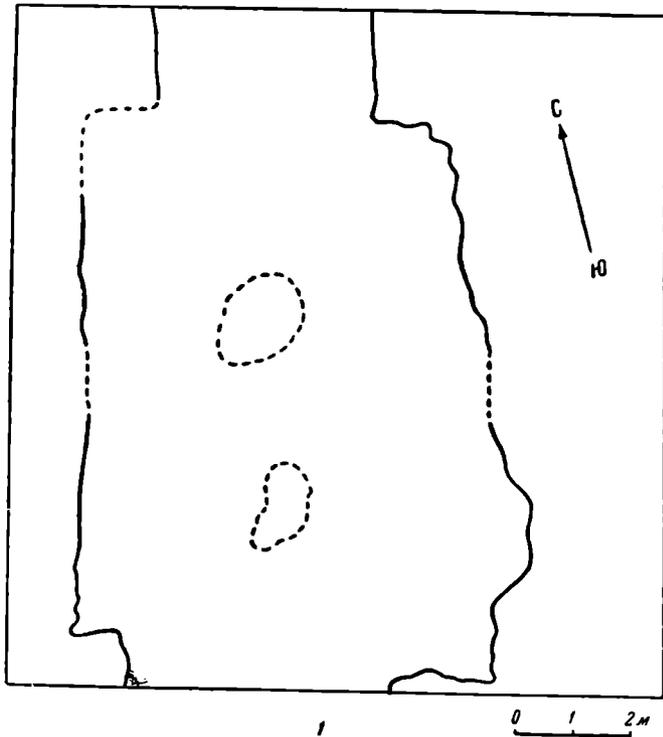

Рис. 24. Стоянка Бор I у д. Верхние Гари. План жилища № 1 с двумя очагами

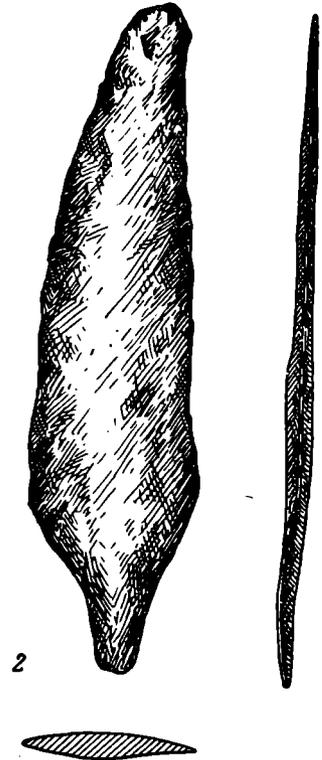

Рис. 25. Стоянка Бор I у д. Верхние Гари. Медный нож, найденный у южного очага

Наиболее ранний, позднеолитический комплекс характеризуется реалистическими фигурами лосей, оленей, медведя (?), куницы (соболя?), рыбы, мужчин и женщин (сплошь заполненных красной краской очень темного тона), а также фрагментами керамики из культурного слоя, близкими керамике Левшинской стоянки. Нельзя не отметить общего сходства вишерских рисунков с карельскими петроглифами.

Тем же летом четырьмя отрядами экспедиции по заданию Молотовского областного отдела культпросветработы были произведены разведочные работы с целью поисков и наружного обследования революционных и исторических памятников. Каждый отряд обследовал 15—20 памятников.

Из памятников, обследованных Вишерским отрядом (студента В. Генинга), следует особо отметить пещеру на Моховом камне (выше Писаного) с красными наскальными рисунками очень позднего характера (принадлежащими манси?), могильник родановского типа у д. Суянково близ Красновишерска и в особенности два памятника с типично ананьин-

скими вещами: пещеру Темную и скалистый навес у камня Бычок на Средней Вишере. Последние памятники заставляют отодвинуть северную границу распространения ананьинской культуры примерно на 400 км к северу¹.

†КЕВОНИТОНАДУЛОНСОУӨСОДРОНТОУРКЕЛН†

Рис. 26. Пензянская серебряная чаша XII в.

1 — надпись по краю; 2—5 — боковые стороны; 6 — дно снизу; 7 — центральный медальон с внутренней стороны дна (увеличен)

Вишерским же отрядом доставлены в Археологический музей университета две весьма интересные находки, выпавшие крестьянами: медное арабское блюдо со сложным орнаментом и надписью в центре — из д. Татарское и серебряную чашу — из д. Пеняхино (левый берег Камы и Вишеры, недалеко от их слияния, Соликамский район Молотовской об-

¹ В. Ф. Генинг, К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951.

ласти). Последняя находка принадлежит к числу уникальных и передана на хранение в Гос. Эрмитаж.

Пеняхинская чаша (рис. 26) имела в свое время плоскую ручку и полую круглую ножку, на ней не сохранившиеся. Высота чаши (без ножки) — 5,2 см, диаметр — 13,7 см, толщина стенок — около 1,5 мм; диаметр отпавшего основания ножки — 4,3 см, длина отлома плоской, пластинчатой, горизонтально припаянной под верхним бортиком ручки — 5,6 см.

На нешироком гладком рантике вверху сосуда — греческая надпись (рис. 26—1); она подобна надписям на византийских печатях и может быть переведена следующим образом: «Господи, помоги рабу твоему Феодору Туркелин (?)». Под бортиком с надписью вычеканены рельефные фигуры, расположенные в два яруса. В верхнем ярусе семь фигур помещены в рельефных кругах; семь других — между этими медальонами. В нижнем ярусе, находящемся, собственно, уже на дне, помещены фигуры семи рыб на выпуклых, заостренных книзу овалах и семь фигур, преимущественно птиц, между ними. Из 28 рельефов около половины передают пожирание людей и животных птицами, рыбами, медведем и фантастическими животными (грифонами и пр.). Высота рельефов — от 1 до 3 мм. В центре дна, с лицевой стороны внутри чаши — круглый медальон с рельефным же бюстом воина с бородой и усами и нимбом вокруг головы; в правой руке воина копье, в левой — меч; по бокам, на свободных полях — буквы надписи: «Феодорос». Вероятно, здесь мы имеем изображение Федора Стратилата или другого святого с тем же именем — покровителя владельца чаши Феодора Туркелина. Обратный рельеф этого последнего медальона с наружной стороны чаши точно вписан в круглый припай ножки (рис. 26—7).

Чаша может быть определена как поздневизантийская; вероятная дата ее — X—XII вв.

Особого внимания заслуживают условия нахождения чаши. Она поднята года четыре назад на поле у д. Пеняхино, около ключей. Осмотревшим место находки студентом В. Генингом замечены здесь слабые следы от заплывшего, запаханного рва (?); на пашне же заметны желтые квадраты, вероятно, бывших здесь жилищ, что согласуется с наличием вокруг керамики, большого количества шлаков и одной круглой тяжелой железной крицы, сохранившей форму нижней части горшка. Сделанные на пашне зачистки показали, что весь культурный слой перемешан с пахотным слоем и под последним не сохранился. Керамика преобладает родановская, частью красная болгарская (?), немного славянской. По словам старожилов, раньше на этой же пашне находили железные замки, жернов и серебряную витую гривну.

Дата чаши соответствует дате Пеняхинского родановского селища (или некогда городища?).

Первым Верхнекамским отрядом (студента В. Оборина) в районе между устьем Вишеры и Чормозом обследовано несколько памятников ананьинского и предананьинского времени (на Эсперовом городище, стоянка у Огурдина и др.). В центре внимания этого отряда стояло обследование памятников родановского времени (X—XIV вв.), на которых собран значительный материал (в особенности на Кыласовом городище). Снова обследован и Орел-городок (Кергедан), основанный Строгановыми в 1654 г. при устье Яйвы и уже в XVII в. перенесенный на правый берег Камы. Этот памятник должен быть исследован в самое ближайшее время; будучи хорошо датирован, Орел-городок крайне облегчит дальнейшее изучение русских памятников Урала и Сибири.

Из памятников, обследованных вторым Верхнекамским отрядом (студентки С. Володиной), упомянем ломоватовский могильник у д. Деменки

и селище у д. Скородум, где известен и самый северный могильник ананьинского типа; селище обладает весьма содержательным слоем на значительной площади, но относится, судя по керамике, не к ананьинскому, а к раннепьяноборскому времени.

Наконец, четвертым отрядом (краеведа Ф. И. Петровых и студента В. Белоусова) обследованы 18 городищ, ранее известных Ф. И. Петровых в Осинском районе. На р. Сидяхе пять городищ расположены на протяжении 2 км. Большая часть городищ, судя по керамике, относится к гляденовской и ломоватовской эпохам.

Во исполнение плана работ Уральской четвертичной комиссии при Молотовском университете экспедицией было произведено обследование ряда крупных местонахождений четвертичной фауны у д. Мысы в низовьях Камы, а также на Волге у с. Ундоры, в урочищах Собачья Прорва, Мулиновы Остров и др. При этом сотрудницей экспедиции Т. Медведевой были обнаружены у с. Мысы следы палеолита в виде окатанной крупной ножевидной пластины, залегавшей на поверхности тяжелых галечников вместе с четвертичной фауной. Параллельно Т. Медведевой были обследованы городища у с. Кибелы близ Ульяновска и большое болгарское городище Джукетау на Каме близ Чистополя.

Необходимо также отметить три полученные экспедицией случайные находки. Первая из них — переданный профессором Молотовского университета геологом Н. П. Герасимовым череп человека (без лицевых костей), найденный в долине правого берега Волги близ устья Свияги, в разведочном шурфе. Череп залегал в аллювиальном суглинке на глубине 4 м. Переданный нами в Институт антропологии МГУ, он, по предварительному суждению М. М. Герасимова, отличается монголоидными признаками; последнее обстоятельство, учитывая вероятность большой древности черепа (мезолит или по крайней мере неолит), представляет исключительный интерес.

Вторая находка — великолепное полированное долото и пока неясная для нас неорнаментированная керамика, доставленные геологом Чудиновым с р. Обвы. Эти находки интересны прежде всего в связи с тем, что к северу от чудовского устья на Каме нет ни одной достоверной, хорошо исследованной стоянки.

Наконец, третья находка представляет собой тяжелый серебряный кубок с отломанной ножкой, выпавший у д. Бартым Березовского района Молотовской области, притом на том же месте, что и два серебряных сосуда — 1925 и 1947 гг.¹ Новый сосуд уникален. На нем четыре высоко-рельефные фигурки, обрамленные овалами из горошчатых выпуклостей; на двух медальонах — пляшущие женские фигурки, на третьем — играющий на флейте Эрот с крылышками, на четвертом — видимо, Пан с козлиными ногами, играющий на сюринге. Горошчатый орнамент, распространяющийся, по Л. А. Мацулевичу, на подобного рода изделиях с IV в. н. э., и архаичность изображений дают возможность предварительно датировать новый бартымский кубок III — IV в. н. э.

¹ КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 84.

О. М. ДЖАПАРИДЗЕ

КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДКАХ
В ГРУЗИИ (Гурия) в 1948 г.

Экспедиция археологического отдела Государственного музея Грузии имени академика С. Джанашия провела в 1948 г. археологические разведки и небольшие раскопки в Гурии. В состав экспедиции входили научные сотрудники отдела: О. Джапаридзе, Т. Чубинишвили и М. Тхилаишвили.

Гурия в археологическом отношении почти совершенно не изучена. Ряд случайных находок последних лет свидетельствует о том, что этот край весьма интересен. В Государственном музее Грузии и в Махарадзевском краеведческом музее накопился значительный материал случайных находок: памятники неолитической эпохи из Анасеули, клады эпохи бронзы из Уреки, Вакисджвари (Корбуде), Шрома, Гоголеисубани и, наконец, замечательные предметы античной эпохи из Уреки. Некоторые предметы в других местах пока неизвестны. Таковы, например, обоюдоострая мотыга и долото из Шрома. Если учесть, что предметы эпохи бронзы входили в состав кладов вместе со слитками, то кажется убедительным вывод, что в эпоху бронзы этот район имел свой производственный очаг.

В Махарадзевском музее находится несколько орудий из кремня, обсидиана и других пород камня, найденных на территории Всесоюзного анасеульского научно-исследовательского института чайных и субтропических культур. Особенно нужно указать на плоский шлифованный каменный топор — длина — 19,7 см, ширина — 8,5 см (рис. 27 — 16) и на орудие сердцевидной формы, наверное, также топор — длина — 17,4 см, ширина — 12,2 см (рис. 27 — 1а). Интересны также кремневые и обсидиановые скребки, резцы, ножи и др. Помимо этого, значительный материал хранится в частной коллекции В. П. Шарковского, хорошо знающего гурийский край и уже давно собирающего предметы древности, в числе которых кремневые, обсидиановые и прочие шлифованные орудия.

Вместе с Шарковским и научным сотрудником Махарадзевского музея М. Тавдумадзе мы осмотрели места, где были собраны каменные орудия. Памятники неолитической эпохи в основном встречаются в двух местах, около метеорологической станции и анасеульского научно-исследовательского института. Здесь на поверхности находят множество обломков обсидиана и реже кремня; нашли также несколько обломков каменной зернотерки. Другая неолитическая стоянка открыта близ бывшего техникума на холме Мицисцихе высотой около 10 м. На его вершине расположено плато, где имеются в большом количестве обломки кремня и булыжника. Здесь Шар-

ковский нашел два замечательных каменных топора. Плато окружено довольно глубоким и широким рвом. Надо полагать, что этот ров был вырыт в неолитическую эпоху вокруг стоянки (укрепление неолитического поселения рвом являлось распространенным). Раскопка плато оказалась невозможной, так как на нем была разведена чайная плантация. Поэтому мы начали раскопки на склоне (за рвом), в северной части холма. Кроме обломков кремня, здесь ничего не было обнаружено. В. Шарковский отметил, что вблизи метеорологической станции встречаются почти исключительно обломки обсидиана, а на Мицисцихе — кремня.

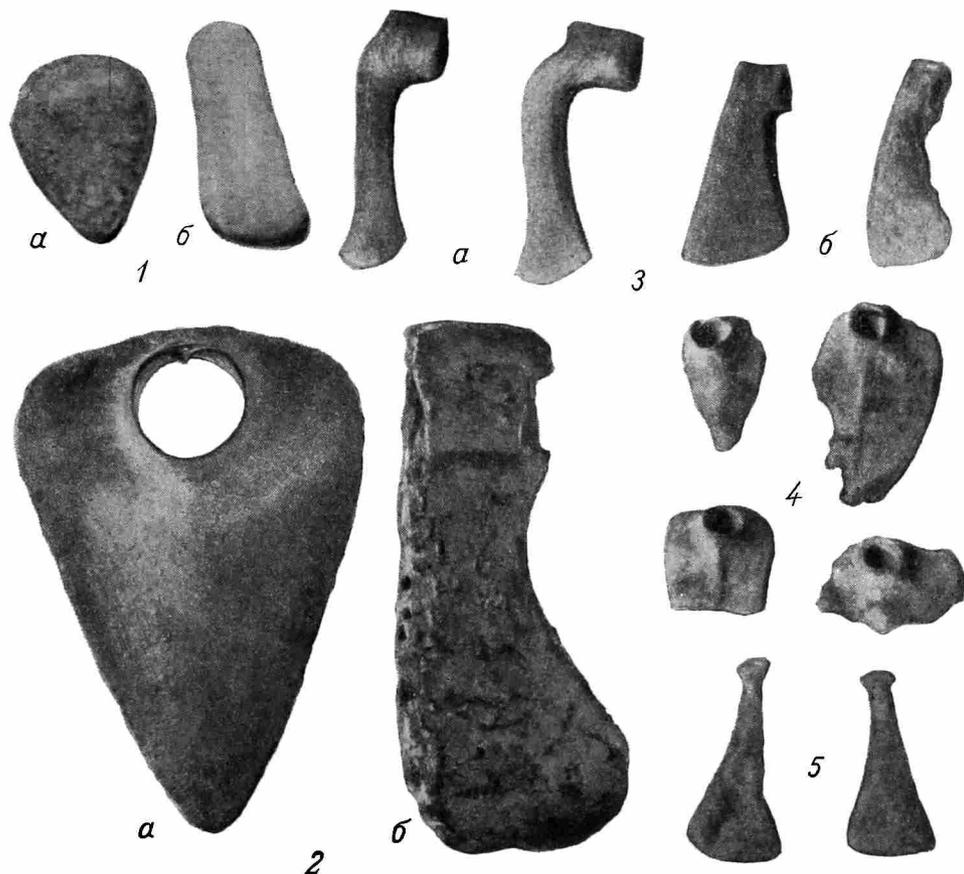

Рис. 27. Топоры, мотыги и скребки из Уреки

1 — каменные орудия из Анасеули (Махарадзевский музей); 2 — мотыга (а) и топор (б) из Уреки (музей Грузии); 3 — топоры из Уреки (Махарадзевский музей); 4 — мотыги из Уреки (там же); 5 — «скребки» из тонкой бронзовой пластинки (там же)

Кроме неолитического поселения, на территории Анасеули наше внимание привлекли отдельные «очаги», содержащие жженую глину, шлак и руду.

По словам М. Тавдумадзе, ему известны в этом районе 50 таких «очагов». Нами обследованы два «очага». Начаты раскопки одного из них на Саирмиа, рядом с опытным участком Бзиава. Очаг сильно поврежден распашкой. Здесь в большом количестве были обнаружены обломки пережженной глины, шлака и куски руды. Встречены также несколько криц значительных размеров. Расплавленную руду, повидимому, вливали в специальные довольно большого размера глиняные сосуды, где она, остывая, получала круглую форму. Несколько криц было найдено в ошлакованных от огня сосудах. Здесь же обнаружены обломки двух желобов из красноватой глины, возможно, часть литейной формы, и один фрагмент

ушка сосуда. Другой «очаг» дал точно такую же картину. И здесь в большом количестве обнаружены обломки сосудов, куски руды и шлака.

На основании небольших раскопок, которые мы провели, трудно сказать точно, что должны представлять собой эти очаги. Но одно ясно, что тут мы имеем дело с мастерской. Химический анализ руды показал, что в ней содержится 80,3% железа¹ (см. таблицу).

АНАЛИЗ РУДЫ		АНАЛИЗ ШЛАКА	
Компоненты	% содержания	Компоненты	% содержания
Fe	80,3	Fe ₂ O ₃	61,06
Si	17,08	SiC ₃	35,57
Sb	1,20	Mn	2,60
Mn	0,68	Ca	0,49
Ca	0,67	Mg	Следы
Cu	Следы	P	0,23
As	Следы		
P	Следы		
Zn	0,82		
Mg	Следы		
	99,15		99,95

Вероятно, что здесь мы имеем дело с мастерской для получения железа. Точно такой же очаг встретили мы в Корбуде.

Из Анасеули мы перешли в Уреки. В 1941 г. в отдел истории Государственного музея Грузии поступил клад медных или бронзовых предметов, случайно найденных во время мотыжения на территории урекского совхоза. Клад этот интересен тем, что в него входят такие предметы, которые до настоящего времени совершенно не были известны². В коллекции 22 предмета, из них 19 топоров и 3 мотыги. Среди топоров выделяется три типа: 4 топора — трубчатообушные (типа рис. 27—3а), тринадцать — типа рис. 27—2б (один такой же топор нам передали в Уреки); два топора относятся к типу, известному из коллекции Батумского музея³.

Все мотыги треугольной формы. Одну такую мотыгу передали нам в Уреки (рис. 27—2а).

Интересно отметить, что совершенно такой же формы предметы хранятся в Махарадзевском краеведческом музее. Здесь четыре топора, из них два трубчатообушных (рис. 27—3), четыре треугольные мотыги (рис. 27—4) и два «скребка» из тонкой бронзовой пластинки (рис. 27—5). Эти предметы обнаружены случайно на 14-м участке урекского совхоза у старой липы и переданы музею преподавателем урекской школы Смышляевым.

Раскопки наши у старой липы не обнаружили никаких признаков культурного слоя. Однако около места раскопок в тот же день одним из работников совхоза была найдена треугольная мотыга (рис. 27—2а). В том же месте, у старой липы, сторож участка Мосе Баканидзе нашел медный топор (рис. 27—2б). Урекский клад, упомянутый выше, был найден М. Баканидзе здесь же, у старой липы, в 1941 г. Следовательно, хранящиеся в музеях Грузии и Махарадзевском урекские коллекции вещей

¹ Химический анализ произведен в химической лаборатории Гос. музея Грузии химиком Х. Чиковани.

² Издание этого клада готовится Б. Куфтиным совместно с Ф. Тавадзе.

³ Б. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 13, рис. 19.

представляли собой, повидимому, один клад совершенно одинаковых по составу и формам предметов.

Трубчатые топоры урекского типа хорошо известны в Грузии. В нашем музее хранятся подобные топоры из Сванетии, Чиатури, Иванцминда; топоры урекского типа вместе с трубчатообушными топорами других форм обнаружены в Сачхери. В Грузии, как видно, эта форма топоров сохранялась довольно долго. Г. Гобеджишвили во время раскопок в Раче выявил несколько вариантов трубчатообушных — вислообушных топоров. Интересующие нас топоры он объединил в первую группу и датировал первой половиной I тысячелетия до н. э.

Этот тип топоров имел широкое распространение и на Северном Кавказе¹ и в Восточной Европе. Тальгрэн отмечал среди топоров этого типа, обнаруженных в России, несколько вариантов. Интересующий нас тип соответствует типу «А» его классификации². Этот тип топора характерен для фатьяновской³, сейминско-турбинской и абашевской культур Восточной Европы⁴. Хорошо известны трубчатообушные топоры также в Дунайских странах⁵ и совершенно неизвестен этот тип на западе Западной Европы, где были распространены плоские топоры, так называемые пальштабы⁶. Древнейшие трубчатообушные топоры известны из южной Месопотамии и Элама⁷. Некоторые исследователи полагают, что здесь и должна быть родина этих топоров, откуда они могли распространиться по Европе. Один из путей распространения топоров этого типа проходил через южный Кавказ⁸, чем и объясняется столь раннее распространение его в Грузии.

Второй тип топоров урекского клада до сегодняшнего дня был вообще неизвестен (рис. 27—26). Поэтому можно предположить, что обнаруженные вместе 16 топоров должны указывать на то, что этот тип был распространен в ту эпоху в Грузии, особенно если учесть, что этот топор по форме приближается к распространенному в настоящее время в Грузии так называемому «грузинскому топору». По своей форме эти топоры почти совершенно одинаковы. Разница лишь в отверстии для рукоятки. Урекский топор имеет круглое отверстие, грузинский же — граненое в виде трапеции. Отверстия цилиндрической формы в металлических топорах унаследованы от каменных, и эта форма отверстия надолго сохранилась у металлических топоров, несмотря на то, что для практических целей такое отверстие менее пригодно (топор легко вращается на рукоятке). На распространенных в позднебронзовую эпоху в Грузии топорах мы уже встречаем отверстие остро-овальной формы (колхидский, восточногрузинский топоры). Отверстие граненой формы значительно более позднего происхождения⁹. Этнограф Н. Рехвиашвили в своем недавно вышедшем труде старается усмотреть генетическую связь между колхидским и грузинским топорами¹⁰. Он пере-

¹ А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, стр. 36.

² А. Tallgren. Die Kupfer-und Bronzezeit in Nord und Ostrussland; Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXV, Helsingissa, 1911, стр. 56.

³ В. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г., М., 1915, стр. 126, табл. VIII.

⁴ В. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 385 сл.

⁵ Б. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Гос. музея Грузии, XII-V., Тбилиси, 1944, стр. 297. В. Городцов. Указ. соч., стр. 148.

⁶ Б. Куфтин. Указ. соч., стр. 296.

⁷ Б. Куфтин. Указ. соч., стр. 297.

⁸ В. Городцов. Указ. соч., стр. 148.

⁹ Н. Рехвиашвили. Грузинский топор. Вестник Гос. музея Грузии, XV-V., Тбилиси, 1948, стр. 95.

¹⁰ Указ. соч., стр. 112.

числяет ряд признаков, которые, по его мнению, сближают эти топоры¹. Но признание колхидского топора прототипом грузинского едва ли будет правильным. Возможно, что между ними есть некоторое сходство, но по таким же признакам грузинский топор можно сблизить и с другими топорами. Сам автор признает, что грузинский топор обнаруживает некоторое сходство с медными боевыми топорами древнейшей эпохи², т. е. трубчатобушными — вислообушными топорами. Характерной особенностью колхидского топора является то, что тело его шестигранное, топор имеет сегментовидное лезвие и целый ряд таких признаков, которые совершенно чужды грузинскому топору.

Таким образом, и внешне эти два топора совершенно различны и генетическая связь между ними едва ли возможна. Выше уже было сказано, что урекские топоры близки к современным грузинским. Большое сходство между ними дает основание считать урекский топор прямым прототипом грузинского топора.

Третий тип топоров урекского клада мы подробно рассмотрели в нашей работе и считаем его прототипом колхидского топора³. Отметим здесь лишь то, что десять подобных топоров обнаружены в Гаграх, два в Пиленкове, один в Махунцети и один на Армянском нагорье (близ Карса).

Особенно интересны мотыги урекского клада. Мы не знаем других таких мотыг. Известно, что в позднебронзовую эпоху в западногрузинской культуре широко были распространены бронзовые мотыги, но урекские совершенно отличны по форме. Особенностью урекских мотыг является то, что у них лезвие треугольной формы и почти заострено; мотыги же позднебронзовой эпохи имеют широкое лезвие. На основании имеющегося материала можно сказать, что мотыги с узким лезвием предшествуют мотыгам с широким лезвием. Последние в большом количестве обнаружены в Грузии и в кладах и в виде отдельных находок, но вместе с мотыгами с узким лезвием они не встречались. Надо полагать, что лезвие у мотыги постепенно расширялось. Об этом как будто свидетельствуют хранящиеся в Батумском музее случайно обнаруженные в 1935 г. в сел. Зенити три мотыги⁴. У них верхняя часть лезвия широкая, нижняя же узкая. Эти мотыги, возможно, представляли собой переходную форму от узколезвийных мотыг к широколезвийным. Позволю себе не согласиться с мнением Б. Куфтина, что в Грузии одновременно бытовали три типа мотыги и что мотыги с узким лезвием употреблялись для обработки более твердой почвы⁵. Повидимому, в позднебронзовый период мотыги с узким лезвием вышли из употребления и их место занял более развитый тип мотыги с широким лезвием.

Если к этому добавить, что в позднебронзовую эпоху мотыга здесь достигла широкого распространения и вне пределов Грузии до сих пор совершенно не известна, то можно сделать вывод, что этот тип орудия создан на почве западногрузинской культуры. Проф. Г. Ниорадзе в своем недавно вышедшем труде отмечает, что подобные орудия (мотыги) в большом количестве обнаружены и вне пределов Грузии⁶. Этот исследователь считает их теслами⁷. Но с его мнением едва ли можно согласиться. В на-

¹ Там же, стр. 109.

² Там же, стр. 113.

³ О. Дж а п а р и д з е. Вестник Гос. Музея Грузии, XVI-В. Тбилиси, 1950, стр. 79.

⁴ Б. К у ф т и н. Указ. соч., табл. VIII, рис. 3, 4, 5.

⁵ Там же, стр. 317.

⁶ Г. Н и о р а д з е. Археологические раскопки в сел. Квишари. Вестник Гос. музея Грузии, XV-В, Тбилиси, 1948, стр. 13.

⁷ Г. Н и о р а д з е. Археологические раскопки в ущелье р. Куры. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-В, Тбилиси, 1944, стр. 192.

шем музее хранятся несколько подобных орудий значительного размера, которые, безусловно, должны были выполнять функцию мотыги (см. например, коллекцию Гос. музея Грузии 12—37, сел. Орбели, Лечхуми).

В Махарадзевском музее хранятся два «скребка» из тонкой бронзовой пластинки, аналогии которым пока неизвестны.

Для датировки урекского клада весьма ценным обстоятельством является нахождение в этом кладе трубчатообушного топора. Он встречается в Сачхерском комплексе, который Б. Куфтин относит к среднебронзовой эпохе¹. Широко распространен этот тип в фатьяновской культуре, которая датируется первой половиной II тысячелетия до н. э.² Приблизительно к этой же эпохе относит В. Антониевич клад из Стубло, где был подобный топор³. Поэтому думаем, что урекский клад можно отнести к этому же периоду, т. е. к первой половине II тысячелетия до н. э.

Особенно интересен материал, обнаруженный в Уреки у берега моря. В 200—300 м от моря, параллельно с ним, тянется песчаная дюна высотой 7—8 м. Она начинается у сел. Григолети, обрывается у деревни староверов, а затем вновь продолжается и тянется до р. Чолок.

Песок дюны выбирается для хозяйственных нужд. При земляных работах приблизительно на глубине 0,50—0,70 м от поверхности здесь обнаружен культурный слой. Толщина его, не везде одинаковая, местами доходит до 0,50 м.

Мы провели незначительные раскопки на двух участках у сел. Григолети и у Кучхис-Абано, как называют это место местные жители. Здесь культурный слой еще не был поврежден. В траншеях в большом количестве обнаруживались обломки черепиц красноватого цвета, двурогие глиняные подставки, фрагменты сосудов и др. Черепицы, видимо, были желобчатой формы (рис. 28—1в), отличающиеся от широко известных на территории Грузии античных черепиц тем, что они более тонкие, грубо обработаны. К сожалению, не удалось найти целую черепицу. Плоских черепиц мы не встречали.

В большом количестве обнаружены здесь двурогие подставки, изготовленные из рогов, различных размеров и форм (рис. 28—2); среди них круглые, четырехгранные и овальные в сечении. У одних основание плоское и широкое (рис. 28—1в), у других же основание совершенно не выражено (рис. 28—1а). Возможно, эти подставки связаны с культом быка. Культ быка очень распространен в Грузии начиная с энеолитической эпохи⁴. Особенно хорошо представлен этот культ в археологических памятниках на холме Нацаргора, раскопанном Г. Гобеджишвили⁵. Необходимо отметить, что роговые подставки в урекском поселении встречаются в столь большом количестве, что приходится предположить возможность какого-то практического их назначения. Такие подставки хорошо известны и в других местах на побережье Черного моря, но здесь они несколько иной формы (имеем в виду материал Б. Куфтина из Очемчири и Красного Маяка близ Сухуми).

Обломков глиняных сосудов здесь встречено сравнительно мало: несколько фрагментов горшка красноватого цвета, фрагменты горшка из черной глины, один обломок объемистого сосуда, а также несколько ушков сосуда. Почти все ушки (кроме двух) имеют стилизованные головки

¹ Б. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 14.

² В. Городцов. Указ. соч., стр. 168; В. Равдоникас. Указ. соч., стр. 383.

³ В. Антониевич. Указ. соч., стр. 145—146.

⁴ Б. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии. XIII-В, стр. 70.

⁵ Г. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Юго-Осетии (тезисы доклада, прочитанного на XXVI сессии Отделения общественных наук АН Груз. ССР).

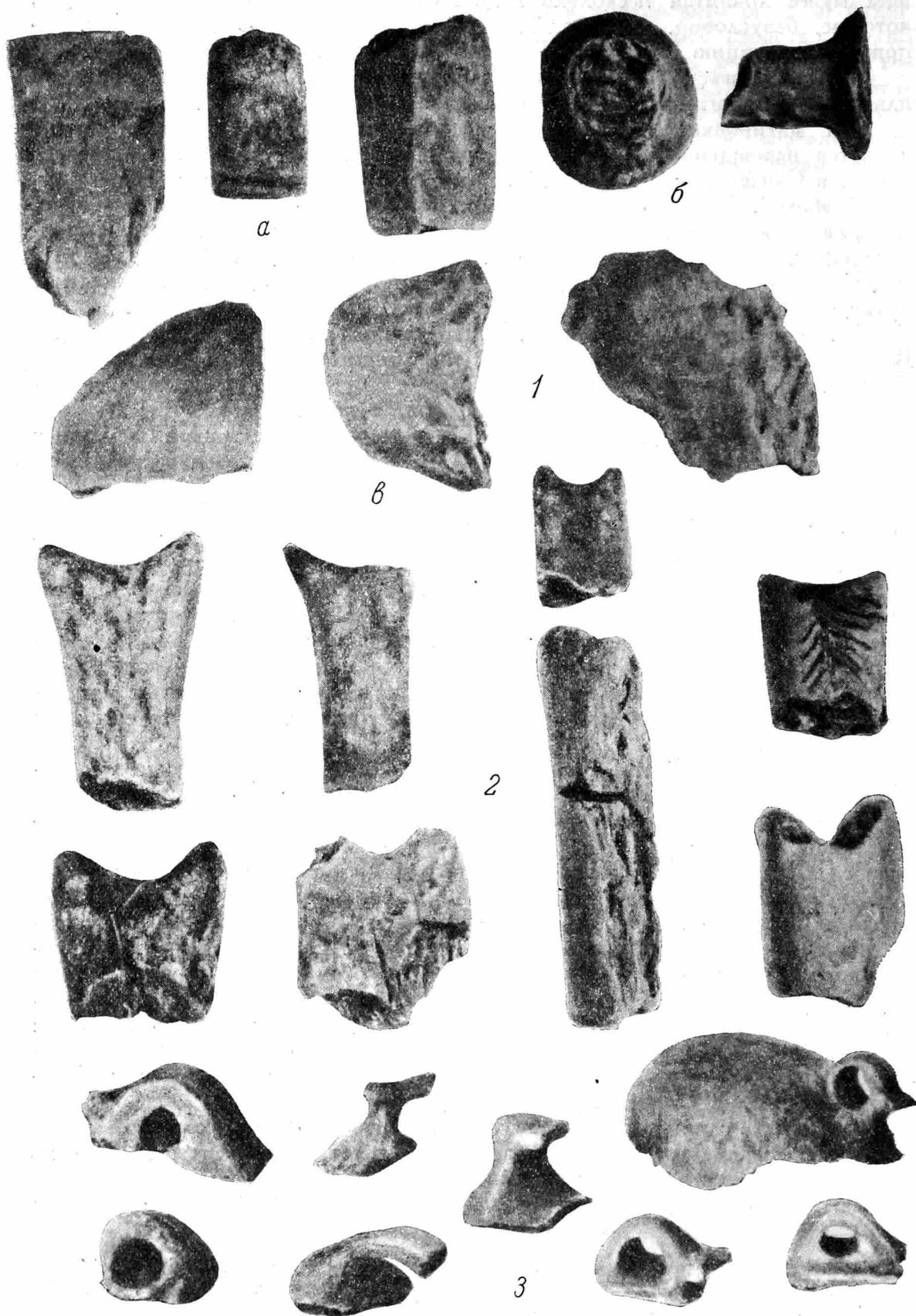

Рис. 28. Вещи Урекского поселения

1 — осколки двурогих подставок (а, б) и фрагменты черепицы (в); 2 — фрагменты двурогих подставок; 3 — фрагменты глиняных сосудов

животного (рис. 28—3). Подобные ушки сосудов, хорошо известные в Грузии в обеих культурах, особенно характерны для западногрузинской культуры. Такая форма ушка существовала довольно долго, начиная с бронзовой эпохи вплоть до эллинистической.

Необходимо указать, что обломки глиняных сосудов содержат в большом количестве магнетит. Поэтому надо полагать, что найденные здесь глиняные предметы местного производства.

В заключение следует отметить, что в Махарадзевском музее в большом количестве представлены происходящие из Уреки рогатые подставки, обломки сосудов, имеется в нем фигура быка или овцы; один обломок чернолакового сосуда; четырехгранное, пирамидальной формы «грузило» (длина — 3,3 см, ширина — 6,1 см). Подобные грузила хорошо известны на побережье Черного моря. Обычно их принимают за грузила для рыболовных сетей¹. Некоторые авторы считают их грузилами отвесов², другие — гирями для ткацкого станка. Эти «грузила» употреблялись на протяжении долгого времени, начиная с периода бронзы. Точно такой же формы грузила, но из камня нашел Лалаян вместе с инвентарем бронзовой эпохи у озера Севан (коллекция Государственного музея Грузии, инв. $\frac{70-05}{\text{№ III}-24}$; $\frac{64-05}{\text{XIV}-a-I}$). В большом количестве глиняные грузила встречаются в слоях доэллинистической и эллинистической эпохи.

Для датировки Урекского поселения особенное значение имеет фрагмент чернолакового сосуда. Этот обломок сделан из хорошей глины и покрыт замечательным черным лаком. Он характеризуется всеми признаками, которые характерны для аттической керамики V—IV вв. до н. э.³. Поэтому, может быть, следует Урекское поселение датировать доэллинистической эпохой. Однако для этого у нас пока нет более веского материала.

Надо отметить также, что на территории Урека обнаружены были памятники и последующей эпохи. Мы имеем в виду те замечательные предметы из золота и серебра, которые случайно были найдены в 1942 и 1948 гг.⁴. Повидимому, здесь был могильник с богатыми погребениями.

¹ К. Ю. Костюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 и 1902 гг. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 35 и ИАК, вып. 9, стр. 58.

² В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, М., 1884 стр. 14, 17, табл. I, рис. 16.

³ Т. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г.: «Из истории Боспора». ГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 138.

⁴ А. Апакидзе. Археологические памятники позднеантичного периода из Уреки. Вестник Гос. музея Грузии, XIV-B, Тбилиси, 1947.

Э. А. СИМОНОВИЧ

РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ в с. ДАНИЛОВА БАЛКА

(Ульяновский район Одесской области)

В 1949 г. отряд Средне-бугской экспедиции Института археологии АН УССР проводил работы на Среднем Буге в районах Подолии. Разведочная шурфовка в с. Данилова Балка (вскрыта площадь около 51 м²) обнаружила культурные остатки трех удаленных друг от друга эпох: а) следы поселения трипольского времени, б) погребения Черняховского типа III в. н. э., в) погребения середины I тысячелетия н. э.¹

Полученные в результате раскопок материалы трипольского времени тем интереснее, что по всем признакам могли быть отнесены к раннему периоду существования этой древней земледельческой культуры юга СССР. Несмотря на актуальность проблемы раннего Триполья, число изученных и опубликованных памятников этой эпохи крайне недостаточно.

Место работы было расположено в самом селе Данилова Балка на высоком склоне правого берега безымянного ручья, в 150—200 м от воды.

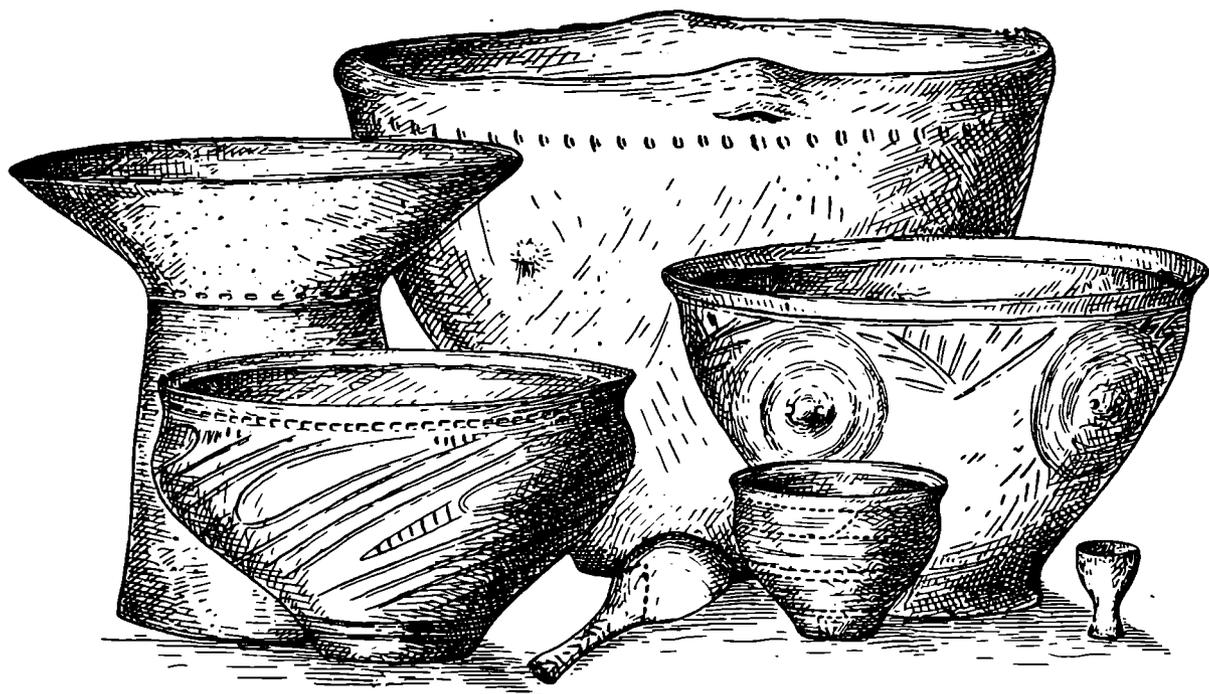
Остатки сооружений трипольского времени немногочисленны. Они исчерпываются поврежденной глиняной площадкой, выступившей вследствие размыва на одной из улиц села, и участком обожженной глины, залегавшей в одном из шурфов на глубине около 1 м.

подавляющую часть находок составляли керамика и костные остатки. Обломки трипольской посуды встречаются сразу же после снятия дерна и особенно обильными становятся на глубине 1—1,20 м от современной поверхности. В результате того, что площадь, где производились раскопки, использовалась в I тысячелетии н. э. как могильник, стратиграфическое расчленение материала представлялось делом очень трудным. Однако сопоставления трипольской керамики верхних и нижних горизонтов в ряде шурфов показывают однородность материалов на различных уровнях и на разных участках.

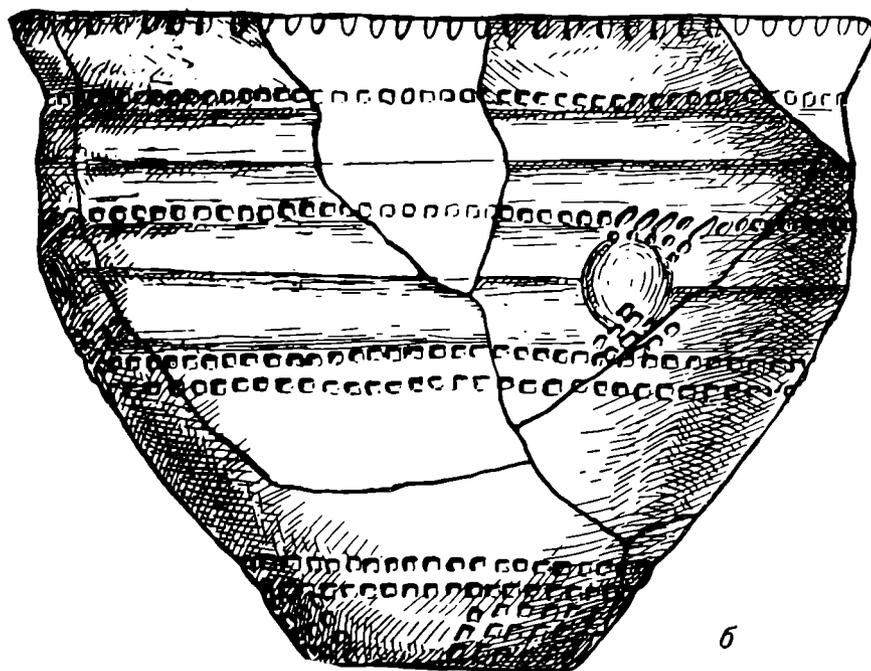
Представление о типах посуды трипольского времени в с. Данилова Балка дает графическое восстановление форм сосудов по их фрагментам по методу М. П. Грязнова². Общую картину характерных видов посуды с достаточной наглядностью выявляет рис. 29, сделанный на основе рекон-

¹ О наличии древних культурных остатков в с. Данилова Балка стало известно благодаря сведениям, полученным С. С. Гамченко в 1909 г. (ОАК, 1909—1910, стр. 178) и его раскопкам 1913 г. (ОАК, 1913—1915, стр. 167).

² М. П. Грязнов. Техника графической реконструкции форм и размеров глиняной посуды по фрагментам. СА, VIII, 1946.

a

б

Рис. 29. Поселение Данилова Балка. Трипольская керамика из шурфсв. Реконструкции

струированных форм сосудов и аналогий, взятых из других поселений трипольского времени.

Как показали подсчеты, к числу основных видов посуды принадлежали: 1) «кухонные» сосуды в виде полусферических котлов с массивным плоским дном (рис. 30—1, 17); 2) небольшие горшочки с отогнутым краем, слабо-биконическим туловом с плоским или вогнутым доньшком небольшого диаметра. Более редки доньшки бóльшего диаметра, конически расширяющиеся книзу (рис. 30—2—8, 11—13, 16).

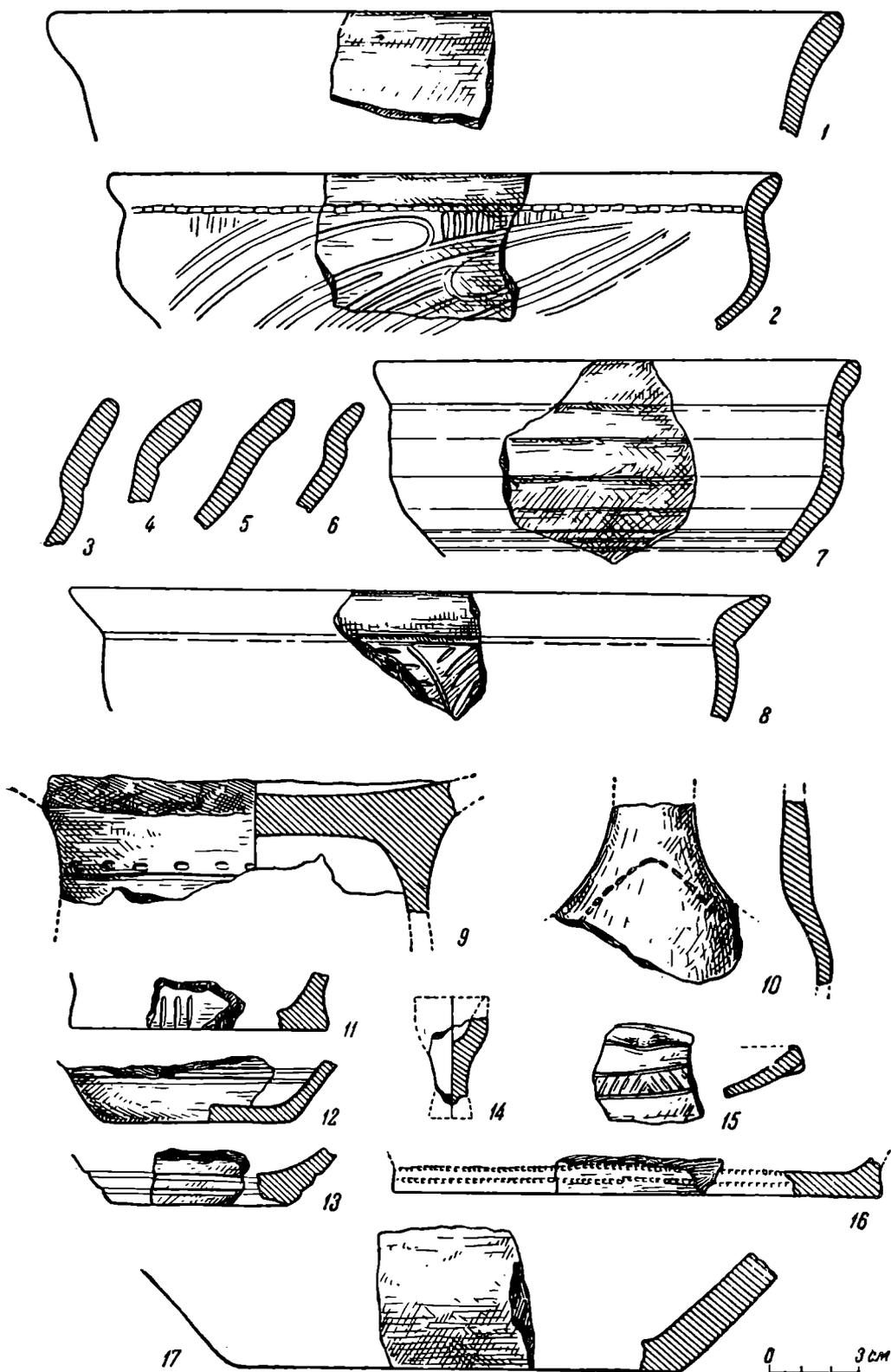

Рис. 30. Поселение Данилова Балка. Керамика

Сосуды первого типа сравнительно единообразны. Они сделаны из грубой глины серовато- и красновато-желтого цвета. На этих сосудах вместо ручек имеются налепные бугорки (рис. 31—7) или небольшие поперечные ушки (рис. 31—8). Подобные сосуды обычно имеют несколько ниже края

полосу ногтевого орнамента, нанесенную с помощью вдавлений пальца или защипов (рис. 31—1, 3).

Горшочки отличаются большим разнообразием форм и мотивов орнаментации. Глиняное тесто этих сосудов, как правило, содержит примесь мелкозернистого песка. Сосцевидные выступы-ручки со сквозными отверстиями, которые имеются на большинстве сосудов этого типа, оформлены спиралями и просто изогнутыми врезанными линиями или концентрическими лощеными каннелюрами (рис. 31—5, 6, 11). Вся поверхность тулова горшочков покрыта разнообразно изогнутыми врезанными линиями или наколами гребенки, которые в ряде случаев заполнены инкрустацией (рис. 30—2, 7, 8; рис. 31—5, 6, 9, 10, 13, 14). Иногда тулово украшено каннелюрами и покрыто лощением.

Яркое представление о сосудах подобного рода дает горшочек, орнаментированный сочетанием каннелюр и вдавлений гребенчатого штампа, сохранившийся в большей своей части.

О более редких типах посуды можно судить по фрагменту вазы, снабженной конически расширяющейся книзу высской полый подставкой (рис. 30—9), по обломкам ковшей из серой глины (рис. 30—10, 15), а также по сероглиняному маленькому сосуду (рис. 30—14). Как справедливо заключает С. Н. Бибииков, такие маленькие сосуды не могли иметь какого-нибудь практического назначения и, вероятно, служили культовым целям.

Кроме керамики и костных остатков, на поселении найдена костяная проколка (рис. 31—12), обломок плоского трапециевидного топора, сделанного из сланца (рис. 31—4), а также несколько кремневых отщепов.

Как уже упоминалось, в с. Данилова Балка в 1913 г. работал С. С. Гамченко. Однако, отчет об этих работах в Археологическую комиссию представлен не был. Коллекции добытых Гамченко материалов могли бы значительно расширить представление о трипольском поселении в с. Данилова Балка.

В фондах Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится коллекция, привезенная в 1913 г. С. С. Гамченко и происходящая из б. Подольской губернии. Происхождение этой коллекции из с. Данилова Балка устанавливается, во-первых, тем, что в архивном деле и отчетах Археологической комиссии 1913 г. имеется упоминание о работах С. С. Гамченко в Подолии только в трех пунктах, причем находки трипольских материалов зафиксированы лишь в с. Данилова Балка¹, во-вторых, тем, что в коллекции № 317 Гос. Эрмитажа, так же как и в материалах раскопок 1949 г. в с. Данилова Балка, обломки керамики трипольского времени сочетаются с аналогичными в обоих случаях по форме и тесту обломками посуды культуры «полей погребений»²; в-третьих, благодаря полному сходству в обеих коллекциях основных типов трипольской посуды и ее орнаментации³.

¹ Архив ЛОИИМК, д. 244, 1913 г. и ОАК, 1913—1915, стр. 167.

² Ср., например, сосуд № 8 из погребения № 5 с горшком, значащимся под № 215 из коллекции № 317, или вогнутые доньшки из шурфа № 3, штыки 2—3, № 385 и доньшки коллекции № 317/203, также венчики трехручной миски из погребения № 5 и коллекции № 317/199.

³ Ср. «кухонную» посуду на рис. 31—1 и Т. С. Пассек—Периодизация трипольских поселений. МИА, вып. 10, 1949, стр. 36, рис. 5—1, 2, 4. Горшки на рис. 30—2, ср. Т. Passek. La céramique tripolienne. ИГАИМК; вып. 122, Л., 1935, табл. XIX, №№ 9, 12. Доньшки на рис. 30—12 и 13 и Т. Passek. Указ. соч., табл. XIX, № 11; также рис. 30—11 и Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 36, рис. 5—3. Ср. ковши на рис. 30—15 и Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 6—2. Ср. инкрустированные фрагменты рис. 31—10, 11 и Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 6—4.

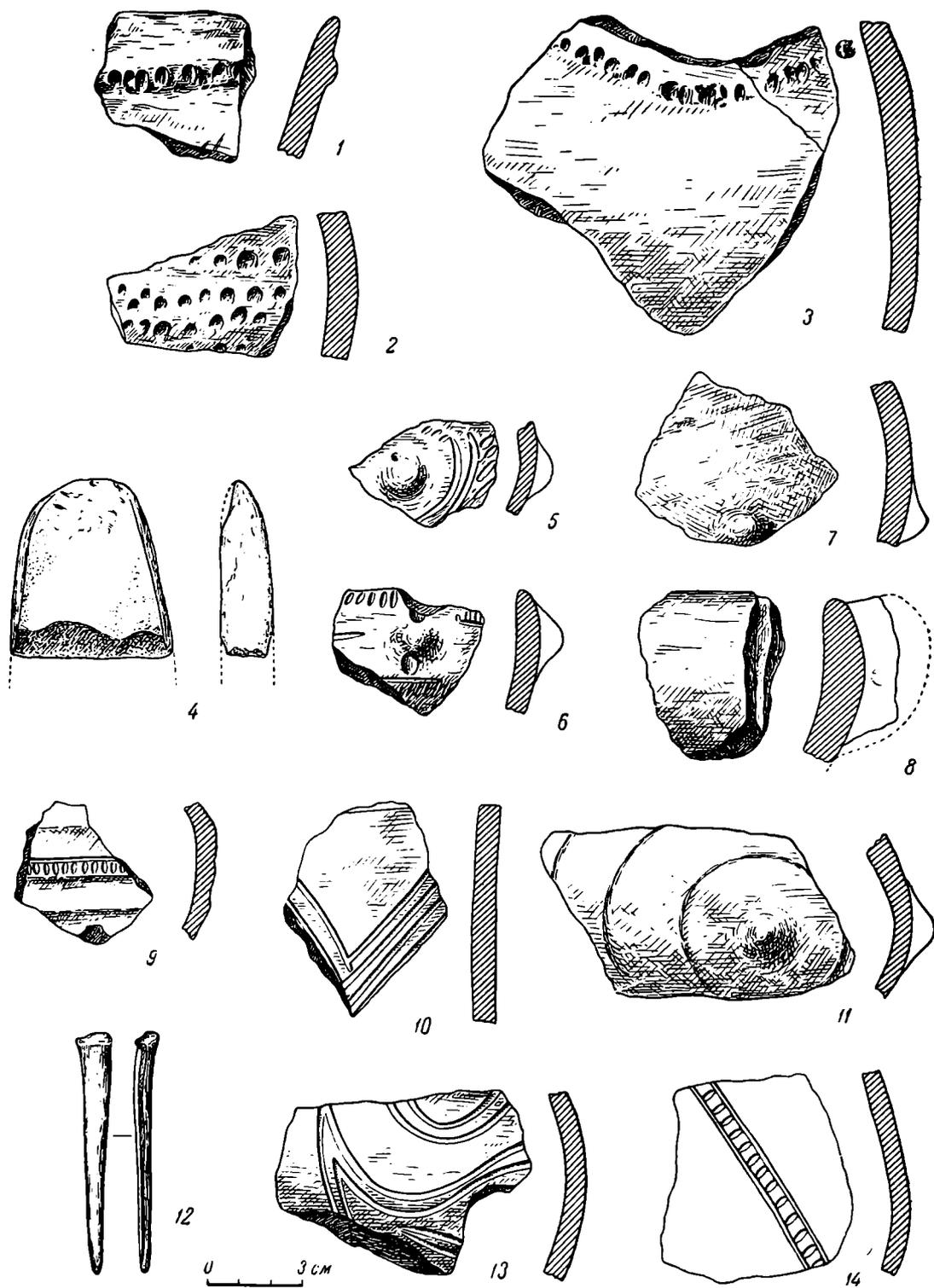

Рис. 31. Поселение Данилова Балка

1—3, 5—11, 13—14 — керамика, 12 — костяная проколка; 4 — обломок сланцевого топора

Керамика из раскопок 1913 г. С. С. Гамченко издана Т. С. Пассек, как происходящая из района Саврани, где также работал С. С. Гамченко в 1913 г.

Однако в то же время материалы коллекции № 317 являются дополнением к находкам 1949 г. Например, в коллекции № 317 имеются среди

посуды шлемовидные крышки¹, там же имеются обломки двух женских глиняных статуэток, наконец, весьма важными для характеристики экономической базы общества являются обломки мотыг из рога и камня.

Итак, весь комплекс находок из с. Данилова Балка раскопок 1913 и 1949 г. указывает на принадлежность поселения к раннетрипольскому времени (по классификации Т. С. Пассек — этап А)². Основные черты материальной культуры, известные нам благодаря раскопкам в Луке-Врублевецкой у г. Каменец-Подольска³ и в Сабатиновке II на Буге⁴, характеризуют и поселение в с. Данилова Балка. Материалы данного поселения, вполне естественно, имеют больше черт сходства с побужскими находками (Греновка, Сабатиновка II). От поселения в Луке-Врублевецкой Данилову Балку отличает: наличие в последней глиняных площадок-жилищ; почти полное отсутствие кремневого инвентаря, характерное для Побужья, бедного кремнем; незначительно также, сравнительно с поднестровскими памятниками, число статуэток; посуда хотя в общем по формам и орнаментации совпадает, но также имеет специфические детали, например, в Даниловой Балке не встречена орнаментация круглыми углубленными ямками, столь обычными в Луке-Врублевецкой. Только после появления монографических трудов, публикующих основные раннетрипольские памятники Поднепровья и Побужья, можно будет исследовать во всем объеме отличительные черты культуры в обоих районах.

Таким образом, благодаря раскопкам 1949 г. удалось установить, к какому этапу трипольской культуры принадлежит поселение в с. Данилова Балка, удалось также связать раскопанные материалы с депаспортизованной по сути дела коллекцией С. С. Гамченко, поступившей в Гос. Эрмитаж, и еще раз убедиться, сколь высока была материальная культура древнейшего земледельческого населения, жившего в лесостепной полосе юга нашей Родины.

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 29—41.

³ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, XI, 1949, стр. 127—150.

⁴ Еще в 1909 г. этот пункт был обследован С. С. Гамченко. Небольшого масштаба работы там проводились в 1932 г. и после Великой Отечественной войны там систематически проводит полевые исследования Институт археологии АН УССР.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

РАСКОПКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1949 г. Тавро-Скифская экспедиция КФ АН СССР, ИИМК АН СССР и ГМИИ под руководством П. Н. Шульца продолжила раскопки поселения кизил-кобинской культуры, расположенного у подножия восточного склона городища Неаполя Скифского, на нижней террасе левого берега р. Салгира, около Алуштинского шоссе.

Поселение было открыто в 1947 г. П. Н. Шульцем. Определить точно границы поселения пока не представляется возможным. По подъемному материалу его протяженность прослеживается вдоль склона приблизительно на 200 м и вверх по склону — приблизительно на 100 м.

Северо-восточная часть поселения разрушена шоссе, ведущим из Симферополя в Алушту, и карьером для добывания глины (рис. 32). Поверхность сохранившейся части повреждена огородными работами и распашкой.

Раскопки были начаты экспедицией в 1948 г. и производились под руководством Т. М. Минаевой¹ в той части поселения, которая прилегает к карьере. Здесь было раскопано 12 ям, большинство которых обнаружено в обресе карьера: нижние части ям с заполнявшей их темной землей отчетливо выделялись в желтом глинистом грунте, залегающем на глубине 1—1,5 м от современной поверхности. Верхние же части терялись в подпочвенном слое.

Как отмечает Т. М. Минаева, форма этих ям в общем одна и та же: круглые в плане с конически суживающимися кверху стенками. Средние размеры ям: диаметр горловины — около 0,60 м, диаметр дна — 1,35—1,50 м, глубина — 1,10—1,90 м².

По наблюдениям Т. М. Минаевой, заполнение ям как по характеру земли, так и по степени насыщенности культурными остатками ничем не отличалось от окружающего культурного слоя, что приводит ее к заключению о хозяйственном назначении этих ям³.

Над одной из них (№ 1) в верхнем горизонте культурного слоя были обнаружены две раздавленные реберчатые амфоры III — IV вв. н. э. Во-

¹ Т. М. Минаева. Отчет о раскопках поселения киммерийской эпохи у подножия Неаполя Скифского в 1948 г. (Архив КФ АН СССР).

² Там же, стр. 16—17. Глубина и диаметр отверстия даются с учетом первоначальной глубины ям.

³ Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 17 и 20.

сточная часть этой ямы оказалась срезанной подбойной могилой с погребением человека с собакой. Кости были сдвинуты, вещей не оказалось.

Т. М. Минаева высказала справедливое предположение о связи этого погребения с некрополем Неаполя Скифского¹.

Задачей наших раскопок 1949 г. было, во-первых, исследовать ряд ям, замеченных в обресе карьера, чтобы получить дополнительный материал для решения вопроса об их назначении. Начать работу с этого участка было необходимо еще и потому, что находящимся здесь ямам угрожало разрушение из-за оползней и добычи глины местным населением (раскопы V и VIII)².

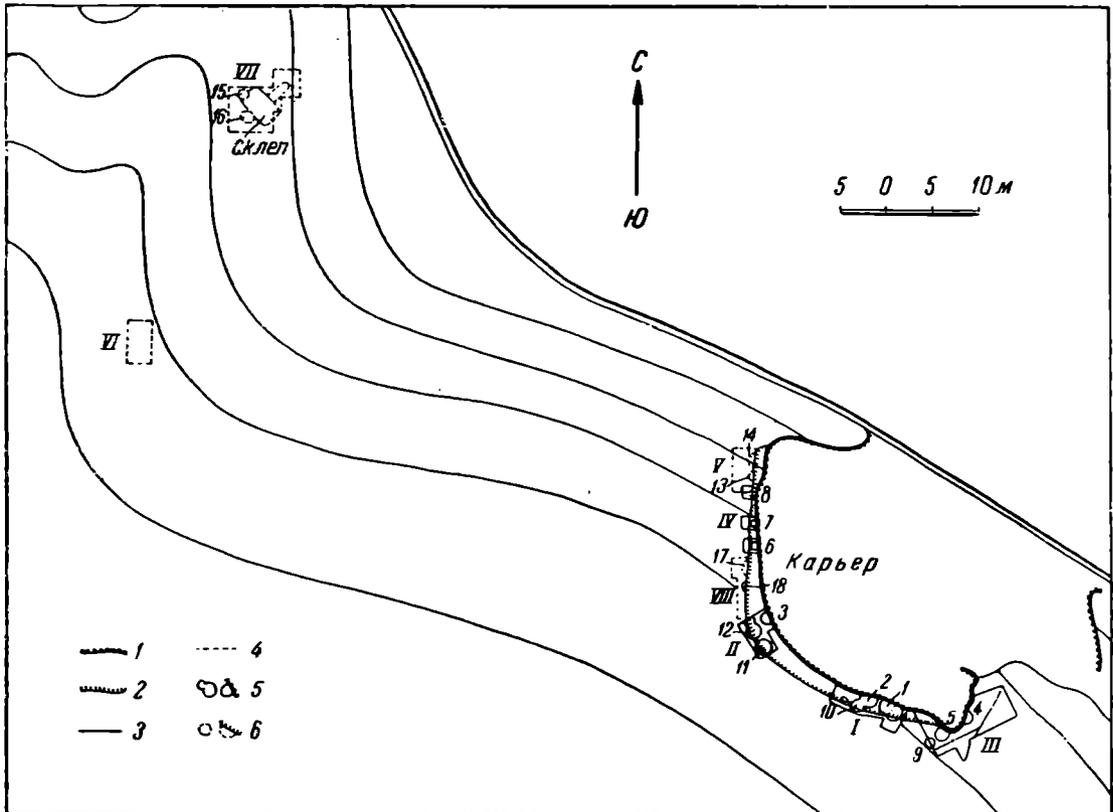

Рис. 32. Симферопольское поселение. План

Условные обозначения: 1 — граница карьера в 1948 г., 2 — граница карьера в 1949 г.; 3 — границы раскопов 1948 г.; 4 — границы раскопов 1949 г.; 5 — ямы, раскопанные в 1948 г.; 6 — ямы, раскопанные в 1949 г. Римскими цифрами указаны номера раскопов

Второй задачей являлось выяснение границ поселения и уточнение времени его существования, а также определение территории распространения ям (раскопы VI и VII).

Общая площадь, вскрытая раскопками 1949 г., составляет 69 м².

Раскоп V расположен в с.-з. части карьера и ориентирован с севера на юг; восточный борт его проходит по краю карьера. Размеры: 5 × 2,5 м, ю.-в. угол срезает яма № 8, открытая во время раскопок 1948 г.

Верхний слой — дерново-почвенный, толщиной 0,30 м. Под ним — однородный серый гумусный слой толщиной до 1 м. Ниже залегает желтая материковая глина.

Здесь в обресе были замечены две ямы — №№ 13 и 14, которые и

¹ Там же, стр. 2 сл.

² Нумерация раскопов и ям продолжает нумерацию 1948 г.

были расчищены. Восточные половины ям срезаны карьером, так что удалось проследить лишь западные их половины, точнее — нижние части последних. Расстояние между ямами (с севера на юг) — 0,40 м.

Яма № 13 имела форму усеченного конуса, резко расширяющегося книзу. Глубина сохранившейся вырытой в глине части — 0,50 м; диаметр отверстия — 0,90 м; диаметр дна — 1,30 м.

Земля, заполнявшая яму, — серая, такая же, как и в перекрывающем ее слое, оказалась насыщенной обломками керамики того же типа, что и в верхнем слое (около 250 обломков). В верхней части ямы найдены куски обожженной глины, куски глиняной обмазки со следами соломы, растрескавшиеся от огня камни, несколько кусочков угля, обломок зернотерки из песчаника, кости животных, из них некоторые обгорелые.

Яма № 14, в противоположность всем остальным ямам, суживалась книзу. Размеры ее: глубина в глине — 0,90 м; диаметр отверстия — 1,75 м; диаметр дна — 1,30 м. Заполнение имеет тот же характер, что и в яме № 13.

Раскоп VIII находится на ю.-з. краю карьера, на расстоянии 7,5 м к югу от раскопа V, и состоит из последовательно расположенных с севера на юг трех участков: 1) 2×2 м, 2) $1,5 \times 1,5$ м, и 3) 3×1 м. Общая площадь — 8,5 м².

На первых двух участках этого раскопа были расчищены две ямы (№№ 17 и 18), замеченные в обресе. Здесь, как и на раскопе V, сохранились западные половины ям, а восточные срезаны карьером. Расстояние между ямами с севера на юг — 0,40 м. На третьем участке ям не оказалось.

Яма № 17 имела форму усеченного конуса. Размеры: глубина в глине — 0,40 м; диаметр отверстия — 1,60 м; диаметр дна — 1,70 м. В заполнявшей яму темной земле, как и в выше лежащем культурном слое, оказалось крайне мало находок: несколько обломков керамики и костей.

Яма № 18 также имела форму усеченного конуса. Размеры: глубина в глине — 0,50 м; диаметр отверстия — 1,10 м; диаметр дна — 1,40 м. Яма содержала темную золистую землю и большое количество находок — костей животных и обломков керамики. Здесь найден целый миниатюрный круглодонный горшочек (рис. 33—1) и три дающих полный профиль фрагмента круглодонных лощеных сосудов, один из которых имеет характерный резной орнамент из ямок и заштрихованных треугольников (рис. 33—2). Здесь же найден обломок большого простого горшка с «ногтевым» орнаментом.

Раскоп VI разбит на расстоянии около 70 м к с.-з. от раскопа VIII, на ровной площадке, возвышающейся над склоном. Размеры: $5 \times 2,5$ м.

На поверхности здесь попадался подъемный материал такой же, как и везде на поселении: обломки керамики кизил-кобинского типа.

Раскоп этот дал наименее интересные результаты. Верхний слой дерново-почвенный, толщина — 0,30 м. Под ним до глубины 2 м от поверхности шел однородный серый гумусный слой с культурными остатками, ниже которого начался слой материковой глины.

Ям здесь не обнаружено. Культурный слой оказался беден находками. Встречались очень мелкие обломки керамики. Среди общей массы керамики кизил-кобинского типа в верхнем горизонте встречено несколько обломков амфор, к сожалению, невыразительных. Костей животных также немного. Находки попадались главным образом в 1—3 штыках, а ниже их крайне мало.

На глубине 1,50 м от поверхности в с.-в. углу раскопа найдено скопление обломков нескольких больших лепных горшков. Можно предположить, что здесь была яма, которую в темной земле проследить не удалось.

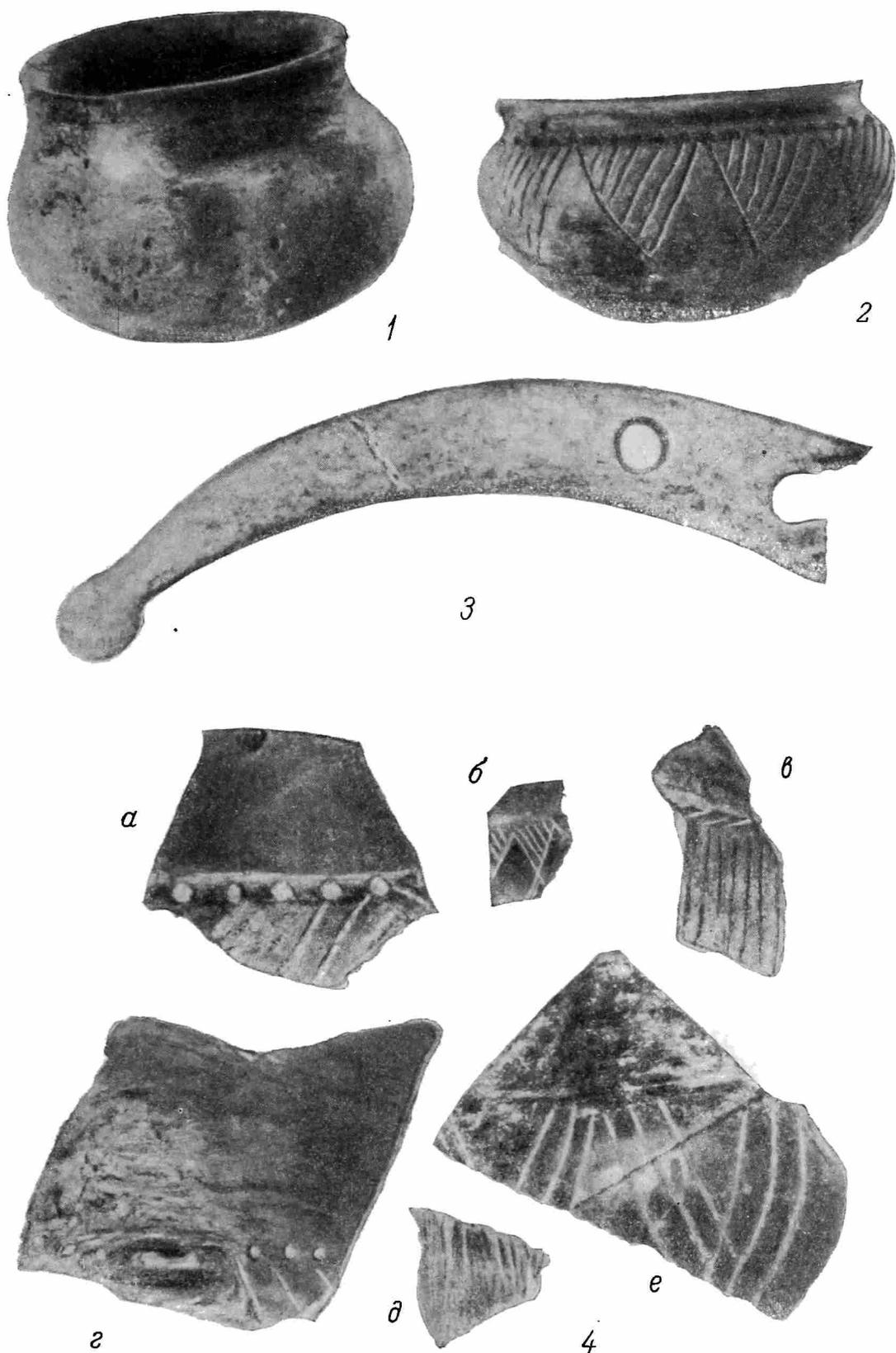

Рис. 33. Симферопольское поселение

1 — миниатюрный лощеный сосуд (яма № 18); 2 — лощеный сосуд с резным орнаментом (яма № 18); 3 — обломок костяного псаляя; 4 — обломки лощеных сосудов с резным орнаментом

Раскоп VII находится на склоне, около самого Алуштинского шоссе, на расстоянии 15 м от него (рис. 32).

Раскоп представляет собой квадрат 5×5 м, к которому с с.-в. сделана прирезка площадью $10,5 \text{ м}^2$ для доследования открытого здесь земляного склепа III в. н. э., относящегося к некрополю Неаполя Скифского¹.

Поверхность склона в этом месте изобиловала находками, что и побудило заложить здесь раскоп.

На этом участке, как и около карьера, открыты ямы — №№ 15 и 16. Они расположены на линии с СЗ на ЮВ, на расстоянии 1 м друг от друга и, вероятно, являются звеном в цепочке ям, тянущейся в этом направлении. Прослежены нижние части ям, вырытые в материковой глине, залегающей здесь на глубине в среднем 0,50 м от поверхности.

Яма № 15 имела в сохранившейся нижней части цилиндрическую форму. Частично сохранилась обкладка стенок мелкими рваными камнями. Размеры: глубина в глине — 0,40 м, диаметры отверстия и дна — 1,40 м.

Заполнение ямы — темная мягкая земля, несколько костей животных, несколько обломков лощеной керамики с резным орнаментом и около 100 крупных обломков больших простых лепных горшков.

Яма № 16 имела форму усеченного конуса. Размеры: глубина в глине — 0,60 м; диаметр отверстия — 1,50 м; диаметр дна — 1,80 м. Яма была заполнена темной золистой землей, местами с прослойками чистой золы с большим количеством кусочков угля. Здесь найдено свыше 130 обломков лепной керамики, обломок глиняного ситечка, кусок глиняной обмазки со следами прутьев, обломки зернотерок и половинка костяного псаля (рис. 33—3), а также много перерубленных костей животных, некоторые обгорелые.

* * *

Итак, по размерам и форме ямы, открытые раскопками 1949 г., сходны с ямами 1948 г. За исключением ямы № 14, суживающейся книзу, и ямы № 15, имеющей в сохранившейся нижней части цилиндрическую форму, остальные ямы конусообразно расширяются книзу. Диаметры их верхних частей в слое глины — 1—1,60 м. Диаметры дна — 1,40—1,80 м. Глубина сохранившихся в глине нижних частей — 0,40—0,60 м.

Однако по заполнению эти ямы, кроме ямы № 17, бедной находками, резко отличаются от ям 1948 г. Все они были чрезвычайно насыщены находками, в отличие от окружающего культурного слоя. Некоторые из ям (№№ 16 и 18) были заполнены золистой землей, причем яма № 16 содержала прослойки чистой золы и много кусочков угля. В ямах №№ 13 и 14 встречались кусочки угля и обгорелые камни, т. е. ямы содержали очажные отбросы. Такое заполнение ям мы не можем рассматривать иначе, как мусорное.

Аналогичные по форме и содержанию ямы встречаются и на других поселениях кизил-кобинской культуры и являются наряду со своеобразной керамикой характерной их особенностью. Вопрос о назначении этих ям до сих пор окончательно не разрешен.

Так, один из первых исследователей кизил-кобинской культуры Г. А. Бонч-Осмоловский писал, что «назначение этих ямок, наполненных золой, керамикой и костями животных, до сих пор неясно. Судя по содержанию, их можно было бы назвать мусорными, но трудно предполагать

¹ Таким образом, выясняется, что поздний некрополь Неаполя Скифского простирался вплоть до нижней террасы р. Салгира, перерезая территорию поселения. Поэтому не случайным оказывается погребение с позднеаримскими амфорами, обнаруженное при раскопках поселения в 1948 г. См. ВДИ, 1951 г., № 2.

такую заботливость о санитарном состоянии своих поселений в столь давние времена»¹.

С. Ф. Стржелецкий, исследовавший в 1940 г. Инкерманское поселение, считает несомненным хозяйственное назначение ям, воздерживаясь от более подробного суждения о них ввиду ограниченности материала². Ямы эти по своей форме и характеру заполнения сходны с ямами наших раскопок 1949 г.

Трудно допустить, чтобы ямы Симферопольского поселения, открытые в 1948 и 1949 гг., расположенные цепочкой вдоль склона на расстоянии не более 1 м друг от друга, различались между собой по назначению, чтобы здесь могли быть устроены рядом и хозяйственные и мусорные ямы. Мало вероятно также, чтобы ямы были вырыты специально для мусора. Рытье ям требовало значительного труда; ямам придавали конусообразную форму, а стенки ямы № 15 даже были обложены камнем.

Приходится остановиться на предположении, что здесь мы имеем дело со вторичным использованием ям: хозяйственные ямы, предназначенные для хранения продовольствия, ставшие почему-либо непригодными или ненужными, использовались как мусорные.

Находки, значительную часть которых дали ямы, состоят почти исключительно из обломков керамики и костей животных. Среди последних встречаются кости коровы, лошади и мелкого рогатого скота³. Встречено много костей, перерубленных на мелкие части, а также несколько обгорелых. Костный материал свидетельствует о занятии жителей поселения скотоводством.

Керамика Симферопольского поселения сближает его с рядом аналогичных поселений кизил-кобинской культуры, известных на территории Крыма⁴, что выяснилось уже в результате первого года раскопок.

Раскопки 1949 г. значительно обогатили имевшуюся коллекцию керамики, позволили выделить некоторые новые типы и дополнить классификацию, сделанную Т. М. Минаевой по материалам раскопок 1948 г.⁵

В верхнем горизонте поселения встречаются крайне малочисленные и притом невыразительные обломки амфор, связанные, повидимому, с Неаполем Скифским.

Вся керамика поселения лепная. Стратиграфически она не подразделяется, одни и те же типы встречаются на всей глубине культурного слоя и в ямах. Различаются две группы керамики, причем первая группа преобладает.

Первую группу составляют простые сосуды, повидимому, кухонные. Поверхность их шероховатая, серого или красноватого цвета. Глина с примесью дресвы и ракушечника. В эту группу входят главным образом горшки со слабо отогнутым венчиком, все плоскодонные, различных размеров. Сюда же относится представленная пока только одним фрагментом небольшая чашечка с высокой ручкой. Некоторые из этих горшков имеют рельефный валик на плечиках (рис. 34—1 д). Характерных валиков с несмыкающимися концами, встреченных Минаевой в 1948 г., при наших раскопках не найдено. Иногда на валике имеются вдавления (рис. 34—1 в).

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Крым, № 2, М., 1926, стр. 93.

² С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947, стр. 285.

³ В 1948 г., по определению В. И. Цалкина, были найдены, кроме того, кости благородного оленя от двух особей.

⁴ О них см. П. Н. Шultz. Кизил-кобинская культура и вопрос об ее связях с киммерийцами и ранними таврами (Архив КФ АН СССР).

⁵ Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 15—16.

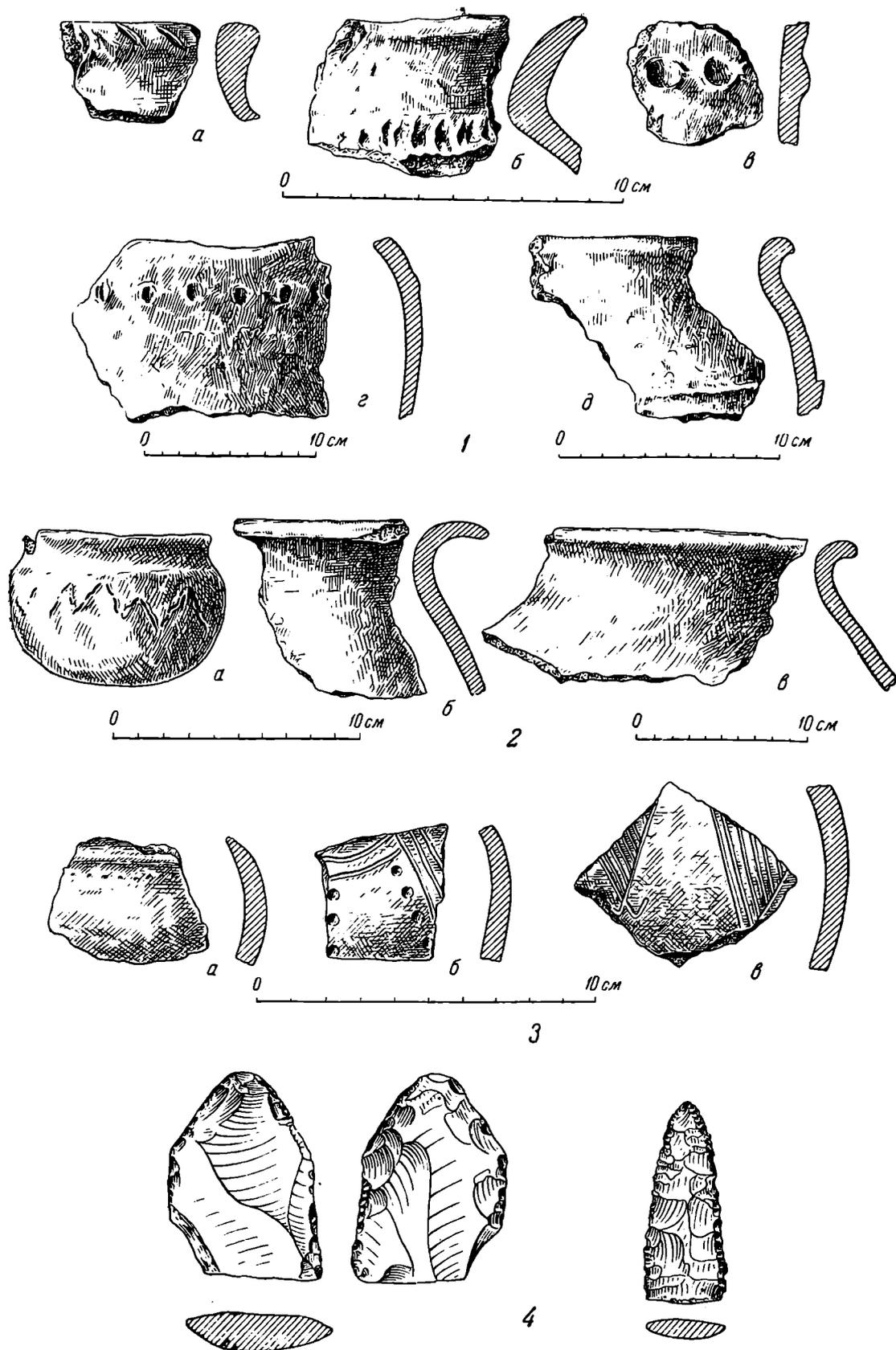

Рис. 34. Симферопольское поселение

1 — обломки лощеных сосудов; 2 — типы орнамента простых сосудов; 3 — обломки лощеных сосудов с резным орнаментом; 4 — кремневые орудия

Встречается также орнамент в виде вдавлений по плечикам («ногтевой») и в виде наклонных насечек по венчику (рис. 34—1а, б).

Вторую группу составляют лощеные сосуды, очевидно, столовые, выполненные значительно более тщательно. Качество лощения в большинстве случаев очень хорошее, поверхность черная, изредка серая, желтоватая или красноватая. Глина лучше промешана, примесей в ней меньше.

И в этой группе наряду с маленькими сосудами встречаются большие (диаметром около 30 см). Сюда относятся горшки с раздутым туловом, высокой шейкой и сильно отогнутым венчиком, очевидно, плоскодонные (рис. 34—2). Полностью восстанавливается форма небольшого круглодонного, со слегка уплощенным дном, низкого горшочка или чаши с шаровидным туловом, низкой шейкой и едва отогнутым или прямым краем (рис. 33—2; 34—2). У этих сосудов внутренняя поверхность также лощеная. Интересен единственный целый сосуд — миниатюрный (диаметр — 6 см), шаровидный круглодонный горшочек (рис. 33—1).

Лощеных сосудов с ручками пока не найдено, хотя встречено отдельно несколько ручек от сосудов. Среди них преобладают плоские, широкие ручки. Как на больших, так и на маленьких лощеных сосудах встречаются налепы — рудиментарные ручки, по преимуществу имеющие только орнаментальное значение. Они не исключают применения другого орнамента — резного (рис. 33—4₂).

Многие лощеные сосуды имеют на плечиках резной орнамент. Характерно сочетание точек и заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз (рис. 33—2 и 33—4_а). Встречается орнамент, состоящий только из точек или ямок (рис. 34—3), иногда только из заштрихованных треугольников (рис. 33—4_б), а чаще из наклоненных друг к другу групп параллельных линий, образующих зигзаги или подобие заштрихованных треугольников (рис. 33—4_е). Имеются обломки с более сложным орнаментом, пока не вполне ясным (рис. 34—3_б, в). В редких случаях можно проследить инкрустацию орнамента белой пастой.

Следует отметить другие керамические находки: два обломка ситечек с красной лощеной поверхностью. Привлекает особое внимание кусок глиняной обмазки со следами прутьев, быть может, связанный с жилищем.

Найдено несколько обломков зернотерок из песчаника, являющихся пока единственным свидетельством земледелия на нашем поселении.

При раскопках изредка попадались необработанные куски кремня, кремневые отщепы. В верхнем горизонте у самой поверхности найдено два кремневых орудия: одно из них — обломанный в нижней части наконечник дротика с прекрасной двусторонней ретушью с подправкой по краям (рис. 34—4_а); другое — грубое орудие неправильной формы, также с отломанной нижней частью (рис. 34—4_б).

Кремневые орудия часто встречаются на поселениях кизил-кобинской культуры и могут рассматриваться как пережиточное, отсталое явление этой переходной от бронзы к железу культуры, не давая, однако, основания относить её к IV—III тысячелетию до н. э., как это делал С. Н. Бибиков¹.

Из всех находок особенно интересна половина костяного псалия архаического скифского типа с тремя отверстиями, найденная в яме № 16 (рис. 33—3). Повидимому, это нижняя часть псалия; отсутствующая верхняя часть могла оканчиваться изображением головы животного, как это обычно бывает на раннескифских псалиях, нижние концы которых чаще всего имеют профильное изображение копыта. Но встречаются экземпляры с нижним концом, подобным округлому концу нашего псалия¹, могущему

¹ С. Н. Биби́ков. Основные вопросы первобытной истории Крыма. Доклад на сессии по истории Крыма, Симферополь, 1948. (Архив КФ АН СССР).

по определению Б. Н. Гракова, рассматриваться, как изображение копыта в плане.

Этот псалий — пока единственный среди находок кизил-кобинской культуры. Он свидетельствует об использовании жителями поселения лошади для езды. Псалий, как и керамика, указывает на близость форм кизил-кобинской и раннескифской культур и дает возможность датировать наше поселение VII — VI вв. до н. э. Это особенно ценно потому, что хорошо датируемых предметов на кизил-кобинских поселениях вообще известно очень мало, а на нашем до сих пор не имелось.

Дата Симферопольского поселения определяется также чрезвычайно близким сходством его керамики с наиболее ранней лепной керамикой из Нимфея, найденной в 1948 и 1949 гг. при раскопках экспедиции Гос. Эрмитажа под руководством М. М. Худяка². Ранняя группа нимфейской лепной керамики датируется по греческим ионийским и чернофигурным фрагментам концом VII — VI вв. до н. э.

Для решения вопроса об этнической принадлежности жителей Симферопольского поселения и других поселений кизил-кобинской культуры необходимо принять во внимание близкое сходство их керамики с керамикой, найденной в погребениях в каменных ящиках, обычно относимых к таврам³. В связи с этим интересен случай нахождения относящихся к поселению скорченных погребений в примитивных каменных ящиках у с. Кипчак⁴.

Большинство кизил-кобинских поселений расположено в горных и предгорных районах Крыма, т. е. на территории, с которой античные авторы связывают тавров⁵. Исключение представляют находки кизил-кобинской керамики на Керченском полуострове⁶, с которым античная традиция связывает киммерийцев.

Группа простой керамики Симферопольского поселения, как и других поселений кизил-кобинской культуры, в особенности Белогорского⁷, имеет черты сходства с раннескифской и предполагаемой киммерийской керамикой, для которой характерно наличие сосудов с рельефными валиками на плечах⁸.

Все эти данные позволяют считать кизил-кобинскую культуру ранне-таврской и видеть в ней также некоторые родственные киммерийской культуре элементы.

Предположение о принадлежности кизил-кобинской культуры таврам было высказано еще в 1926 г. Г. А. Бонч-Осмоловским⁹.

В 1940 г. С. Ф. Стржелецкий в результате работ на Инкерманском поселении отмечает сходство керамики поселения с керамикой каменных ящиков и называет поселение таврским¹⁰.

¹ Ханенко. Древности Приднепровья, т. III, табл. XLVIII, № 528.

² М. М. Худяк. Раскопки в Нимфее (Архив КФ АН СССР).

³ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, ЭО, стр. 149, рис. 29 (а); С. А. Семенов-Зусер. Раскопки крымских дольменов. СГАИМК, 1931, № 7, стр. 24.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 91 и 94.

⁵ Геродот, IV, 99—100; Страбон, VII, 4, 3—4.

⁶ М. М. Худяк. Указ. соч.; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки сев. и зап. частей Мирмекия. МИА СССР, вып. 4, стр. 127—130, рис. 29а,б; Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-зап. части Тиритаки. МИА СССР, вып. 4, стр. 40, рис. 53.

⁷ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция, КСИИМК, вып. XXVII, стр. 66.

⁸ П. Н. Шульц. Кизил-кобинская культура и вопрос об ее связи с киммерийцами и ранними таврами, стр. 27 сл.

⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 94.

¹⁰ С. Ф. Стржелецкий. Указ. соч., стр. 285.

Странно, что В. Н. Дьяков в своей очень интересной работе о Таврике пишет, что пока еще нет оснований считать кизил-кобинскую культуру таврской именно из-за ее своеобразной керамики¹.

Кизил-кобинской культуре недавно посвятил большое исследование П. Н. Шульц, поставивший на археологическом материале затрагивавшийся и другими исследователями² вопрос о родстве тавров с киммерийцами, крымской ветвью которых, возможно, являются тавры³.

Надо полагать, что дальнейшие раскопки поселений и могильников киммерийской эпохи на Украине и в Крыму, в частности, на Керченском полуострове, дадут возможность ближе подойти к решению этих вопросов.

¹ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГПИ; т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 14.

² С. А. Жебелев. Народы Сев. Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, 1938, № 1, стр. 150; В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 11; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 27.

³ П. Н. Шульц. Кизил-кобинская культура..., стр. 59.

Р. Б. АХМЕРОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В БАШКИРИИ

Территория Башкирии в археологическом отношении в достаточной мере еще не изучена. Между тем с каждым годом на ее территории выявляются все новые археологические памятники, свидетельствующие о богатстве этого края остатками материальной культуры минувших столетий. Автор настоящей статьи, не являющейся сводкой, преследует лишь цель предварительно ознакомить читателей с теми случайными находками, которые были обнаружены в Башкирии за последние годы.

1. Каменные орудия поймы р. Уфимки

Летом 1949 г. учащимися 26-й средней школы Уфы во время экскурсии были найдены исключительно интересные каменные орудия¹. Они обнаружены в Караидельском районе Башкирии на правом берегу р. Уфимки вблизи устья р. Юрюзани, около д. Нижний Бурунгут. По словам находчиков, орудия в пойме реки лежали совершенно открыто в куче камней.

Самым интересным является массивное кремневое орудие, которое мы условно назовем ручным топором. Длина топора — 23 см, наибольшая ширина — 10 см, толщина 2,5—3 см. (рис. 35—1).

Техника изготовления его очень проста и груба. Рабочие края отточены с помощью крупной и неравномерной оббивки, создающей в некоторых местах зубчатость. Один конец топора заострен, другой сравнительно широк и округлен. Поверхность рубила с одной стороны ровная, плоская, с тонким известняковым налетом, а с другой — с крупными сколами и значительным утолщением и выемкой посередине. Судя по внешней форме, топор-рубилло имел универсальное назначение: широкий и несколько выступающий углом край с тремя зубчиками, вероятно, служил для рубки, сравнительно прямой и слегка утолщенный край мог служить для удара, а острый конец, очевидно, был предназначен для колки.

По своему характеру это орудие может быть отнесено к палеолитическому времени. В связи с этим интересно отметить тот факт, что первые палеолитические стоянки, открытые в 1938 г. С. Н. Бибиковым на южном

¹ Была ли поблизости от места обнаружения орудий стоянка, пока неясно. Находки были переданы Краеведческому музею Башкирии, за что мы приносим благодарность учительнице 26-й уфимской школы А. И. Шитовой и учащимся Блонскому, Кирилову и Шуршину.

Урале, не дали каких-либо остатков материальной культуры, если не считать кремневых отщепов. Топорик-рубило имеет исключительную ценность именно потому, что подобное орудие найдено в Башкирии впервые.

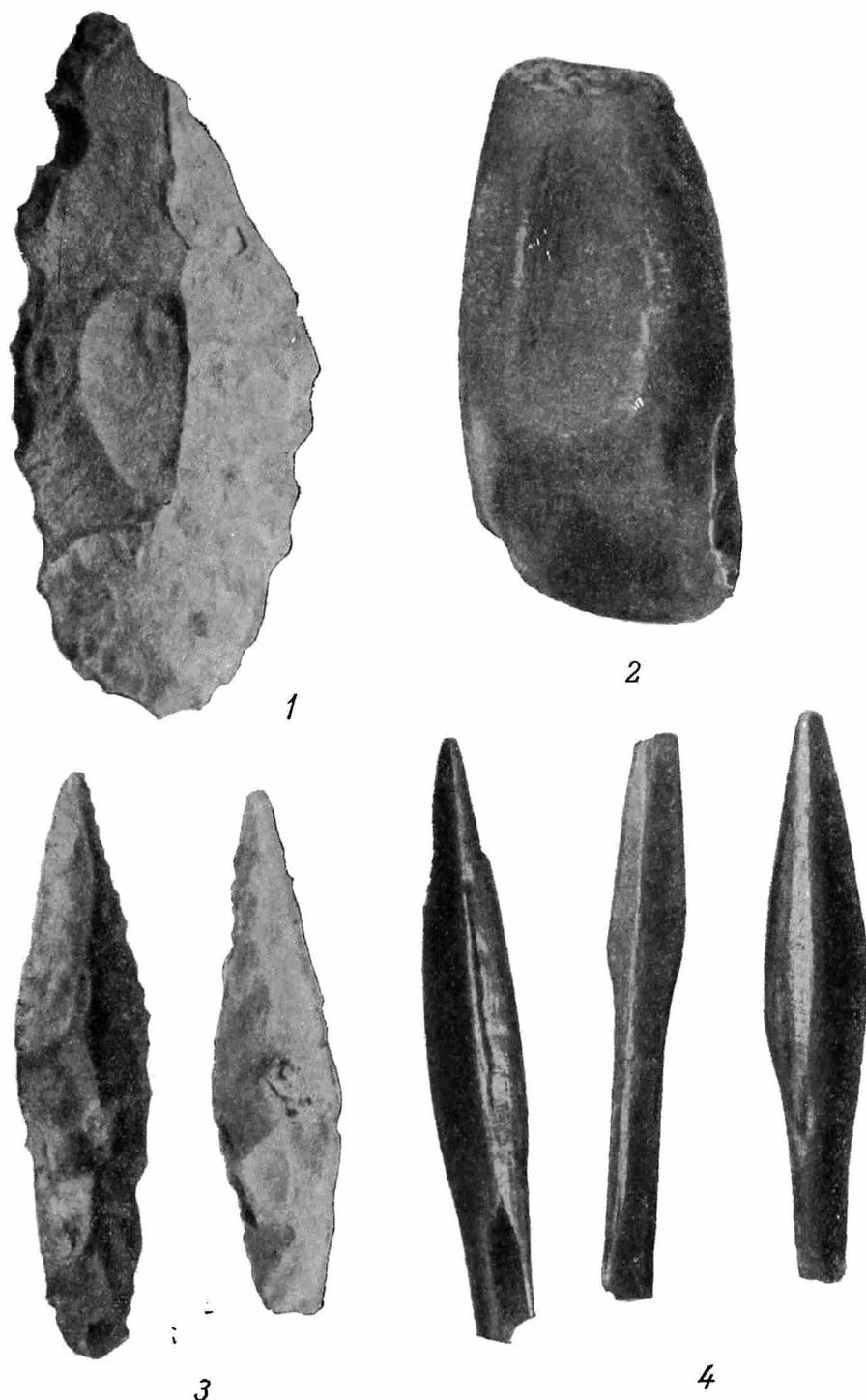

Рис. 35. Каменные и костяные орудия из Башкирии

1 — кремневое «ручное рубило» и 2 — тесло из зеленоватого камня, найденные в 1949 г. на берегу р. Уфимки; 3 — кремневые и 4 — костяные наконечники стрел, найденные в торфянике в Илишевском районе Башкирии

Надо полагать, что кремневое орудие, найденное на берегу Уфимки в 1949 г., после всестороннего его изучения облегчит периодизацию палеолита на Урале. Все это диктует необходимость глубокого археологического изучения местностей, прилегающих к рекам Уфимке и Юрюзани.

Вторым предметом, найденным там же, является тесло из зеленовато-серого камня. Высота тесла — 10,5 см, ширина — 5,5 см, толщина — 2 см. (рис. 37—2). Поверхность тесла хорошо отшлифована. Округленное лезвие с одной стороны скошено. Верхняя часть тесла постепенно суживается. По технике изготовления тесло, несомненно, относится к неолитическому времени.

2. Неолитическая стоянка

При истоке р. Исян-Елга, на территории колхоза им. Худайбердина Верхне-Ярхеевского сельсовета Илишевского района Башкирии, на торфо-разработках колхозницей С. М. Минлигалеевой в июне 1946 г. были найдены кремневые и костяные наконечники стрел.

По рассказу очевидцев, наконечники стрел найдены в слое торфа на глубине 80 см от поверхности земли. Торфяник расположен в сравнительно не глубокой, но широкой пойме р. Исян-Елга.

Наконечники высыпались при добыче торфа из высохших торфяных кусков; множество их выбрасывали из печи для просушки торфа с золой. Все наши попытки отыскать выброшенные не увенчались успехом, и в наши руки попали лишь пять наконечников стрел — два каменных и три костяных.

Кремневые наконечники — листовидной (ива) формы, напоминающие ромб со значительным утолщением вдоль середины и удлиненно-утонченными остриями. Нижние части наконечников несколько шире, чем верхние, они тоже утончены для удобства насадки. Оба наконечника хорошей сохранности. Длина их — 8,2 и 7,5 см (рис. 35—3).

Из трех костяных наконечников два тоже имеют вид листьев ивы с той лишь разницей, что один из них шире и тоньше, а другой уже и толще посередине. Третий наконечник характеризуется тремя четко выступающими гранями и длинным круглым черешком. У всех костяных наконечников поверхность хорошо отполирована и имеет темноватый с блеском цвет. Черешки клиновидно обрезаны для насадки, два из них хорошей сохранности, а третий обломан. Длина наконечников — 8—8,5 см (рис. 35—4). Наконечники стрел относятся ко времени Шигирской культуры Урала.

Важно отметить, что при выемке торфа находили целые сосновые бревна. Кроме того, в слое торфа изредка попадаются кости животных и птиц. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что здесь, может быть, существовали свайные постройки.

3. Находки у подножия «Долгой горы»

В 1945 г. при земляных работах у подножья «Долгой горы» (Куш-Тау), на правом берегу р. Белой на глубине 1,6 м от уровня современной поверхности был обнаружен клад бронзовых орудий. Место, где найдены предметы, расположено на территории Макаровского района Башкирской АССР, на расстоянии 18 км от Стерлитамака.

Находки передал Краеведческому музею Башкирской АССР Я. Е. Усенюк.

Предметы клада представляют значительный интерес. Их ценность заключается прежде всего в том, что подобные предметы на территории Башкирии найдены впервые и относятся, как мы полагаем, к бронзовому веку.

В одном комплексе найдены следующие предметы:

1. Наконечник бронзового копья с листовидным пером и продольно-ребристым утолщением посередине; втулка не сомкнутая, длинная с постепенным расширением книзу; с одной стороны втулки небольшое отверстие, очевидно, для гвоздя. Длина втулки — 8,3 см, длина пера — 5 см (рис. 36—1). Копье сломано на две части находчиками.

2. Бронзовый наконечник дротика с ромбовидным пером с ребром посередине; втулка не сомкнутая и расширяется книзу; кончик пера обломан. Общая длина — 8,5 см (рис. 36—2). Наконечник сломан на две части.

3. Наконечник бронзового гарпуна (может быть, дротика) черешкового с длинным зубцом, выступающим с одной стороны; перо в виде треугольника, с продольно-ребристым утолщением посередине. Черешок длинный, массивный с заостренным концом для насадки и тремя рубчиками посередине для закрепления в древке. Общая длина — 12,5 см (рис. 36—3).

4. Топорик (долото) бронзовый, втучатый, с округленно-расширенным лезвием. Втулка овальная, не сомкнутая, расширяется книзу. Длина — 7,5 см (рис. 36—4). Можно предполагать, что описываемый топорик являлся прототипом позднейших топоров бронзового века — кельтов.

5. Часть бронзового ножа, плоского, с двусторонним лезвием; конец острия отломан. Длина фрагмента — 5,5 см, ширина — 1,8 см (рис. 36—5). Почти аналогичный ножик был найден в Левшинской неолитической стоянке, в Молотовской области¹.

6. Бронзовый предмет неопределенного назначения, быть может, полуфабрикат. Судя по форме можно полагать, что он был предназначен дляковки наконечника стрелы. Длина — 4,9 см, наибольшая ширина — 1 см (рис. 36—6).

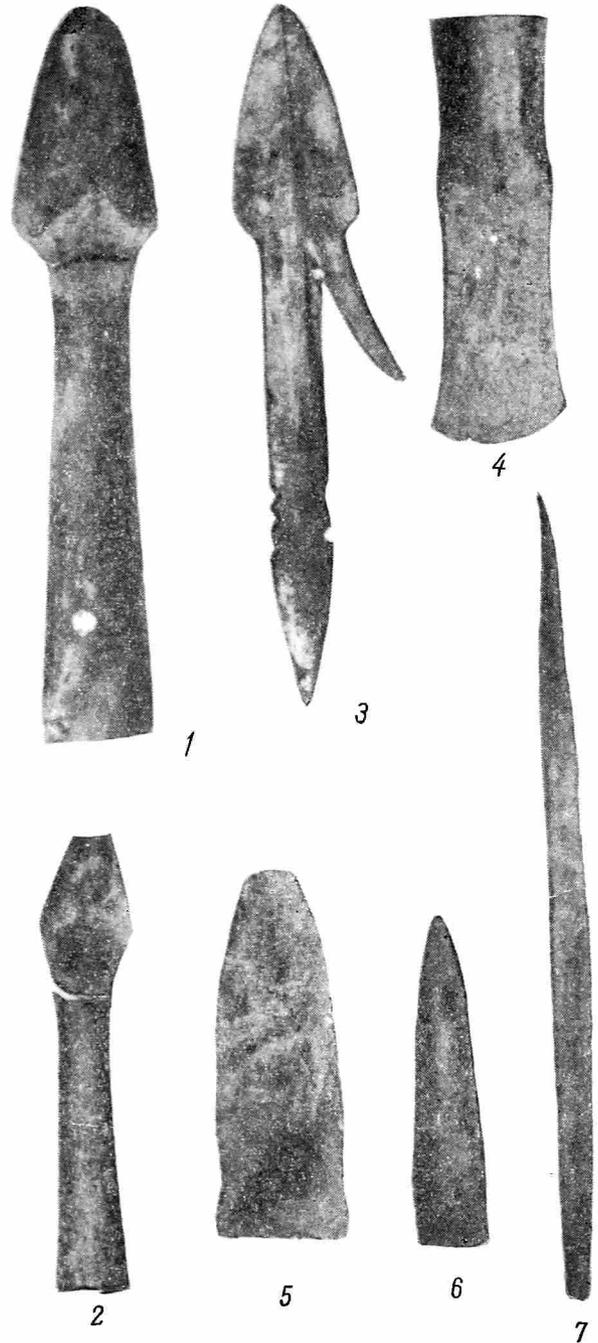

Рис. 36. Бронзовые предметы, найденные у подножия «Долгой горы» (Башкирия)

1 — наконечник копья; 2 — наконечник дротика; 3 — наконечник гарпуна; 4 — топорик-долото; 5 — обломок ножа; 6 — предмет неопределенного назначения; 7 — шило

¹ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА СССР, 1940, вып. 1, стр. 39, рис. 12.

7. Шило бронзовое, в поперечном сечении прямоугольное со слегка загнутым острым концом. Длина — 11,7 см, наибольшая ширина — 0,6 см (рис. 36—7). Почти такое же шило имеется среди Левшинских материалов.

Дальнейшие археологические исследования у подножия «Долгой горы», быть может, дадут новые дополнительные материалы, и тогда будет возможность сделать выводы в более полном объеме.

4. Бронзовый кельт с городища Петр-Тау

На городище Петр-Тау, расположенном на высоком мысе у слияния р. Сюнь с р. Белой, в Илишевском районе Башкирии, колхозником

Рис. 37. Бронзовые вещи из Башкирии

1 — кельт из городища Петр-Тау Илишевского района; 2 — зеркало из погребения Чекмагушевского района

В. Никифоровым в 1949 г. был найден бронзовый топор — кельт. По словам колхозников, здесь часты находки различных древностей: керамики, наконечников стрел и др. Найденный здесь бронзовый кельт — массивный, тяжелый, с овальной втулкой, без орнамента и с двумя ушками — значительно отличается от кельтов ананьинского типа. Лезвие орудия слегка округлено и расширено книзу; втулка по верхнему краю окаймлена неглубокой круговой бороздой. Одно ушко обломано. Общая длина кельта — 11 см, ширина лезвия — 4,5 см, диаметр втулки — 3,8 см, глубина втулки — 6,5 см (рис. 37—1).

5. Зеркало из погребения

В Чекмагушевском районе Башкирии у д. Резяпова во время строительства дороги было обнаружено древнее погребение. В погребении оказались скелет человека, зеркало и наконечники стрел. Возможно, были

найжены и другие предметы, но сведения о них не поступили. Необходимо отметить, что два наконечника стрел были найдены в черепной коробке, пробитой в двух местах. Наконечники были трехгранные. К сожалению, они не сохранились. Зеркало, вероятно, бронзовое; на его поверхности остались следы окиси каких-то других бронзовых предметов. Поверхность зеркала с одной стороны совершенно гладкая, хорошо заполированная, с другой — рельефное изображение: в центре небольшой кружочек, по двум сторонам которого два стилизованных животных со скрещенными хвостами. Описанная поверхность зеркала окаймлена рельефным валиком. По схематично изображенным фигуркам трудно определить принадлежность животных к какому-либо виду, но по своим головкам они напоминают ящериц (рис. 37—2). Диаметр зеркала — 9 см. Судя по всем признакам, зеркало относится ко времени не ранее III — IV вв. н. э.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Ф. И. ПЕТРОВЫХ

БЛЯХА С ИРЬЯКСКОГО ГОРОДИЩА

В начале 1920-х годов крестьянином д. Ирьяк (в 18 км от г. Осы Молотовской области). Родионом Лихачевым была выпажана медная бляшка (рис. 38).

Бляха была найдена на древней террасе р. Тулвы в урочище Большое Поле, к востоку от д. Ирьяк, на левом берегу речки того же названия.

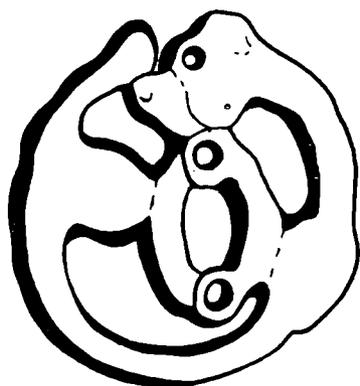

Рис. 38. Медная бляха с Ирьякского городища

На противоположном берегу р. Ирьяк, на возвышенности с крутыми склонами, образованными двумя оврагами, расположено городище. Городище лежит на высоте 120 м над уровнем долины р. Тулвы, в которую впадает р. Ирьяк. Площадка его с трех сторон имеет крутые склоны, а на СВ смыкается с соседними вершинами и с одной стороны защищена валом и рвом.

Бляха представляет собой сильно стилизованное изображение животного. Цвет ее поверхности темносерый, зеленого налета нет. Длина — 6,6 см, ширина — 6 см. С лицевой стороны бляха имеет рельефное изображение животного из семейства кошек, тело которого свернуто в овальное кольцо, так что конец

хвоста соприкасается с головой. Пропорции тела не соблюдены. В середине кольца, образованного телом животного, передние лапы соединяются с задними и имеют на концах круглые отверстия. Сюжет изображения и сильная стилизация сближают ирьякскую бляху с сибирской золотой бляхой, изданной И. Толстым и Н. Кондаковым¹, и отчасти с бляхой Ананьинского могильника².

Есть аналогия и среди вещей из Гляденовского костища³. Все это позволяет отнести нашу интересную находку к ананьинско-пьяноборскому времени, точнее к последним векам до н. э., когда для Прикамья отмечаются многочисленные черты сходства со скифо-сарматской культурой южнорусских степей.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III, стр. 64.

² Там же, стр. 95.

³ Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище. Труды Пермск. уч. арх. ком., XI, Пермь, 1914, табл. VI, рис. 6.

В. П. КРАВЕЦ

ГЛИНЯНЫЕ ТРИПОЛЬСКИЕ МОДЕЛЬКИ САНОЧЕК И ЧЕЛНА
В КОЛЛЕКЦИЯХ ЛЬВОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Во Львовском историческом музее хранятся две глиняные модельки саней и одна — челна, найденные на трипольских поселениях Верхнего Днестра.

Эти модельки до сего времени не были изданы, однако, как увидим ниже, представляют собой настолько интересное явление в трипольской пластике, что необходимость их публикации становится очевидной.

Моделька 1-я (рис. 39—1). Найдена на трипольском поселении в Незвисках. О времени и обстоятельствах находки данных нет. Моделька выразительно передает изображение саней, очевидно, существовавших у древнеземельческих трипольских племен. Она сделана из глины без примесей, поверхность гладкая, оранжевого цвета, местами покрыта известковым налетом. Следы росписи не сохранились, возможно, потому, что поверхность модельки сильно окатана. Модель в значительной своей части реконструирована. Она имеет два одинаковых высоких и узких полоза (длина — 10,5 см, ширина — 0,5 см, высота — 1,7 см), концы которых косо срезаны. Верхняя часть модельки представляет собой овальный кузов, высота стенок которого с одной стороны равна 3,5 см, с другой — 2,8 см, если брать по продольной оси. Более высокая стенка кузова (3,5 см) одновременно и шире противоположной стороны. На внешней ее стороне против каждого полоза имеются два вертикальных углубления, рядом с которыми находится по одной небольшой вмятинке. Углубления и вмятины, очевидно, схематически изображают отверстия, служащие для закрепления средств тяги. Можно предполагать, таким образом, что сторона модельки с отверстиями отображает переднюю часть саней. Отличие передней части «саней» от задней подчеркивается также различием в срезах противоположных оконечностей полозьев и высот противолежащих стенок кузова по продольной оси модельки.

Моделька 2-я (рис. 39—2). Найдена на трипольском поселении Городница-Городище М. Ю. Смишко во время раскопок 1938—1939 гг.¹ Миниатюрных размеров моделька (длина — 3,2 см, ширина — 1,8 см, высота — 1,3 см) представляет собой саночки с овальным кузовом и цилиндрическими полозьями. Моделька сделана из маленького кусочка глины без примесей, поверхность покрыта сильным известковым налетом.

¹ М. Smiszko. Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejetnosci, т. XLIV, 1939. N 1, стр. 38—40.

Овальный кузов сформирован двумя пальцами, следы которых заметны на внутренней части кузова. Полозья слабо выделены из общей конфигурации «саночек», что объясняется, с одной стороны, ничтожными размерами

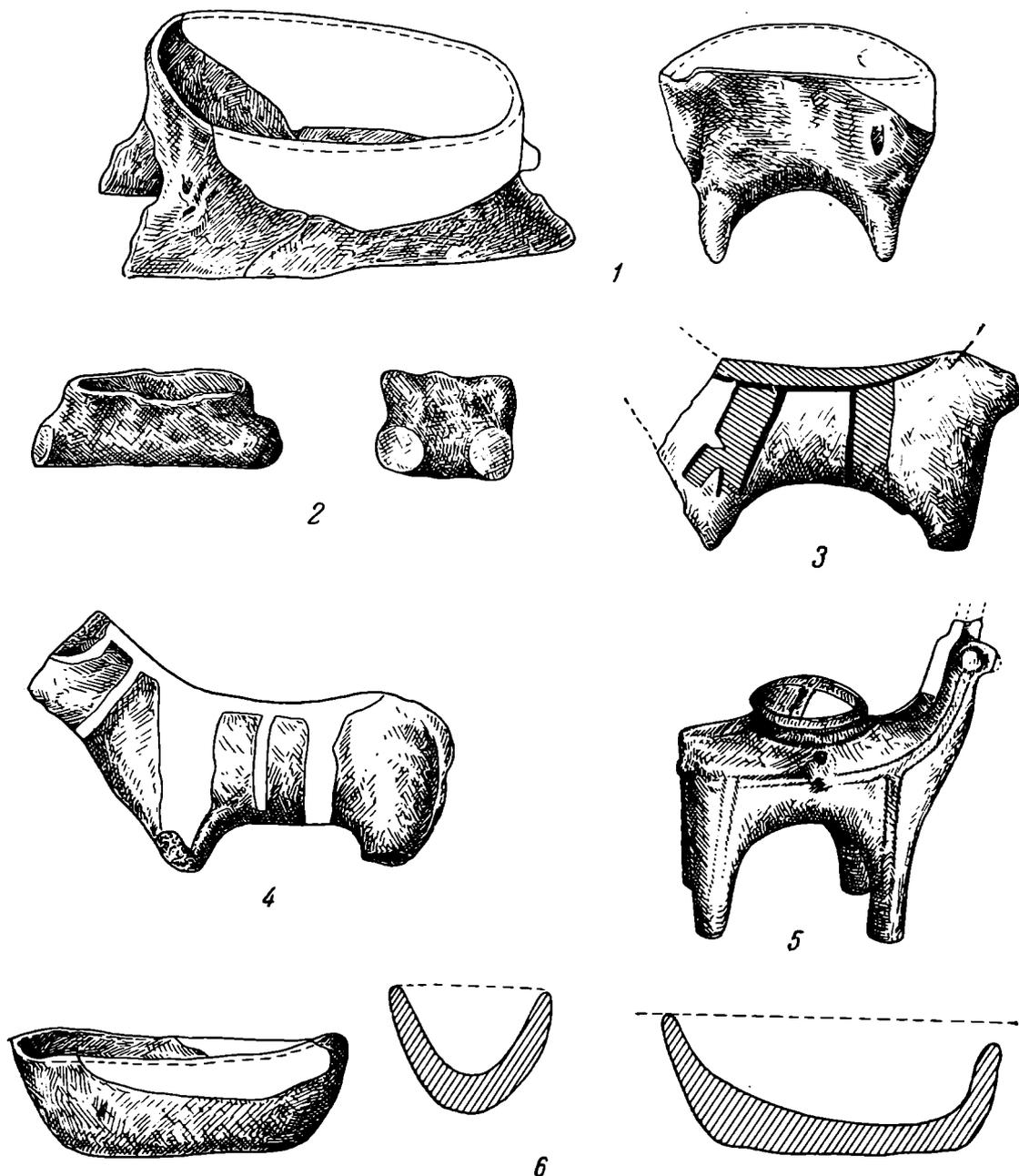

Рис. 39. Глиняные трипольские модели санок и челна

1 — санки из Незвиск (вид сбоку и спереди, н. в.); 2 — санки из Городница-Городища (вид сбоку и спереди, ув. в 2 раза); 3 и 4 — фигурки бычков (н. в.); 5 — зооморфный сосуд из Кошиловец (ум. в 3 раза); 6 — челн из Городница-Городища (н. в.)

модельки, когда трудно подчеркнуть детали, с другой — тем, что полозья «саночек» сделаны в виде двух валиков, выступающих у саночек спереди и сзади.

Обе модельки при всем своем сходстве имеют, однако, существенное различие. Полозья городницких саночек изображены в виде круглых бревнышек, в то время как незвиские имеют плоские доскообразные полозья.

Следовательно, городничьи «саночки» с круглыми бревенчатыми полозьями представляются нам более примитивными по сравнению с незвискими.

Примитивизм городничьих «саночек» нельзя объяснить схематизмом городничьей модельки; на маленьком кусочке глины, из которой формовалась моделька, гораздо легче защипами выделить полозья, похожие на незвиские, чем вылепить отдельно два валика и затем их соединить с кузовом, т. е. прибегнуть к такому способу, каким сделаны полозья у городничьей модельки. Очевидно, трипольский гончар изображал и в одном и в другом случае саночки различных типов.

Нельзя предположить, что различие в устройстве «саночек» обусловлено территориальными особенностями, поскольку Незвиски и Городница-Городище находятся в Поднестровье на расстоянии 29—30 км друг от друга.

Отсюда следует, что различие в изображении полозьев незвиских и городничьих саночек — признак, характеризующий, повидимому, различие в технике изготовления саней и прежде всего в технике обработки дерева. Можно полагать, что между употреблением бревенчатых полозьев и досчатых существовал значительный промежуток времени, в течение которого изменились приемы обработки дерева, наряду с изменениями в технике изготовления и характере орнаментации керамических изделий и появлением новых орудий труда.

Вот почему различие в изображении полозьев одних и других саней является, очевидно, признаком хронологическим.

Этот факт подтверждается принятой датировкой обоих поселений: Городница-Городище относится к раннему этапу развития трипольской культуры, Незвиска — к среднему этапу, расцвету Триполья.

До сих пор ближайшие аналогии описываемым саночкам по археологическим данным не известны. Неолитические, известные по нескольким изображениям, однополозные сани слишком далеки от трипольских и по устройству и по приемам использования.

Открытые в 1949 г. А. И. Тереножкиным остатки деревянной арбы¹ в древне-ямном погребении, свидетельствующие о существовании колесных средств перевозки и наличии упряжки во второй половине III тыс. до н. э. в Восточной Европе, позволяют с уверенностью говорить о возможности существования саней как одного из видов средств перевозки у трипольских земледельческих племен.

В связи с изложенным возникает вопрос о тягловой силе в трипольское время. Есть основания утверждать, что такой тягловой силой у древне-земледельческих трипольских племен являлся одомашненный бык. Об этом говорят находки повсюду на трипольских поселениях, даже на таких ранних, как Лука-Врублевская и Городница-Городище², костей одомашненного быка.

В трипольской звериной пластике больше всего статуэток быка, что, безусловно, свидетельствует о значительной роли этого животного в хозяйственной жизни трипольцев, и, повидимому, эта значительная роль определялась тем, что бык являлся основной тягловой силой.

В связи с этим следует обратить внимание на характер росписи, употребляемой на глиняных фигурках быков. Оказывается, что в ней проявляется определенная закономерность.

¹ А. И. Тереножкин. Скифско-Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 117—124.

² По предварительному определению К. Мичковского, на поселении Городница-Городище в большом количестве имелись кости одомашненного быка.

В коллекции фигурок быков из Кошиловец имеется несколько таких экземпляров с росписью (рис. 39—3 и 4)¹. Роспись нанесена широкими полосами, взаимно перекрещивающимися на спине и по бокам быка. По хребту быка идет одна широкая полоса, пересеченная двумя-тремя поперечными полосами. Фигурка рис. 39—3 украшена по оранжевому фону красными полосами в черной окантовке. Фигурка расписана белой краской по светложелтому фону. Иногда росписью обвиты рога и шея животного (рис. 39—4).

Очевидно, роспись эта представляет собой не что иное, как изображение широких ремней упряжи. Этот характер росписи на фигуре быка повторяется и в микенской находке Шлимана².

В этой же связи обращает на себя внимание сосуд из кошиловецкой коллекции, представляющей собой фигуру стоящего быка с двумя головами³. Одна голова отбита. Туловище быка образует сосуд, отверстие которого расположено посередине спины и закрывается круглой выпуклой крышкой (рис. 39—5). Сосуд опирается на четыре высокие и довольно толстые ноги, сзади имеется короткий пластически сформованный хвост. По бокам туловища находятся вертикально проколотые выпуклости — ушки, точно так же, как у других трипольских сосудов.

Сосуд раскрашен тремя красками — черной и красной по белому фону. Характер росписи такой же, как и на вышеописанных фигурках быков: продольные полосы перекрещиваются поперечными, ноги внизу украшены кольцевыми витками (заметно два витка). На рогах и шее также заметны витки. По передней и внешнебоковым сторонам ног идут вертикальные полосы.

Крышка, закрывающая отверстие на спине, имеет, крестообразное украшение из красных, обведенных черной краской полос.

Еще Гадачек высказал мнение, что этот зооморфный сосуд является схематическим изображением упряжки двух волов⁴. Это мнение, как кажется, не лишено основания. На первый взгляд вызывает недоумение наличие лишь только четырех ног у двухголовой фигуры. Однако это не будет странным, если учесть, что глиняные фигурки Триполья, изображающие мужчин и женщин, также часто имеют одну ножку, являющуюся схематическим изображением двух ног. Следовательно, и на нашем сосуде в той же схематической манере переданы ноги двух волов.

Если среди других пластических изображений быков нет подобного схематизма, то это объясняется тем, что такие фигурки были бы неустойчивы, между тем как наш сосуд, изображающий двух быков в упряжке, вовсе не нуждается в восьми ногах.

Назначение ушек сосуда пока остается невыясненным, равно как и назначение самого сосуда. Возможно, как предполагает Цегак, что за ушки сосуд подвешивали в связи с культовыми обрядами⁵.

Моделька 3-я (рис. 39—6). Небольших размеров моделька (длина — 7,2 см, ширина — 4 см, высота — 3 см), воспроизводящая челн, найдена на трипольском поселении Городница-Городище М. Ю. Смишко. Она сформована из цельного куска плохо очищенной глины. Поверхность покрыта известковым налетом.

Один конец модельки (по продольной оси) несколько выше второго и

¹ H a d a c z e k. Album des fouilles, tab. XXXII, 293; H. Č e h a k. Swiatowit, 1933, t. XIV, tab. X, 2.

² L'Anthropologie, VII, 1896.

³ H a d a c z e k. Album des fouilles, tab. XX, 173, 174; H. Č e h a k. Plastikę encolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. Swiatowit, 1933, t. XIV, tab. XIV.

⁴ H a d a c z e k. Osada przemysłowa w Koszylowcach. Lwów, 1914, St. 38.

⁵ H. Č e h a k. Swiatowit, 1933, t. XIV, st. 209.

закреплен, тогда как противоположный — почти плоский. Внутри модельки имеющей овальное дно, у более острого конца — плавный спуск от края бортов ко дну, у противоположного конца этот спуск значительно круче. Это позволяет думать, что заостренный конец с плавным внутренним спуском ко дну является передней частью челна, его носом, противоположный же, плоский — кормовой частью.

Возможность существования челна у трипольцев подтверждается многими фактами. Известно, что еще в неолите человек пользовался челном, выдолбленным из цельного ствола дерева. Находки долбленых челнов происходят также из свайных поселений, например, челн из свайного поселения Робенгаузен в Швейцарии. Пирога из Меринген (озеро Биенн в Швейцарии) имеет форму корыта, выдолбленного из половины ствола дерева. Большое количество челнов найдено на территории Франции¹.

На территории Советского Союза у Ладожского озера А. А. Иностранцев на неолитическом поселении в торфе нашел часть долбленого челна. На неолитических поселениях известны также находки весел.

Находимые на трипольских поселениях глиняные грузила для рыболовных сетей, кости рыб, в том числе крупных, свидетельствуют, что рыболовство продолжало играть известную роль в материальной жизни трипольских племен, несмотря на все возрастающее значение земледелия и скотоводства.

Из всего изложенного напрашивается вывод, что трипольские племена Верхнего Поднепровья пользовались челном и санями как средствами передвижения, а одомашненный бык у трипольцев служил тягловой силой.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПУСТОТЕЛЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ЦИЛИНДР

Керамический предмет, ныне хранящийся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (инв. № П. I. е. 361), был приобретен в 1887 г. в Риме, где он и был найден у Porta Portese. Предмет имеет форму полого толсто-стенного вытянутого цилиндра; с одной стороны он открыт, с другой закрыт и завершается небольшим довольно сильно выгнутым конусообразным выступом (рис. 40). Длина всего предмета — 0,155 м, длина цилиндрической части — 0,11—0,113 м. Наружный диаметр открытой части цилиндра (0,059—0,061 м) немного более, чем закрытой (0,055 и 0,057 м). Толщина стенок колеблется от 0,011 до 0,013 м. Вес — 299,7 г.

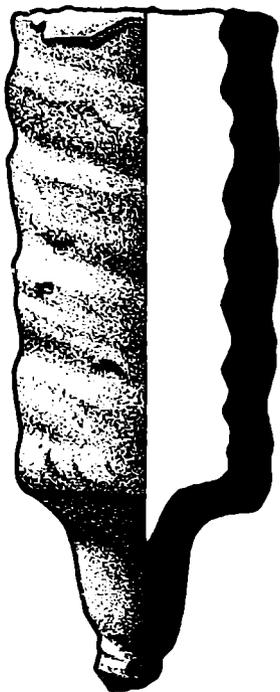

Рис. 40. Пустотелый керамический цилиндр

Керамический предмет сделан на гончарном кругу. Следы несколько небрежной формовки четко заметны в виде пяти ребер, спирально опоясывающих цилиндр. Глина хорошо обожженная, цвет ее светложелтый с сероватым оттенком.

Согласно старой музейной традиции, издаваемый предмет считался подставкой для лампы. Однако этому противоречит как форма выступа, так и наличие следов строительного раствора, заметных по всей наружной поверхности и внутри около отверстия.

Последние явно указывают на строительное использование нашего памятника. Применение сосудов для облегчения кривых перекрытий засвидетельствовано в римской архитектуре¹. Однако в данном случае мы имеем дело с более специальным строительным материалом, ближайшими аналогиями которому являются пустотелые кирпичи, применявшиеся в зодчестве раннего средневековья. Очень близки по форме нашему памятнику немного превосходящие его размерами кирпича² из Сан-Витале (рис. 41,1) в Равенне (526—534 гг.). Общая

¹ J. Dugm. *Baukunst der Römer*, Stuttgart, 1905, стр. 295.

² G. V. Miloni, V. Fasolo. *Le forme architettoniche*, Milano, 1934, Atlante, v. I, табл. 72, № 5; J. Dugm. Указ. соч., стр. 296 и сл., стр. 293, рис. 322 и 323; см. также стр. 299 и сл., рис. 324.

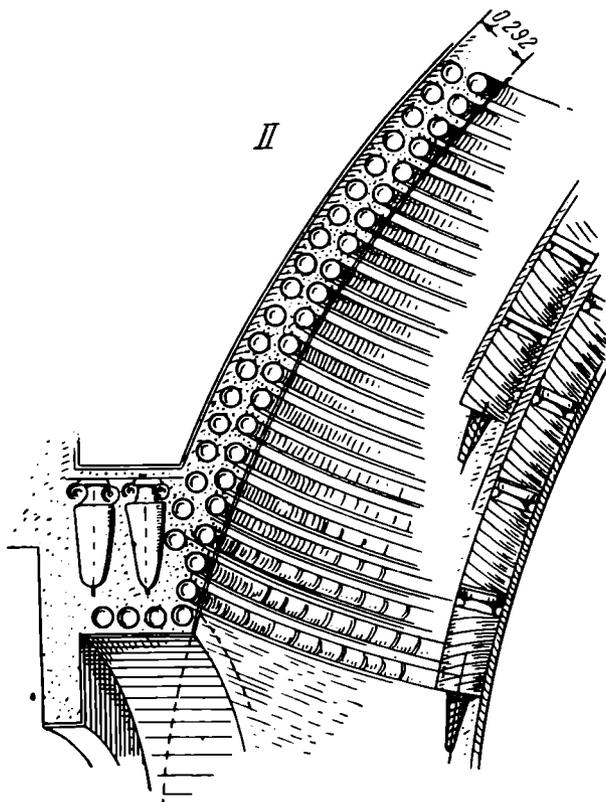
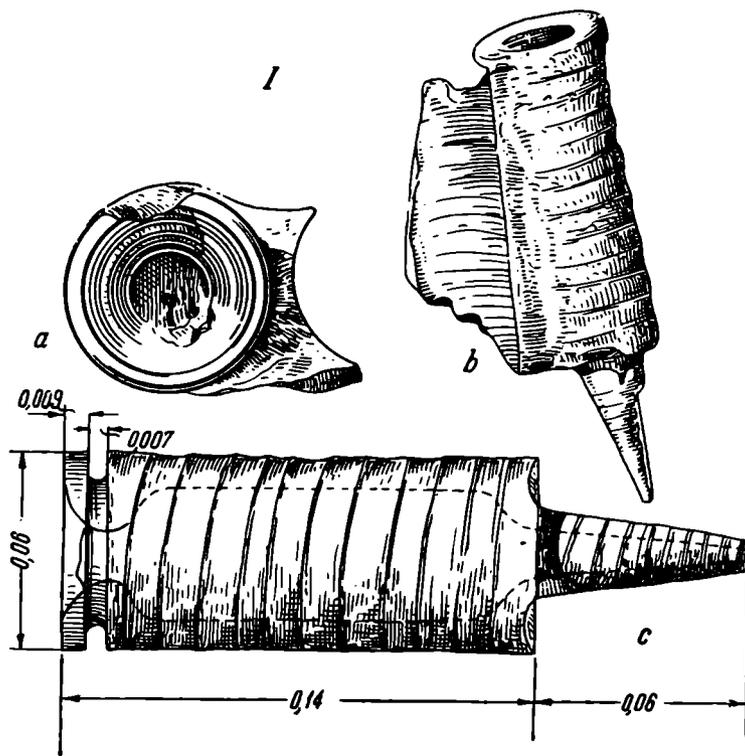

Рис. 41. I — полые керамические цилиндры (С.-Витале, Равенна); II — конструкция купола (С.-Витале, Равенна)

длина их — 0,20 м, длина цилиндрической части — 0,14 м, диаметр — 0,06 м, вес — 0,81 кг. Из таких кирпичей выкладывались большие горизонтальные кольца, составлявшие прочный, но легкий каркас купола (рис. 41, II). Диаметр сооруженного таким образом купола в Сан-Витале достигал 16 м. Издаваемый нами пустотелый керамический цилиндр служил для аналогичной цели, некогда принадлежа постройке, очевидно, меньших размеров. Небольшой вес нашего керамического цилиндра позволяет считать его строительным материалом очень высокого качества.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

КАМЕННОЕ ЯДРО ИЗ ФАНАГОРИИ

При раскопках Фанагории, производившихся в 1949 г. под руководством М. М. Кобылиной, в числе прочих предметов обнаружена одна редкая находка. Это — шар, тщательно вытесанный из известняка, имеющий 0,155 м в диаметре (рис.42).

Часть шара утрачена. В сохранившемся состоянии шар весит 3,5 кг, первоначальный вес его был около 4 кг. Аналогичные памятники из Карфагена и Пергама не позволяют сомневаться в том, что фанагорийская находка является каменным ядром палинтон (баллисты). Единичная находка ядра баллисты на античном городище, конечно, может быть и случайной. Однако если принять во внимание, что это ядро обнаружено в слое I в. до н. э., то более вероятным представляется связать его с бурными событиями в истории Фанагории этого времени.

У нас нет данных о том, что восстание рабов под предводительством Савмака и последовавший поход Диофанта затронули азиатский берег¹ Боспора.

Равным образом одержанные над «варварами» конная и морская победы Неоптолема, о которых упоминает Страбон², хотя и свидетельствуют о беспокойном положении на берегах Боспора, однако не дают основания заключать, что они сопровождались каким-либо обстрелом Фанагории. В силу этого обстоятельства появление нашего ядра может быть связано лишь с более поздними событиями: восстанием фанагорийцев против Митридата или с осадой Фанагории Фарнаком.

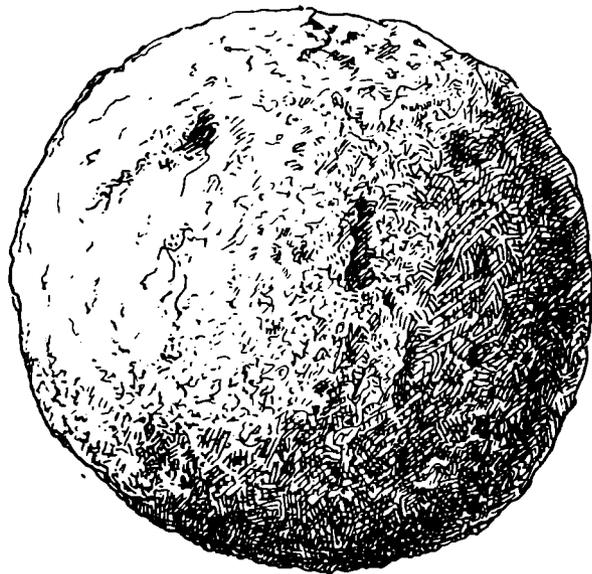

Рис. 42. Каменное ядро из Фанагории

¹ Iospe, I, N 352.² Strab., II, 1, 6; VII, 3, 13.

Аппиан¹ сообщает, что обложивший Фанагорию Фарнак измором принудил фанагорийцев к битве, в которой одержал победу. Поэтому вряд ли имеются основания предполагать, что во время войны с Фарнаком город подвергся артиллерийскому обстрелу.

Весьма примечательно и место находки ядра — расположенный у морского берега Северный раскоп. Прилетевшее туда ядро вряд ли могло быть пущено баллистой, стоявшей вне города, ибо ближайшая возможная позиция находится на расстоянии 500—600 м, т. е. около трех стадиев. Между тем, согласно свидетельству Афиней², трудно поверить рассказам о катапультах и палинтонгах (баллистах), бивших на расстояние 3—4 стадиев.

Таким образом, ядро скорее связано с предшествовавшими событиями, а именно — восстанием³, поднятым фанагорийцами по инициативе Кастора против власти Митридата Евпатора. Судя по доступным нам сведениям, во время этого восстания борьба шла на территории города. Акрополь, занятый детьми Митридата, подвергся энергичному нападению фанагорийцев, последние обложили его дровами и подожгли их. Четверо сыновей и одна из дочерей Митридата сдались восставшим. Другая дочь — Клеопатра продолжала энергично сопротивляться вплоть до того времени, пока ее не выручила посланная Митридатом большая эскадра из кораблей с двумя рядами весел. Скорее всего, именно во время этих событий, город мог быть обстрелян из баллист.

Мы уже говорили о том, что ядро, обнаруженное в 1949 г., не могло быть пущено баллистой, поставленной осаждающими за пределами города. К тому же трудно допустить, чтобы посланный Митридатом флот вез с собой метательные машины для осады города. Столь же мало вероятно, чтобы ядро было пущено баллистой с корабля. Мы располагаем данными о подобном вооружении лишь на колоссальных⁴ эллинистических кораблях, а не на небольших судах, имевших всего два ряда весел.

При таких обстоятельствах остается предположить, что наше ядро было брошено с акрополя, когда фанагорийцы напали на сторонников Митридата. Согласно Аппиану⁵, Митридат во время пребывания на Боспоре заготовил много военных машин, не щадя ни леса, ни рабочих быков для изготовления тетив. Вполне вероятно, что гарнизон фанагорийского акрополя располагал баллистами, из которых и был обстрелян восставший город. Правда, вопрос о местонахождении акрополя Фанагории не является окончательно решенным, ибо последний еще не исследован раскопками. Наиболее вероятно, что он занимал самый высокий из холмов верхнего плато города. Весьма примечательно, что расстояние от этого холма до места находки ядра лишь немногим более стадия, т. е. вполне доступное для боя баллисты, бросавшей ядра весом около 10 мин (4,363 кг)⁶.

Таким образом, находка 1949 г. в Фанагории вносит новые данные в историю военного дела на Боспоре и позволяет поставить вопрос об уточнении наших сведений по топографии древней Фанагории.

¹ App., XII, 120.

² Athen., Περὶ μετὰ γυναικῶν. 8.

³ App., XII, 108. P. Oros. VI, 5, 1—2.

⁴ Athen., Deipnos. V, 43.

⁵ App., XII, 107.

⁶ G. Lafaye. Tormentum. Daremberg et Saglio. Dictionnaire des Antiquités, V, стр. 365. См. также H. Diels und E. Schramm. Exzerpte aus Philons Mechanik. B. VII und VIII. Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissensch. Philosoph. Histor. Kl., N 12, 1920, стр. 12 и сл.

Н. Н. ВОРОНИН

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ВСЕВОЛОДА III

Среди больших закомарных композиций резной декорации Дмитриевского собора во Владимире особый интерес представляет композиция левой закомары северного фасада.¹ Здесь представлен сидящий на троне человек с ребенком на коленях; по сторонам его симметрично (по две) расположены четыре фигурки в коротких одеждах с молитвенно протянутыми к сидящему руками и полусогнутыми в коленях ногами (рис. 43). Н. П. Кондаков определил эту композицию как «богоматерь с младенцем среди преклоняющихся пастырей»². Следом за ним это определение неоднократно повторялось в литературе³. В. Касаткин, автор описания собора, отметил, что «едва ли это мнение верно, ибо изображена фигура скорее мужчины, чем женщины. Правдоподобнее мнение других, что здесь изображен храмосоздатель Всеволод со старшим сыном Константином»⁴. Приняв эту точку зрения, я писал, что здесь изображен «Всеволод, сидящий на престоле со своим наследником, окруженный коленопреклоненными людьми»⁵. Следует уточнить это определение.

Действительно, сидящая на престоле фигура, несомненно, мужская; об этом говорит характерный, застегнутый фибулой на правом плече плащ-корзно, из-под которого видна длинная одежда. Этот «кафтан» обшит по подолу каймой; на рукавах — вшитые обшлага «наручи», выше локтя также кайма вшивки — «налокотники». По штрихам резца можно думать, что резчик хотел передать узор ткани этой одежды в виде больших кругов, напоминающий ткани из княжеских гробниц владимирского Успенского собора⁶. Корзно, как принадлежность богатого княжеского наряда, известно. Длинный «кафтан» с каймами вшивок, подобный описанному, определен Кондаковым как характерная княжеская одежда⁷. Все это позволяет действительно думать, что перед нами князь. Его престол —

¹ А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 17, рис. 1.

² Н. П. Кондаков и И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства, т. VI, СПб., 1899, стр. 28 и рис. 69.

³ Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 81 и др. работы.

⁴ В. Касаткин. Дмитриевский собор в г. Владимире. Владимир, 1914, стр. 5—6.

⁵ Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 55.

⁶ А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.

⁷ Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 96—104.

без спинки, с мягкой, видной с обеих сторон, подушкой; под ногами, видимо, ступенька «стола».

Лицо князя бритое, без усов и бороды. По своим чертам оно очень обычно для древних рельефов собора, напоминая, например, головы князей Бориса и Глеба в поясе того же северного фасада. Волосы — длинные, зачесанные назад и напробор, закрывающие уши. Если говорить о сходстве или несходстве этого изображения с предполагаемым иконным портретом Всеволода-Дмитрия¹, то это, конечно, разные вещи.

Рис. 43. Скульптурный портрет Всеволода III

Общая композиция с портретом и основные детали композиции

Однако перед нами, несомненно, изображение Всеволода III. В этом убеждают следующие соображения. Четыре припадающие фигурки — мужские. Они одеты точно так же, как и сидящий на коленях князя мальчик: в короткие до колен кафтанчики, украшенные теми же шитыми оплечьями, налокотниками и наручами, как и кафтан князя. Это не просто «люди», поклоняющиеся князю и княжичу, но также княжичи. Из числа восьми сыновей Всеволода Глеб умер в 1189 г., до постройки Дмитриевского собора, Иван родился в 1198 г., по окончании постройки, Святослав родился в 1196 г. К началу постройки собора у Всеволода было пять сыновей: Константин (род. в 1185 г.), Борис (род. в 1186 г.), Георгий (род. в 1187 г.), Ярослав (род. в 1190 г.) и, наконец, родившийся в

¹ См. «Вопросы реставрации», II, М., 1928, стр. 138 и 139; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, стр. 235.

1194 г. Владимир. Этот последний родился в канун дня Дмитрия. Сам Всеволод носил христианское имя Дмитрия, это имя он дал и сыну. Возможно, что по связи с этим был посвящен Дмитрию и собор.

Таким образом, вероятно, что Всеволод приказал резчикам изобразить себя в кругу четырех старших сыновей с новорожденным пятым сыном Владимиром-Дмитрием на руках. Любопытно, что этот «семейный портрет» князя был помещен в закомаре северного фасада. Он был обращен к городу и его главной улице и был хорошо виден из-за отделявшей княжий двор каменной стены детинца, вероятно, закрывавшей собор на две трети высоты.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ВРЕЗНЫХ ЗАМКОВ

Древнерусские врезные замки сохраняются очень плохо и поэтому почти не известны. Тем больший интерес представляют два железных врезных замка с механизмами одинаковой конструкции, найденные один во Вщиже¹ и другой на Старо-Рязанском городище². По данным стратиграфии, оба замка датируются XII в.

Они принадлежат к группе замков, специально приспособленных в качестве запоров к ларцам и сундукам, широко распространенным и у городского и у сельского населения древней Руси еще в домонгольское время. Назначение замков определяется как конструктивными особенностями их механизмов, так и небольшими размерами. На сундуке замки этого типа крепились в специальном пазу, врезанном в верхнюю часть продольной его стенки. Над замком к крышке сундука подвижно прикреплялась накладка в виде узкой железной пластинки со скобкой, отходящей от ее нижнего конца. Такие накладки известны в коллекциях, происходящих из различных древнерусских городов, в том числе Старой Рязани и Вщижа (рис. 44—1,2). Сохранность найденных замков хорошая, и поэтому установить принцип работы их механизмов нетрудно.

Механизм старорязанского замка смонтирован на прямоугольной железной пластинке размером 80 × 105 мм и толщиной около 1 мм. Пластина эта лицевая и орнаментирована по контурам точечным орнаментом, выбитым изнутри пуансоном. По углам четыре небольших отверстия для прикрепления замка к сундуку.

В центральной части пластины прорезаны три щели: правая продольная, в центральной части Т-образная с мачтовой частью прорези, расположенной горизонтально, и перекладинной частью слева, левая крайняя прорезь поперечная. Между прорезями с оборотной стороны пластины приклепаны прямоугольные обоймицы, в которых движется засовчик с рукоятью, выпущенной через продольную прорезь за лицевую сторону пластины. Обоймица, ближняя к рукояти, несколько больше, чем это требуется для движения засова. К рабочему концу засова сверху и снизу от него приклепаны две пластинчатые пружины, обращенные свободными концами вправо. Между засовом с пружинами и Т-образной прорезью, позади которой расположен засов, установлен на некотором удалении от лицевой пластинки экран — узкая железная пластинка. Назначение ее — прикрыть меха-

¹ Раскопки Б. А. Рыбакова 1949 г.

² Раскопки А. Л. Монгайта 1949 г.

низм. При помощи рукояти, выведенной через продольную прорезь за лицевую пластинку наружу, засов можно передвигать справа налево и наоборот. При закрытом замке (рис. 44—5) засов находится в крайнем левом положении. Разошедшиеся пружины упираются свободными концами в обоймочку, ближнюю к рукояти засова, и препятствуют свободному передвижению засова вправо, т. е. отпираанию замка. Рабочий конец засова находится позади поперечной прорези, в обоймиче подвижной накладки.

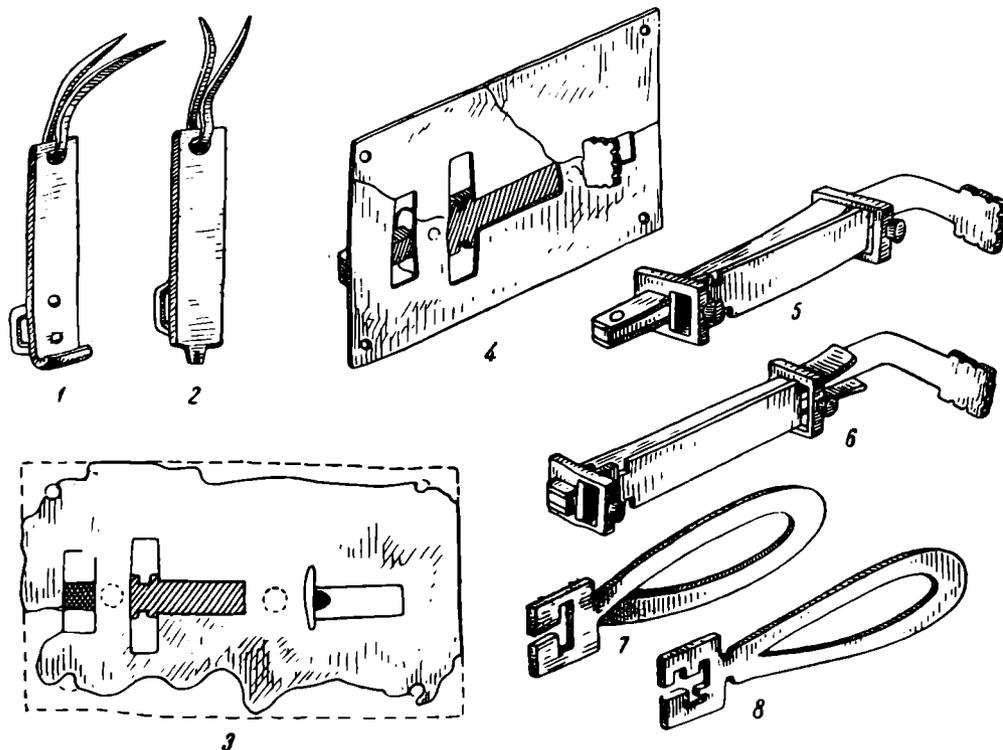

Рис. 44. Древнерусские врезные замки

1 — накладка от замка из Старой Рязани; 2 — накладка от замка из Вщижа; 3 — замок из Вщижа; 4 — замок из Старой Рязани; 5 — схема механизма замка в закрытом положении; 6 — схема механизма открытого замка; 7 — реконструкция ключа к замкам этой конструкции; 8 — ключ от врезного замка из Пскова

Чтобы открыть замок, необходимо в перекладинную часть Т-образной прорези ввести ключ типа, изображенного на рис. 44—7, и по мачтовой части прорези передвинуть его вправо. При таком передвижении ключа его рабочие выступы прижимают пружину к засову, который теперь можно передвинуть вправо. Конец засова выходит из скобки накладки, и она освобождается (рис. 44—6). Чтобы вновь закрыть замок, нужно было вынуть ключ, вставить накладку скобкой в поперечную прорезь и передвинуть засов в крайнее левое положение.

Вщижский врезной замок отличается от старорязанского меньшим размером лицевой пластинки (98 × 57 мм) и отсутствием на ней орнамента. К сожалению, ни во Вщиже, ни в Старой Рязани не были найдены ключи к замкам этого типа. При раскопках в Пскове¹ был найден ключ для подобного замка, но более усложненной конструкции.

¹ Раскопки С. А. Таракановой 1948 г. (Лаборатория ИИМК).

В. Б. ГИРШБЕРГ

НАДГРОБИЕ 1655 г. ИЗ БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
В МОСКВЕ

Из четырех надгробий, найденных на территории бывшего московского Богоявленского монастыря¹, с изображением опубликовано только одно (1546 г.)². Для остальных трех приведены лишь тексты³. Настоящая заметка рассматривает самое позднее из них, датированное октябрем 1655 г. (рис. 45).

Пятистрочная надпись высечена на известняковой плите длиной 182 см. Плита трапециевидная в плане. Большее основание ее (изголовье) длиной в 68 см, меньшее (в ногах) — 56 см. Толщина — 35 см. Техника нанесения текста выемчатая. Высота строки — 9,5 см. Лицевая поверхность, несущая надпись, имеет жгутовой ободок, выполненный невысоким рельефом. В изголовье от ободка полукругом вниз спускается затертое клеймо, делящее первую строку надписи на две равные части. Столь обычное для надгробий этого вида нижнее клеймо со сходящимися к нему тягами отсутствует.

На боковых сторонах надгробия — выемчатая резьба в пять поясов. Композиционно центральным является пояс, составленный из чередующихся арочек и столбиков — мотив чрезвычайно стойкий и характерный для московских надгробий с XVI в.⁴

Надпись прочитана и издана не полностью, так как заключительная строка ее, содержащая часть отчества и фамилию умершего, испорчена.

Кроме того, при расшифровке отчества издателем текста была допущена ошибка. Чтение «Демьянович» с прибавлением не существующих «м» и «ь» (ерь) неверно. Вместо восстановления фамилии погребенного в издании имеем лишь констатацию факта: «...(начало фамилии отбито)... лов»⁵.

Возможно полное и точное восстановление испорченного места, тем более, что, как мы увидим, боярские книги знают погребенного как одного из татарских князей, стольника царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Переходя к восстановлению надписи, перечислим буквы, входящие в испорченную строку.

¹ Район б. Покровки (Ул. Чернышевского).

² Е. И. Горюнова. Итоги работ археологического надзора... МИА, вып. 7, стр. 47.

³ Там же. Памятники хранятся в музее «Бывший Новодевичий монастырь».

⁴ В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Т. I и II (в отчетах РИМ за 1906 и 1911 гг.)

⁵ Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 47.

1. «Юс малый» поврежден, но читается вполне отчетливо. 2. «Н» расположено в верхней части строки и размерами равно, видимо, ее половине. Повреждены нижние части мачт. 3. Третий знак сколот; располагался он под „Н“, т. е. был подчинен ему. Величина утраченной буквы ограничивается наклонной «юс малого» слева и буквой «В» справа; «Н» диктует его высоту. На этом месте находилось «о», так как далее следует окончание отчества: «вич» 4. Слегка поврежденное «В». 5. «И» с вынесенным над ним под дугообразным титлом. 6. «Ч». 7. Буквой «С» начинается фамилия. 8. Остатки вертикальных мачт в верхней половине строки и остатки перемычки, переходящей в хоботок, спускающийся до нижнего уровня строки, принадлежат «М». Правая мачта его была усечена снизу до половины. 9. На ее месте приходится левая наклонная «А», вертикальная мачта которого (в верхней своей части) ясно прослеживается под выносным «И». «А», судя по аналогиям с близкими ему по времени и технике резьбы буквами надписей, обладало округлым кузовком. Слабый след его изгиба имеем под усеченной мачтой «М». 10. Выносное «И». 11. «Л». 12. «В». 13. «Ъ» (ер).

Составляется строка из тринадцати знаков: «Ановичсмаиловъ».

При дополнении двух последних букв предшествующей четвертой строки получаем отчество и фамилию умершего князя Прокофия: «Деянович Смаиловъ». Погребенный был знатным служилым татаринном и в списке Иванова именуется: князь Прокофий Дьян-Мурзин Смаилев. Упомянут он в чине стольника в годы 7135, 7137, 7144, 7148¹.

Полностью надпись читается (при раскрытии титлов): «Лета 7164 (г.) октября в 23 д[е]нь преставися раб божий князь Прокофей Деянович Смаиловъ».

Переписи Москвы 1638 г. указывают: «...на Покровке у Николы чудотворца, что против Покрова... двор князя Прокофья Смаилова»². В Иконном переулке встречается «двор вдовы князя Лва Смаилова, княгини Дарьи»³. Князь Лев Бигей-мурзин Смаилов также известен по боярским книгам в чине стольника⁴. Столбцы Оружейной палаты сохранили сведения о крещении в 1626 г. Сары Мурзина Бигеева мурзина сына Смаилова и племянника его Александра⁵. Проживая неподалеку от Богоявленского мо-

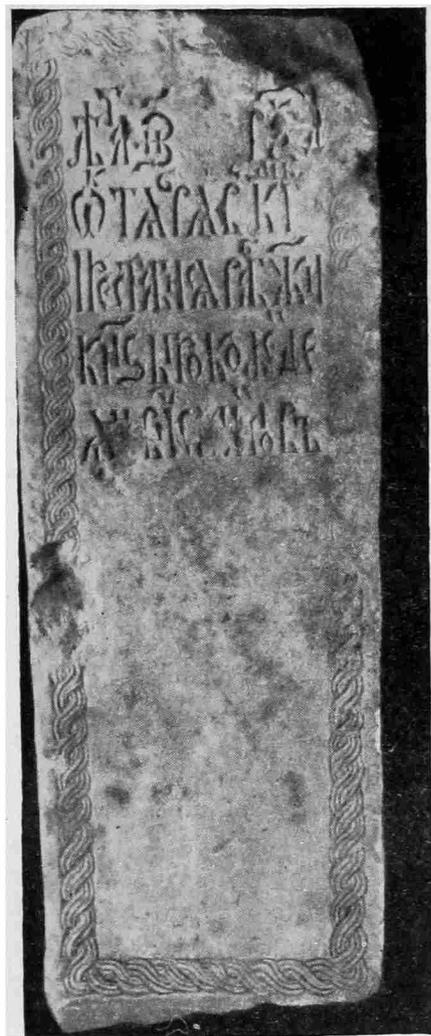

Рис. 45. Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве

¹ Иванов. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упомянутых в боярских книгах. М., 1853, стр. 380.

² Росписной список Москвы 1638 г. Труды Моск. отд. Русского Военно-истор. об-ва, т. I, М., 1911, стр. 116.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Иванов. Указ. соч., стр. 380.

⁵ ЦГАДА; Столбцы Оружейной палаты, 1626 г., № 1267.

настыря, Смайловы погребали представителей своего рода на монастырском кладбище, не довольствуясь близкими приходскими, что было в духе знати того времени. Так, например, можно указать обнаруженные одновременно с плитой князя Прокофия надгробия: а) 1637 г. жены окольного князя Григория Константиновича Волконского, дочери Осифа Тимофеевича Плещеева, княгини Марии Осиповны; б) 1645 г. жены Ивана Андреева сына Безобразова, Марьи. Росписной список Москвы 1638 г. показывает Григория и Якова Ивановичей Безобразовых в числе ближайших соседей князя Прокофия¹. Неподалеку жили князья Волконские и Плещеевы².

Текст надписи содержит 63 знака. Из них 52 — отдельные буквы³, 7 лигатур, 3 титла и один знак над буквой «В» (2-я строка), образовавшийся путем слияния обозначений придыханий. Последнее обстоятельство — новое графическое явление в монументальной эпиграфике Москвы. Оно отмечается лишь с середины XVII в. и преобладает на памятниках иной (рельефной) техники: 1671 г. — строительная доска рязанского подворья в Москве (Музей истории и реконструкции Москвы); надгробные памятники: 1674 г. — княгини Воротынской, 1680 г. — боярина Б. М. Хитрово, 1687 — княжны Одоевской, 1697 — жены боярина Б. М. Хитрово (музей «бывший Новодевичий монастырь»).

Все семь лигатур рассматриваемого памятника обычны для московских надписей XVI—XVII вв. А лигатуру «Љ» встречаем в конце XV столетия на Спасской башне Кремля⁴. Интересно соединение «Љ» где «п» несколько вынесено над строкой. С выносом одной буквы «п» нас знакомит памятная доска⁵ 1571 г. (Новодевичий монастырь): не лигатура, а одно «П» выступает над строкой. Для XVII в. лигатуры известны в надгробиях 1630⁶, 1634⁷, 1636⁸, 1642⁹. На памятной доске 1681 г. Евфимии, жены думного дьяка Аверкия Кириллова¹⁰, встречено подобное же явление. В такой же технике выполнена памятная доска княжны Стефаниды Воротынской (1661 г.)¹¹. В ней нет лигатуры «пр», но буква «п» термина «преставис», почти обязательного для надгробной формулы, выше обычных строчных букв. Показательно в этом отношении недавно опубликованное надгробие княгини М. А. Елецкой (1643)¹². Лигатура «Љ», возвышающаяся над третьей строкой, встречена здесь в имени «Пров».

Элементы уходящей графики предшествующего времени проявляются в надписи 1655 г. в недостаточной строгости при постановке букв, мягкости их петель и извивов. Но общий характер начертаний гораздо ближе гра-

¹ Росписной список Москвы 1638 г., указ. изд., стр. 116.

² Там же, стр. 117, 118, 120, 124.

³ В 5-й строке вторая и третья буквы: «Н» и «О» размером в полстроки.

⁴ 1491 г. Русская надпись о построении Спасской стрельницы Кремля. См. в Сб. в честь Уваровой. М., 1916 г., стр. 229 сл.

⁵ Памятные доски — вид надгробий квадратной и пятиугольной формы (в плане). Редко встречаются в XVI в., но начинают преобладать над иными видами могильных памятников Москвы со второй половины XVII столетия.

⁶ Экспонируется в Музее истории и реконструкции Москвы.

⁷ См. А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метрострое, Сб. «По трассе первой очереди московского метрополитена». М., 1936, стр. 162 (хранится в музее «Бывший Новодевичий монастырь»).

⁸ Хранится там же.

⁹ Хранится там же. Текст издан Е. И. Горюновой (указ. соч.).

¹⁰ Хранится там же. Тексты: ср. А. А. Мартынов. Надгробная летопись Москвы; Д. В. Разов. Ансамбль палат Аверкия Кириллова. («Архитектурные памятники Москвы XV—XVIII веков». Изд. Акад. архитектуры СССР, 1947, стр. 100).

¹¹ Хранится там же.

¹² Изображения см. М. Г. Рабинович. «О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. Изв. АН СССР, Серия истории и философии», т. V, № 4, 1948.

фике последней четверти XVII в. с ее не терпящей отклонения постановкой букв, равномерными интервалами между ними и поистине могильной холодностью внешнего вида надписи.

Рассмотренный памятник позволяет внести новый штрих в историю словной топографии Москвы. В отношении палеографическом надгробие князя П. Смаилова — промежуточный памятник, соединяющий надписи XVI и первой половины XVII в. с надписями конца XVII столетия.

IV. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

В. Р. ТАРАСЕНКО

**К ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И БЕЛОРУССИИ
В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.**

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании ученого совета ИИМК 29 декабря 1947 г.)

Несмотря на значительные трудности обобщения накопленных в предвоенные годы археологических материалов для восстановления основных контуров истории населения верхнего Поднепровья и Белоруссии в период, непосредственно предшествующий образованию древнерусского государства, такого рода попытка, несомненно, представляет значительный научный интерес.

1. Основными задачами настоящей работы были следующие:

а) проанализировать состояние данных, имевшихся в археологической литературе о памятниках изучаемых территорий и эпохи;

б) установить связи и взаимозависимость археологических памятников Белоруссии и Смоленщины с аналогичными в хронологическом отношении памятниками смежных территорий;

в) сделать попытку классификации памятников и выявить географическое размещение каждой из групп памятников, объединенных общими для них признаками;

г) увязать культуру памятников эпохи раннего железа на территории верхнего Поднепровья и Белоруссии с предшествующими культурами, а также последующей культурой эпохи Киевской Руси, что имеет особое значение в связи с постановкой проблемы этногенеза восточнославянских племен верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья;

д) наконец, дать характеристику сосуществования материальной культуры населения этой территории, их хозяйственной деятельности, общественного и семейного строя, быта и, насколько это допускает специфика конкретного фактического материала, общественной идеологии.

2. После установления относительной и абсолютной хронологии памятников, в особенности ранних белорусских и смоленских городищ, выявились четыре основные группы последних: восточная с гладкостенной керамикой, северо-западная со штрихованной, Слуцко-Туровская и Гомельская. В работе приводится ряд новых доказательств в пользу того, что верхнее Поднепровье входило в пределы территории, на которой происходил процесс этногенеза восточного славянства.

3. Основным видом хозяйственной деятельности населения ранних городищ и селищ Белоруссии и Смоленщины, несомненно, является земледелие (находки серпов на городищах близ совхоза Банцеровщина Минского

района, возле д. Оздятичи на р. Березине; ниже г. Борисова, на селище близ д. Бекишево Бешенковичского района БССР и в одном из ранних — до IX в. — длинных и удлиненных курганов, недалеко от ст. Катынь Смоленского района и области; обугленных зерен проса, пшеницы, гороха — на Банцеровщинском городище, пшеницы — на городище близ д. Чесноры Усвятского района Смоленской обл., наконец, ручных зернотерок на городище у д. Загорцы, на городище «Барсучья горка» Могилевского района БССР и др.).

О посевах технических культур говорят отпечатки тканей на горшках из глины, найденные на некоторых городищах.

Однако это было еще допашенное земледелие подсечного типа. Об этом свидетельствует как полное отсутствие железных плужных лемехов, так и наличие на многих городищах расколотых вдоль костей таких животных, как лошадь и бык, рассматривавшихся еще в качестве убойных, а не тягловых, применявшихся при пахоте.

4. Кроме коня и быка, разводились свинья, овца и коза, но в небольших количествах. Кони и коровы — мелкие, приближающиеся к диким быкам и лошадям.

5. Общество, оставившее свои укрепленные поселения — ранние городища, уже вступило в эпоху железа. О его знакомстве с металлургией железа говорят обильные находки изделий из этого металла и множество железных шлаков и остатков сыродутных горнов, обнаруженных на целом ряде городищ. Сырьем для получения железа, несомненно, служила болотная руда, залежи которой были обнаружены рядом с некоторыми из городищ.

Поделок из бронзы найдено было немного (Лестровское городище в Смоленске, городище близ д. Загорцы на р. Ловати), и в большинстве случаев они также вырабатывались на месте, но из привозного сырья, а в единичных случаях были предметом импорта.

6. Находки многочисленных пряслиц на белорусских и смоленских городищах и селищах и обнаруженные кое-где (Загорцы, Лестровка) отпечатки на глиняных сосудах шерстяных и льняных тканей говорят о прядении и ткачестве, а огромное количество фрагментов керамики свидетельствует о массовом производстве глиняных сосудов, производившихся вручную «налепом».

Изготовление сосудов без гончарного круга является свидетельством до-ремесленной стадии их производства. Эта общая черта объединяет и смоленские и белорусские ранние городища, хотя на первых из них посуда по преимуществу гладкостенная, а на большинстве последних преобладает штрихованная.

7. Охота и рыболовство занимают хотя подчиненное, но все же довольно заметное место в хозяйстве обитателей ранних белорусских и смоленских городищ, часть которых возникла на территории первоначально не укрепленных поселений.

8. Обитатели этих городищ жили по большей части в наземных бревенчатых (или типа «курень») домах с очагами из камней или устроенными в ямах. Однако на городищах у д. Оздятичи на р. Березине и у д. Кордон на р. Западной Двине обнаружены были остатки жилищ типа землянок, характерных для «роменских» городищ Полтавщины и Киевщины, т. е. Среднего Поднепровья.

9. Прimitивное хозяйство, основой которого являлось подсечное земледелие допашенного типа, стимулировало устойчивость общественной организации в форме неразделенной большой патриархальной семьи, характерной для этой эпохи. О наличии этой формы общественной организации свидетельствует ряд фактов: географическое размещение городищ группами (или

«гнездами»), их небольшие размеры (1500—2000 м²), общие дома, в которых помещения для отдельных малых семей сообщались между собой внутренними переходами (городище «Барсучья горка»), наконец, сохранившиеся в народе легенды о братьях-богатырях, живущих на смежных городищах, — намек на возможность принадлежности больших семей, обитавших на соседних городищах, к одному роду, и т. п.

10. Самая экономическая отсталость насельников ранних белорусских городищ, их хозяйственная замкнутость в сравнении не только со средним Поднепровьем, но и с районом верхнего Поволжья вполне объясняется застойностью подсечного допашенного земледелия в лесистой и болотистой местности с суглинистой и супесчаной почвой, которая может быть урожайной только при щедром унавоживании. Но этому препятствовало недостаточно развитое скотоводство.

11. Однако, несмотря на большую разницу в уровне развития материальной культуры памятников до IX—X вв. и последующей эпохи, генетическая связь между ними несомненна и подтверждается целым рядом доказательств.

Все эти данные говорят об автохтонности насельников данной территории и против миграционной теории.

12. В то же время наличие локальных групп среди городищ Белоруссии и Смоленщины — городищ с каменными площадками и штрихованной керамикой центральной Белоруссии, с гладкостенной керамикой — Смоленщины, Витебщины и Полочины, а также групп Слуцких и Гомельских городищ свидетельствует о множественности этнических элементов, вошедших в состав формировавшихся в верхнем Поднепровье, Подвинье и Понеманье восточнославянских племен.

13. Крупнейшие сдвиги в общественно-экономическом строе ускорены были включением территории верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья в состав Киевского государства, участием населения этих территорий в военных и торговых экспедициях киевских князей в Византию.

Это в свою очередь в IX—X столетиях привело к быстрому крушению экономической замкнутости создателей ранних белорусских и смоленских городищ и курганов и выравниванию их экономического и культурного уровня с уровнем развития до этого времени более передовых областей Киевского государства.

14. О значительном росте экономического и культурного развития в это время говорит несравненно более высокий уровень металлургии, гончарства (переход к кругу), рост имущественного неравенства и классовое расслоение общества. Сказанное ярко подтверждается сравнением нижнего и верхнего слоев двухслойных белорусских и смоленских городищ, а также ранних и позднейших курганов. Самый переход от бескурганых погребений VI—VII вв. к ранним погребениям под курганами, от кремационного к ингумационному обряду погребения, находится в связи с зарождением и развитием классового общества, основанного на частной собственности.

15. С этого момента мы уже имеем дело с переходом к классовому обществу и государству.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России
ВДИ — Вестник древней истории
ВСОРГО — Восточно-сибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Известия РАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КФ АН СССР — Крымский филиал Академии Наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Издания Московского археологического общества
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГПИ — Московский городской педагогический институт
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
Н. сб. — Нумизматический сборник
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических формаций
РИМ — Российский исторический музей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
УЗ АН — Узбекская Академия Наук
УЗ ФАН — Узбекский филиал Академии Наук
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
Чтения ОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских
САН — Cambridge Ancient History
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini
K.-W. — Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland
P.-W. RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopedie der klassischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и доклады

<i>А. А. Формозов</i> — К вопросу о происхождении андроновской культуры	3
<i>А. Л. Есипенко</i> — Петуховская оборонительная система	19
<i>А. П. Иванова</i> — Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины	27
<i>Г. Г. Виноцкая</i> — Технологические основы производства терракот в Ольвии	35
<i>Д. Б. Шелов</i> — К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах	45
<i>В. Н. Скалон и П. П. Хороших</i> — Об оленных писаницах Северной Азии	53
<i>В. Л. Воронина</i> — К вопросу о древней метрологии Средней Азии	63
<i>И. Г. Спасский</i> — Анализ технических данных в нумизматике	69

II. Полевые археологические исследования

<i>А. П. Окладников</i> — Каменные орудия с острова Фаддея	76
<i>Г. А. Чернов</i> — Петрушинская стоянка на Средней Печоре	81
<i>Г. А. Чернов</i> — Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры	84
<i>О. Н. Бадер</i> — Камская археологическая экспедиция в 1949 г.	89
<i>О. М. Джапаридзе</i> — Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г.	96
<i>Э. А. Сымонович</i> — Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка	104
<i>О. Д. Дашевская</i> — Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры	110
<i>Р. Б. Ахмеров</i> — Новые археологические находки в Башкирии	120

III. Мелкие статьи и заметки

<i>Ф. И. Петровых</i> — Бляха с Ирьякского городища	126
<i>В. П. Кравец</i> — Глиняные трипольские модельки саночек и челна в коллекциях Львовского исторического музея	127
<i>В. Д. Блаватский</i> — Пустотелый керамический цилиндр	132
<i>В. Д. Блаватский</i> — Каменное ядро из Фанагории	135
<i>Н. Н. Воронин</i> — Скульптурный портрет Всеволода III	137
<i>Р. Л. Розенфельдт</i> — Новая конструкция древнерусских врезных замков	140
<i>В. Б. Гиришберг</i> — Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве	142

IV. Тезисы защищенных диссертаций

<i>В. Р. Тарасенко</i> — К истории Верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тыс. н. э.	146
---	-----

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Н. А. Неграева*
Корректор *А. В. Ключарев*

*

РИСО АН СССР № 4544. Т-95020. Издат. № 3012
Тип. заказ № 1018. Подп. к печ. 18/VII 1951 г.
Формат бум. 70×108. Бум. л. 4,75. Печ. л. 13
Уч.-издат. л. 12,5. Тираж 1500.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
68	11 стр.	Б. В. Пиотровский. Раскопки на Ченгиз-тепе.	Б. Б. Пиотровский. Раскопки на Чингиз-тепе.
101	18 стр.	на холме. Нацаргора	на холме Нацаргора
132	5 стр.	кирпича	кирпичи